

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

Том 15 № 4 (2018)

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы	379
Ожиганова Г.В. Духовные способности и продуктивная жизнедеятельность семьи.....	395
Воронин А.Н. Модификации семантического пространства межличностного восприятия билингвизма при разном уровне дискурсивных способностей.....	410
Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте.....	431
Одинцов А.А., Одинцова О.В. Об инструментах управления модой и модной коммуникацией.....	446

КЛИНИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Иванов М.С., Солодухин А.В., Помешкина С.А., Серый А.В., Яницкий М.С., Горбунова Е.В. Опасения и страхи в системе отношения к личной безопасности у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями	458
Бовин Б.Г. Механизмы психологической защиты осужденных с повторной преступностью.....	473

КОГНИТИВНАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ershova R.V., Tarnow E. Interference in Working Memory is not Displacement nor Competition — It is Limited Destruction (Механизм разрушения как причина интерференции в рабочей памяти)	488
--	-----

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Chaikova E.S. Assessing Academic Texts Authenticity in EFL Classes (Оценка степени аутентичности студенческих академических текстов на иностранном языке)	500
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Novikova I.A., Chebotareva E.Yu., Novikov A.L. Рецензия на книгу: Visions and Resources for International Psychology: 75 Years of the International Council of Psychologists	512
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Кудинов Сергей Иванович, доктор психологических наук, профессор, действительный член МАНПО, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН (Москва, Россия)

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа (Хьюстон, США); профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс (Йель, США)

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор психологии Эйрис Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия)

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Крупнов Александр Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАНПО (Москва, Россия)

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта (Белойт, США)

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт (Джуно, Аляска, США)

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж» (Белград, Сербия)

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхем (Нью-Йорк, США)

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем» (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи (Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты)

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Редактор Ю.А. Заикина

Компьютерная верстка: О.Г. Горюнова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Психология и педагогика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 778-38-07, доб. 12-67; e-mail: psyj@rudn.university

Подписано в печать 10.12.2018. Выход в свет 24.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,58. Тираж 500 экз. Заказ № 1665. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

VOLUME 15 NUMBER 4 (2018)

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

PERSONALITY AND SOCIAL PSYCHOLOGY

- Shamionov R.M.** Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms 379
- Ozhiganova G.V.** Spiritual Capacities and Productive Life Activity of the Family 395
- Voronin A.N.** Modifications of Semantic Space of Interpersonal Perception of Bilingualism at Different Levels of Discursive Abilities 410
- Sheinov V.P.** Relationships of Victimization, Machiavellianism and Conflict Behavior..... 431
- Odintsov A.A., Odintsova O.V.** About Tools for Management of Fashion and Fashion Communication..... 446

CLINICAL AND JURIDICAL PSYCHOLOGY

- Ivanov M.S., Solodukhin A.V., Pomeshkina S.A., Seryy A.V., Yanitskiy M.S., Gorbunova E.V.** Worries and Fears in the System of Attitudes to Personal Security of Patients with Cardiovascular Diseases 458
- Bovin B.G.** Defense Mechanisms in Case of Repeat Offenders 473

COGNITIVE AND EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

- Ershova R.V., Tarnow E.** Interference in Working Memory is not Displacement nor Competition — It is Limited Destruction 488

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION

- Chuikova E.S.** Assessing Academic Texts Authenticity in EFL Classes 500

REVIEWS

- Novikova I.A., Chebotareva E.Yu., Novikov A.L.** Book Review: Visions and Resources for International Psychology: 75 Years of the International Council of Psychologists 512

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey I. Kudinov, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor, Head of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology (*University of Houston, Houston, USA*), Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics (*Baylor College of Medicine, Houston, USA*), Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories (*Yale University, Yale, USA*)

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (*Pace University, New York, USA*)

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*)

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (*Paris College of Art, Paris, France*)

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology (*American University of Sharjah, Sharjah, UAE*)

Alexander I. Krupnov, D.Sc. in Psychology, Professor, Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education (*Silesian University in Katowice, Poland*)

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies (*Beloit College, Beloit, USA*)

Ewa Ogródzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science (*University of Silesia in Katowice, Poland*)

Lilia K. Raitkaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology (*Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia*)

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (*Juneau, Alaska, USA*)

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council (*Fordham University, New York, USA*)

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher (*Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*)

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair (*Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*)

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor (*College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia*)

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board Series "Psychology and Pedagogics":

10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала — публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам.

Журнал издается на русском, английском, французском, немецком, испанском языках.

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» входит в список периодических изданий, публикации в которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите кандидатских докторских диссертаций (№ 318 в обновленном Перечне ВАК от 27.01.2016) по научным специальностям:

19.00.00 — Психологические науки;

13.00.00 — Педагогические науки.

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

Основные тематические рубрики журнала:

— теоретические, методологические и дискуссионные проблемы современной психологии и педагогики;

— актуальные проблемы психологии личности и индивидуальности;

— современные социально-психологические и этнопсихологические исследования;

— проблемы межкультурной адаптации и коммуникации в образовательном пространстве;

— психодиагностика и тестология;

— актуальные направления психологии здоровья и психофизиологии;

— психолого-педагогические проблемы образования;

— психолого-педагогические исследования высшего и среднего образования;

— международные конференции по психологии и педагогике и др.

Рубрики журнала постоянно обновляются и отражают наиболее актуальные направления развития современной психологии и педагогики.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

Полнотекстовые версии статей журнала представлены в базе данных Cyberleninka: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-rossiyskogo-universiteta-druzhby-narodov-seriya-psihologiya-i-pedagogika>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редколлекцией по электронному адресу: psyj@rudn.university

ABOUT OUR JOURNAL

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and foreign scientists on the current trends of psychology and pedagogy in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and foreign science. The articles are published in Russian, English, French, German and Spanish.

Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate students.

The Journal publishes papers on a wide range of issues of psychology and education, and the results of interdisciplinary research.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The main thematic rubrics of the Journal is:

— Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;

— Current Problems of Personality Psychology;

— Contemporary Social Psychological Research;

— Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;

— Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;

— Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;

— Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;

— Cross-National Scientific Cooperation;

— International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc, as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

Full-text versions of the articles are presented in the Cyberleninka database: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-rossiyskogo-universiteta-druzhby-narodov-seriya-psihologiya-i-pedagogika>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial board by e-mail: psyj@rudn.university

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

УДК 159.9

Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы

Р.М. Шамионов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, Астраханская ул., 83

Проблема социальной активности личности и группы становится центральной в современной социальной, экономической и политической психологии. Инновационные процессы в обществе, сохранение динамического равновесия в нем всецело зависят от высвобождения социальной активности личности и групп, от ее свободы и разнообразия, конструктивности и ответственности. В статье представлен теоретический анализ проблемы операционализации феноменов социальной активности личности и группы, обобщение разрозненных данных о ее основаниях, побудителях, механизмах и общественных эффектах. Предложено определение социальной активности как частного случая инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду, как действий, направленных на изменение и преобразование социальных объектов, в результате которых происходит изменение самой личности и всей социальной ситуации, рассмотрена проблема ее операционализации. Показано, что социальная активность является эффектом социализации личности и развития субъекта. Отмечены различия социальной активности в разные возрастные периоды, ее значение для личности и ее социально-психологического статуса. Выделена многокомпонентная структура социальной активности, включающая когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационный, поведенческий компоненты. Проанализированы побудительные механизмы социальной активности (мотивация, удовлетворенность/неудовлетворенность как показатель диахронического рассогласования личности и социальной среды). Намечены эмпирические исследования, направленные на выяснение предикторов и оснований доминирующих видов социальной активности личности.

Ключевые слова: личность, субъект, социальная активность, побудительные механизмы, структура активности, системно-диахронический подход

Введение

Социальная активность предполагает широкий диапазон подразумеваемых явлений — от активности, взятой в любом социальном контексте, до активности, понимаемой как конкретное поведение относительно конкретного сегмента социальной реальности. Возросший в последние десятилетия интерес к проблеме социальной активности связан с социально-экономическими и социально-политическими процессами в нашей стране и мире, характеризующими действия гражданского общества, с одной стороны, и необходимостью изучить психологические основания, детерминанты и механизмы включенности личности и групп в эти процессы для разработки средств диагностики, моделирования и риск-

менеджмента социальной активности в масштабах большого и малого социума, с другой. Исследователями показано, что достаточно большое количество лиц (по разным оценкам от 30 до 60 %) не верят в то, что социальная активность может принести весомые результаты (Балабанов, Кузонков, 2013; Трощук, Сохадзе, 2014). Между тем, по другим данным, отмечается рост протестных настроений (Михайлова, 2017), социальной напряженности в связи с растущими экономическими проблемами и «свертыванием» легальных форм выражения недовольства и критики властей (Петухов, 2016), в том числе и в молодежной среде (Рубан, 2016). Отметим также и то, что неучастие большого количества людей в общественных объединениях (и тем более в стихийных акциях) вовсе не означает отсутствие социальной активности. Более того, кажущаяся пассивность может быть весьма обманчивой, поскольку при определенных условиях, в силу отмеченной исследователями напряженности и неудовлетворенности базовых потребностей (Гусейнов, 2016), формирование активности может происходить стремительно. Она может проявляться в разных областях, а самооценка социальной активности дает стабильно высокий результат как в наших исследованиях (Шамяонов, 2012), так и в исследованиях коллег (Соколова, 2011; Григорьев, 2012). Необходимо также учесть, что в представлениях о социальной активности содержатся такие категории-ассоциации, как общественная деятельность, лидерство, коммуникация, достижение целей, досуг, помощь другим и т.п. (Соколова, 2011). Это значит, что социальная активность весьма разнообразна; она проявляется в той мере и в той области, которые определяются самой личностью как необходимые ей для полноценной жизни и самореализации в социальном пространстве. Недостаточно сильный интерес личности к определенному виду социальной активности и участию в нем может сопровождаться поглощенностью другим видом или смениться полной сосредоточенностью на нем. Кроме того, социальная активность личности может быть разноуровневой: от минимального включения до полной погруженности, от пассивного приятия до инициативы. Поэтому важно выявить внутренние условия активности, ее механизмы. Цель данной статьи — определение и теоретический анализ структуры социальной активности, ее механизмов.

Актуальность проблемы социальной активности заключается в необходимости разработки нового теоретического подхода к анализу социальной активности личности, ее психологических детерминант и механизмов. Такое теоретическое знание позволит глубже проникнуть в психологическую ткань данного явления, разработать научно-обоснованные принципы риск-менеджмента социальной активности личности и групп.

Определение и операционализация понятия

Длительное время в отечественной науке под социальной активностью понималась любая социально-полезная активность, включая социально-организационную, социально-политическую (в рамках очерченных правил включения в различного рода организации — пионерия, комсомол, партия, профсоюз, советы) и гражданскую (Зайцева, 2008). Соответственно, социальная активность представ-

лялась предметом воспитания (опять же, на разных уровнях — образовательном, общественно-массовом и т.п.), цель которого можно лаконично определить через формулу «быть полезным обществу». Между тем определение социальной полезности весьма расплывчато. Более того, очень часто она выявляется по прошествии большого количества времени, порой в историческом масштабе. В педагогике социальную активность рассматривают как социальный и личностно-интегрированный результат воспитания, который направлен на социальное творчество как способ жизнедеятельности (Палаткина, 2012). Социологический взгляд на социальную активность связан с самостоятельностью, самостоятельностью в той или иной сфере социальной жизни. Считается, что она может проявляться в разных сферах: экономике, культуре, быту, сфере труда (Балабанов, Куконков, 2013). Социальная активность определяется через деятельность индивида, коллектива, социальной группы, общества в целом, сознательно ориентированную на решение проблем социальной общности (Кравченко, 2004). Иначе говоря, социологический взгляд на социальную активность акцентирован на ее общесоциальных и групповых эффектах. Психологическое определение социальной активности характеризует ее как индивидуальные или групповые действия, направленные на изменения социального «Я», своего места в обществе, а также общества в целом (Купрейченко, 2012; Купрейченко, Моисеев, 2010).

Необходимо отметить, что психологическая трактовка социальной активности имеет глубокие основания в работах С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, М.С. Кагана, Г.М. Андреевой, В.А. Петровского, А.Л. Журавлева и ряда других исследователей. Несмотря на отличия (порой существенные), исследователи сходятся в том, что социальная активность целенаправленна, осознаваема, в ней проявляется отношение личности к объектам окружающей социальной действительности, и связана с деятельностью (или сводится к ней).

Консолидация современных исследователей, изучающих проблемы социальной активности в последние десятилетия, произошла благодаря организованной доктором психологических наук, академиком РАН А.Л. Журавлевым секции «Социальное самоопределение и социальная активность молодежи». Дискуссии, развернувшиеся на этой площадке, имели большое значение для новой волны исследований и оказали существенное влияние на разработку ряда направлений психологии социальной активности (Дробышева, 2010; Чернышев, 2011).

Наше понимание социальной активности связано с процессом становления социальности человека. В разработке теоретического подхода к исследованию социальной активности личности мы опираемся на методологические позиции системного (Б.Ф. Ломов, В.А. Ганзен, В.Д. Шадриков, М. Месарович, Д. Мако, И. Такаха и др.) и метасистемного (А.В. Карпов) подходов, в соответствии с которыми социальная активность личности и группы понимается как система со встроенным метасистемным уровнем социальной действительности, строится по иерархическому принципу и описывается пространственными, временными, энергетическими и информационными характеристиками; ее основания, внешние и внутренние детерминанты находятся в постоянном движении. Кроме того,

нами применен принцип диахронии (Л.И. Анцыферова, В.В. Крюков, Е.А. Сергиенко и др.), в соответствии с которым характеристики социальной активности изменяются разнонаправленно: рост одних сопровождается спадом других, что в норме позволяет сосредоточиться на главном направлении активности. Наконец, опора на позитивный подход (Д.А. Леонтьев, Э. Динер, М. Селигман, М. Чиксентмихайи, К. Рифф и др.) позволяет рассматривать социальную активность сквозь призму реализации базовых потребностей (в том числе в автономии, связанности с другими и т.д.), того, как она сможет помочь человеку достичь субъективного благополучия.

Таким образом, реализация системно-диахронического подхода к анализу социальной активности личности, ее детерминант и механизмов предполагает раскрытие всех ее элементов как разворачивающихся во времени, в развитии и соотношении с изменениями ситуации. Это значит, что социальная активность понимается не просто как факт вовлеченности в какие-либо события, но как деяния, разворачивающиеся во времени и в пространстве, имеющие различные эффекты на уровне самой личности, группы или общества в целом, где различные характеристики имеют положительную и отрицательную динамику, в результате чего происходит согласование и рассогласование как на уровне системы (личности или группы), так и на уровне метасистемы (социума).

Социальная активность личности является закономерным *эффектом социализации*. Это активность, направленная на изменение и преобразование социальных объектов, в результате которой происходит изменение самой личности и всей социальной ситуации. Вместе с тем «носителем» социальной активности является не только личность, но и группа. Более того, согласно исследованиям А.Л. Журавлева, активность есть способ реализации бытия группы, что представляется как «*критериальное качество* группы быть субъектом» (Журавлев, 2009, с. 74); она включает совокупность групповых феноменов, в том числе коммуникацию, общение, групповое действие и т.д. Поэтому социальная активность понимается как частный случай инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду. Социальная активность личности и групп предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самому себе как субъекту социального бытия. С этим связаны сферы социальной активности, в которых она не только находит свое выражение, но и превращается порой в самостоятельную деятельность: общественно-организационная, самоуправленческая, политическая, экономическая, гражданская, альтруистическая (волонтерская), социально-коммуникативная и интернет-сфера, досуговая, образовательно-развивающая и пр. Классификация видов и типов социальной активности (Купрейченко, 2012; Шамяонов, 2012) предусматривает их дифференциацию по различным основаниям — длительности, широте охвата, источнику инициативы, сфере реализации, субъекту, просоциальности, или «эффективности для общества», и т.д.

Таким образом, педагогическое, социологическое и психологическое определения социальной активности отражают не только различный угол зрения на

данное явление, но и исходят из различных оснований. В педагогике она рассматривается как позитивный ресурс для развития личности и группы, в социологии как ресурс развития общества, в психологии как условие для самореализации личности и группы.

Необходимо упомянуть и о двояком статусе понятия «социальная активность» в отечественной и зарубежной психологии. Так, если в отечественной науке социальная активность понимается как инициативное воздействие социальных субъектов на окружающую среду, на других людей и себя, воспроизводящее или изменяющее условия их жизнедеятельности и развивающее их собственную организационную структуру и психику (Крысько, 2001), то за рубежом она понимается, прежде всего, как часть занятого образа жизни, проявляющегося в волонтерской, творческой, коммуникативной, общественной социальной деятельности (McFarland, 2006; Brown, 2012; Oosterhoff, 2017). Это говорит в пользу расширенного толкования социальной активности в отечественной науке.

Мы склонны рассматривать социальную активность личности и группы в контексте позитивной психологии — прежде всего, с точки зрения ее позитивных эффектов, достигаемых на уровне личности и общества, а также ее средств и целей. Поэтому целесообразно говорить о социальной активности личности и группы как той, которая имеет не просто отношение к социальному поведению (коммуникации, взаимодействию, оказанию помощи и пр.), но к социальному по происхождению и целям поведению, инициативному и преобразующему социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое качество и того, и другого. Попытка интегрировать представления о социальном поведении с точки зрения его объективных проявлений и внутренней активности личности создает немало проблем методологического плана. Речь идет о некоторой путанице при анализе социальной активности — как таковой или внутренне-преобразующей. Трудность *операционализации* социальной активности состоит как раз в том, что невозможно отделить собственно поведение (объективное по своему содержанию и результатам) и те личностно-субъективные процессы, которые его порождают, сопровождают, а порой просто невидимы в силу того, что оно направлено на самого себя и его объективные результаты можно обнаружить только по прошествии длительного времени. Поэтому следует, различая виды социальной активности, не рассматривать их как изолированные друг от друга, но как связанные и порой реализующиеся одновременно (например, альтруистическая и политическая активность). Одним из важнейших вопросов является вопрос об общем уровне активности и его динамике. Несмотря на то, что уровень социальной активности (энергетически) иногда ассоциируют с психодинамическими характеристиками индивида (например, эргичностью по В.М. Русалову (Русалов, 2012), а согласно И.Г. Дубову, общая психическая активность может считаться «энергетическим аналогом» социальной активности (Дубов, 2012, с. 53), применительно к социальной активности речь должна идти, прежде всего, об исходной социально-обусловленной диспозиции на активность. Довольно часто лица с исходной невысокой психодинамикой могут демонстрировать конкурентные качества социальной активности.

В разрабатываемом И.Г. Дубовым подходе к активности ее характеристиками предлагается считать динамические характеристики поведения («...интенсивность, скорость, темп и ритм, меняющиеся в соответствии с энергией, расходуемой на выполнение любых деятельностных проявлений») (Дубов, 2010, с. 56), а содержательные характеристики деятельности отграничить от нее. Однако применительно к социальной активности, на наш взгляд, такой подход не представляется достаточным, поскольку социальная активность может предполагать не только различную энергетику, но и различные уровни «социальности» и содержания. Кроме того, необходимо отметить и то, что в активности участвует вся личность и в ней же она формируется. Как показывают исследования А.И. Крупнова, различные подсистемы личности (содержательно-смысловая и инструментально-стилевая) обеспечивают характер и направления активности, а также тонкую настройку на выбор той или иной ее формы (Крупнов, 2006).

Несмотря на, казалось бы, длительную разработку понятия социальной активности в смежных науках, до сих пор имеются трудности в операционализации этого понятия в психологии. Мы исходим из необходимости в оценке области социальной активности, ее содержательных аспектов. Операционализация социальной активности предполагает раскрытие различных ее сторон и опору на имеющиеся в современности психологические измерительные средства. Одним из наиболее эффективных способов выяснения степени участия в той или иной форме активности может быть шкалирование степени ее выраженности. Кроме того, сам факт включения в какое-либо общественное образование (субкультурное, партийное, профсоюзное, социальное движение и т.п.) тоже может быть ее индикатором.

Важнейшим показателем социальной активности является субъективное отношение к своей активности, выражаемое либо прямо, через ее оценку, либо опосредованно, через качество активности — удовлетворенности ею. Наконец, еще одним опосредованным индикатором может служить значимость социальной активности как ценности в системе ценностных ориентаций личности.

Анализ различных сторон реализуемой социальной активности личности, таким образом, может раскрыть различные составляющие ее структуры — когнитивную, эмоционально-оценочную, мотивационно-волевую, поведенческую.

Когнитивный компонент отражает ее познавательный ресурс, характеризует систему представлений о видах и формах, а также их месте в системе активности и поведения человека в социуме. Эмоционально-оценочный компонент характеризует ее притягательность, оценку с точки зрения усвоенных в процессе социализации критериев личной и/или общественной полезности. Мотивационно-волевой компонент отражает приверженность к ней с позиции реализации определенных потребностей, целей и смыслов, возможности приложения усилий, произвольности. Поведенческий компонент характеризует последовательное поведение, реализуемое в соответствии со сферой активности, выбор соответствующих стратегий, форм и т.д.

Компоненты структуры социальной активности выделены нами в результате теоретических (Шамяонов, 2012) и конкретно-научных исследований (Шамяонов, Григорьева, 2012; Григорьев, 2012; Соколова, 2011).

Таким образом, оценка социальной активности может быть произведена как с точки зрения объективных характеристик включения человека в какие-либо общественные образования или события, так и с точки зрения выраженности компонентов ее внутренней структуры и динамики.

Генез социальной активности

Социальная активность личности и групп представляет собой такую активность, которая и основана, и содержательно направлена, и реализуется в социальных связях, через социальные связи и для реализации потребности в социальных связях. Поэтому социальная активность должна рассматриваться сквозь призму социализации личности и группы. Только в этом контексте можно понять, в какой плоскости реализуемая активность может быть целесообразна, полезна и результативна как с позиции субъекта, так и с позиции социума. Это же относится и к анализу социальной активности в возрастном аспекте. Статус социальной активности здесь неодинаков: если в рамках первичной социализации социальная активность подтягивает различные уровни социального и когнитивного развития (Шамяонов, Григорьева, 2012; Shiratuddin, 2017), то в позднем возрасте она становится важнейшим фактором благополучия и здоровья (Суслова, 2017); относительно когнитивных функций не все однозначно: в конкретно-научных исследованиях не всегда подтверждается прямая связь между ними и активностью (Brown, 2012).

Наиболее значимым с точки зрения социальной психологии моментом в изучении социальной активности личности и групп является ее двоякий генез: с одной стороны, социальная активность является эффектом социализации личности, а с другой — эффектом развития субъекта как способного осознанно и планомерно реализовывать свою социальную сущность сообразно социальным представлениям, нормам, ценностям и ролевым позициям, усвоенным в процессе социализации. Иначе говоря, в социальной активности реализуются и функция личности (направляющая), и функция субъекта (реализующая) (по Е.А. Сергиенко). Поэтому изучение социальной активности предполагает анализ ее внутренних и внешних детерминант, включая различные культурные феномены (Шамяонов, 2012; Бочарова, 2012).

Побудительные механизмы социальной активности

Весьма важным вопросом является также вопрос об источниках социальной активности, ее механизмах. Источником активности является «неуравновешенность живой системы, в частности человека» (Леонтьев, 2004, с. 5). Основным механизмом зарождения активности, по мысли В.Г. Леонтьева, является «механизм динамического равновесия», заключающийся во взаимном переходе состояний уравновешенности и неуравновешенности в связанных системах организма и личности; в той системе, где возникает неуравновешенность, возникает активность (т.к. уравновешивание в одной системе осуществляется за счет ресурсов другой системы) (Леонтьев, 2004, с. 6). Механизмы социальной активности

можно различать на первичные и вторичные. К первичным относится мотивация, общие механизмы регуляции деятельности; вторичные — механизмы согласования/рассогласования системы взаимодействия личности и среды, выражающиеся в удовлетворенности/неудовлетворенности личности.

Е.П. Ильин, обсуждая проблему побудительных механизмов активности, приходит к выводу о том, что «почти все (исследователи. — *Ш.Р.*) признают за потребностью функцию побуждения активности (поведения, деятельности) человека» (Ильин, 2014, с. 21), и что вопрос о причине активности тесно связан с волей: участвует она в инициации активности или нет, противоречит активности воле (желанию) субъекта или не противоречит (Ильин, 2014, с. 16). Между тем исследователи признают, что одна и та же потребность может привести к различным формам активности. Не углубляясь в обсуждение темы соотношения потребности и мотива (для одних исследователей потребность и есть мотив, для других — потребность и мотив совершенно различные явления), отметим лишь то, что в случае социальной активности, т.е. активности целенаправленной, осознанной и преднамеренной, важнейшую побудительную роль играет мотив, «обозначающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направлена деятельность» (Леонтьев, 1972).

В.Г. Леонтьев относил мотивацию к психологическим механизмам активности (Леонтьев, 2004). Применительно к социальной активности важнейшими являются мотивы высшего уровня, основанные на социальных связях и отношениях. Мотивы самореализации, коммуникации, персонализации и другие обуславливают те или иные формы социальной активности как способы достижения равновесия с социальной средой, установления соответствующих связей. Вместе с тем В.В. Новиков предполагал, что вторичные потребности являются «новыми маршрутами» реализации первичных (Новиков, 1998, с. 181). Однако, как отмечает автор, вторичные мотивы могут становиться сильнее первичных и определять поступки и достижения в творчестве, науке, иных областях деятельности конкретного человека. Можно также предположить и то, что социальную активность личности побуждают мотивы разного уровня, но поддерживают ее все же вторичные. Кроме того, социальная активность как активность более высокого порядка всегда полимотивирована. Это создает также условия для определенной свободы в ее реализации, когда одинаково направленная активность может достигать разные цели и создавать разные эффекты. Е.С. Соколовой выделена иерархическая структура мотивов социальной активности, представленная тремя подструктурами: потребностной, целевой и внутреннего контроля (Соколова, 2018). Иерархичность структуры мотивов означает их разную силу в различных ситуациях. Мы предполагаем, что в каждый момент времени и в определенных условиях сила разных мотивов может быть различной, и тогда иерархия может быть иной, т.е. порядок в иерархии мотивов может быть изменен. В исследовании Е.С. Соколовой предпринят анализ мотивации активности в зависимости от ее уровня, но не конкретизированы ее области, что делает невозможным использование этих результатов для уточнения побудителей конкретных видов активности. Последнее было предпринято А.В. Григорьевым, в работе которого выяснилось, что имеется как

сходство, так и различия в мотивации различных форм социальной активности (Григорьев, 2012). Однако ограниченное количество анализируемых мотивов не позволило провести более тонкую дифференциацию побудителей социальной активности. Вместе с тем результаты этих исследований свидетельствуют о том, что мотивы социальной активности весьма разнородны, а порой даже неожиданны (например, обнаруженный в исследовании А.В. Григорьева мотив комфорта как побудитель политической активности молодежи (Григорьев, 2012, с. 69)).

Одним из важнейших побудительных механизмов социальной активности является удовлетворенность собой, отношениями, жизнью в целом. Удовлетворенность есть показатель согласованности личности и социальной среды. Соответственно, любое рассогласование в этой системе создает зону напряжения и вынуждает личность производить действия по его устранению, приводя систему к согласованности. Необходимо отметить, что удовлетворенность/неудовлетворенность — есть динамическая характеристика. В динамике ее элементов всегда имеется рассогласованность, диахрония. Оптимальная диахрония создает динамическое равновесие в системе, что может быть квалифицировано через понятие «адаптация». Между тем диахрония элементов удовлетворенности своей активностью в различных сферах (жизни, отношениях, своего «Я» и т.п.) может побуждать к ее (активности) усилению в одних сферах и снижению (а порой и прекращению) в других. Отметим, что в случае ее просоциальности, позитивности высока вероятность достижения удовлетворенности личности собой и своей активностью, поскольку в этом случае происходит согласование внутренних и внешних ее инстанций. Кроме того, такое согласование имеет общественный эффект, когда активность одного не является помехой для другого (других). Поэтому поиск условий просоциальной активности как своего рода альтернативы активности деструктивной, направленной на разрушение социальных норм и ценностей, является важным шагом на пути построения теории позитивной социальной активности. Основу такой теоретической позиции должна, очевидно, составлять теория социализации личности как процесса и результата усвоения норм, ценностей, установок и представлений в процессе включения личности в группы и системы межличностных отношений. В этом случае можно реализовать и системный (внутреннюю иерархию и механизмы взаимодействия), и метасистемный (система социальных отношений) уровни анализа социальной активности с учетом ее эффектов.

Механизм удовлетворенности/неудовлетворенности реализуется на основе диахронического рассогласования на разных уровнях бытия личности во взаимосвязи с социальной средой. Диахроническое рассогласование значит различие динамики личности (группы) и той социальной среды, в которой она функционирует. Согласованность динамики значит относительную адаптированность личности (группы) к этой среде, а рассогласование приводит к напряжению. Более того, совпадения (несовпадения) фаз изменения отдельных характеристик предопределяют характер бытия личности в социальном пространстве, создавая динамическое равновесие либо неравновесие, побуждающее к *изменению активности* (а не просто к активности). Диахрония характеристик личности предполагает

одновременный, на протяжении временного континуума, рост доминирования одних и спад других характеристик, который может осуществляться как внутрифункционально (например, как нами было обнаружено, применительно к показателям личностной зрелости), так и межфункционально, т.е. на уровне двух или более функций (например, ответственность и самостоятельность в подростковом возрасте).

Действие этого механизма регулируется характером развития личности. Очевидно, на разных этапах становления личности динамика ее различных составляющих неодинакова. Фазы интенсивного роста и спада одних сменяются относительной стабилизацией и ростом других элементов. Несомненно, внешние условия являются специфичными для лиц определенного возраста, поколения или уровня зрелости. Поэтому, казалось бы, одни и те же события по-разному откликаются у представителей разных поколений и страт. Это значит, что действие механизма диахронического рассогласования является специфичным для представителей различных групп. Поэтому необходимо учитывать эту специфичность для оценки и прогнозирования социальной активности личности и групп на разных уровнях ее проявления и организации (возрастном, половом, субкультурном и т.п.).

Заключение

Социальная активность личности представляет собой эффект социализации (свидетельствующий о ее мере и глубине) и развития субъекта, характеризующий его способность предпринимать действия в отношении социальных объектов, направленные на их изменение и преобразование в соответствии с его социальной сущностью, в результате которых происходит изменение субъекта, объекта и социальной ситуации в целом.

Понятие социальной активности необходимо отличать от понятия общей психической активности, характеризующей энергетическую и динамическую ее стороны.

Социальная активность характеризуется полинаправленностью, разноуровневостью и избирательностью. Структура социальной активности включает различные компоненты (когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационно-волевой, поведенческий), которые могут быть измерены социально-психологическими средствами.

Побудительные механизмы социальной активности основаны на неравновесности взаимосвязанных систем (личности и организма, личности и социума и т.д.). Удовлетворенность/неудовлетворенность личности собой, взаимоотношениями, жизнью в целом выступает социально-психологическим побудительным механизмом социальной активности. Любое динамическое рассогласование характеристик систем (подсистем) приводит к неудовлетворенности личности, что служит толчком для социальной активности в соответствующей или замещающей области.

Теоретическая разработка проблемы социальной активности личности и группы может быть выведена на новый уровень обобщения на основе концепций

отечественных психологов, в работах которых содержится психологическое понимание активности, личности и субъекта, отношений и социального взаимодействия (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, В.Н. Мясищев и др.). Применение системно-диахронического подхода и принципов позитивной психологии для анализа социальной активности позволит раскрыть ее внутреннюю психологическую картину, динамику и содержательные механизмы.

Важным практическим моментом в теоретическом исследовании проблемы социальной активности личности и группы является возможность разработки методов оценки различных ее характеристик, в том числе по критериям про- и асоциальности, конструктивности и деструктивности и т.п., программ риск-менеджмента социальной активности, инклюзии в добровольческие формы социальной активности и пр. Это также требует широкомасштабных социально-психологических эмпирических исследований, направленных на изучение структуры социальной активности, ее особенностей в различных группах и регионах, установление связей активности с социокультурными, социально-политическими характеристиками регионов и стран. Исследования социальной активности личности, ее психологических предикторов, побудительных механизмов и оснований позволяют не только раскрыть психологическую ткань этого явления, но и ее потенциал для социального развития личности, группы, общества, а также становления гражданского общества.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).

Список литературы

- Балабанов С.С., Куконков П.И.* Метаморфозы социальной активности в реформируемой России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1(29). С. 12–16.
- Бочарова Е.Е.* Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53–63.
- Григорьев А.В.* Мотивация социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 3. С. 66–69.
- Гусейнов А.Ш.* Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120–127.
- Дробышева Т.В.* Тематическая секция «Социальное самоопределение и социальная активность молодежи» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 115–117.
- Дубов И.Г.* Содержание категории «активность» в отечественной психологии // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 40–61.
- Дубов И.Г.* Социально-психологические аспекты активности. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 536 с.
- Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

- Зайцева М.А.* Основные направления изучения проблемы формирования социальной активности учащихся в педагогической теории во второй половине XX века // Педагогика. 2008. № 1(54). С. 8—13.
- Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2008. 512 с.
- Кравченко С.А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. 501 с.
- Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1. С. 63—73.
- Крысько В.Г.* Социальная психология: словарь-справочник. Минск: Харвест, 2001. 688 с. С. 16.
- Курпейченко А.Б.* Проблема определения и оценки социальной активности // Психология индивидуальности. Материалы IV Всероссийской научной конференции. М.: Логос, 2012. С. 181—182.
- Курпейченко А.Б., Моисеев А.С.* Взаимосвязь социальных ценностей и стратегий как элементов социального самоопределения // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2010. С. 332—333.
- Леонтьев В.Г.* Психологические источники активности личности // Психологические источники активности личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 3—11.
- Михайлова Е.В., Скогорев А.П.* Протесты как форма гражданской активности в современной России // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 54—59.
- Моисеев А.С.* Психологический подход к определению понятия «социальная активность» // Социально-экономические и психологические проблемы управления. Ч. 1 / под общ. ред. М.Г. Ковтунович. М.: МГППУ, 2013. URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63212.shtml (дата обращения: 08.08.2018).
- Новиков В.В.* Социальная психология: феномен и наука. М., 1998. 464 с.
- Палаткина Г.В., Азизова Л.В.* Структурные компоненты социальной активности // Теория и практика общественного развития. Педагогические науки. 2012. № 7. С. 85—87.
- Петухов В.В.* Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11 (390). С. 86—96.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. СПб., 2003. 512 с.
- Русалов В.М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 528 с.
- Сергиенко Е.А.* Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход // Личность и бытие: субъектный подход / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 54—58.
- Соколова Е.С.* Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 197—202.
- Соколова Е.С.* Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 18. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (дата обращения: 08.07.2018).
- Сохадзе К.Г.* Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348—363.

- Суслова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63–70. doi: 10.17759/jmfp.2017060307.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–73.
- Чернышев А.С., Сарычев С.В. Секция «Социальное самоопределение и социальная активность: психологические проблемы молодежной политики» // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 112–113.
- Шамяионов Р.М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.
- Шамяионов Р.М., Григорьева М.В. Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 384 с.
- Brown C.L., Gibbons L.E., Kennison R.F., Robitaille A., Lindwall M., Mitchell M.B., Shirk S.D., Atri A., Cimino C.R., Benitez A., MacDonald S.W.S., Zelinski E.M., Willis S.L., Schaie Warner K., Johansson B., Dixon R.A., Mungas D.M., Hofer S.M., Piccinin A.M. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies // Journal of Aging Research. 2012. Article ID 287438. 12 pages. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2012/287438>
- McFarland D.A., Thomas R.J. Bowling Young: How Youth Voluntary Associations Influence Adult Political Participation // American Sociological Review. 2006. Vol. 71(3). Pp. 401–425.
- Oosterhoff B., Ferris K.A., Metzger A. Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement // Youth & Society. 2017. Vol. 49(7). Pp. 947–967.
- Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25. Pp. 1–19.

© Шамяионов Р.М., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 августа 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Шамяионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

Сведения об авторе:

Шамяионов Раиль Мунирович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID iD: 0000-0001-8358-597X. E-mail: shamionov@mail.ru

Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms

Rail M. Shamionov

Saratov State University
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract. The problem of social activity of the personality and groups becomes central in modern social, economic and political psychology. The innovative processes in the society, maintaining a dynamic balance in it, entirely depend on the release of the social activity of the individuals and groups, on its freedom and diversity, constructiveness and responsibility. The article presents a theoretical analysis of the problem of operationalization of the phenomena of social activity of the individual and groups, the synthesis of the disparate data on its foundations, motivators, mechanisms and social effects. The definition of social activity as a special case of initiative impact of social actors on the social environment, as the actions aimed at changing and transforming social objects as a result of which there is a change in the personality and the entire social situation, the problem of its operationalization is discussed. It is shown that social activity is the effect of socialization and development of the individual. The differences of social activity in different age periods and its importance for the individual and its socio-psychological status are singled out. The multi-component structure of the social activity, including the cognitive, emotionally-evaluative, motivational, and behavioral components are highlighted. The incentive mechanisms of social activity (motivation, satisfaction/dissatisfaction as an indicator of diachronic mismatch of personality and the social environment) are analyzed. The empirical research aimed at finding out the predictors and basis of the dominant types of social activity of the individual is outlined.

Key words: personality, subject, social activity, incentive mechanisms, structure of activity, system and diachronic approach

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-18-00298.

References

- Balabanov, S.S., & Kukonkov, P.I. (2013). The metamorphosis of social activity in the reformed Russia. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 1(29), 12—16. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2012). Relationship between Subjective Well-Being and Social Activity: Cross-Cultural Aspect. *Social Psychology and Society*, (4), 53—63. (In Russ.)
- Brown, C.L., Gibbons, L.E., Kennison, R.F., Robitaille, A., Lindwall, M., Mitchell, M.B., Shirk, S.D., Atri, A., Cimino, C.R., Benitez, A., MacDonald, S.W.S., Zelinski, E.M., Willis, S.L., Schaie Warner, K., Johansson, B., Dixon, R.A., Mungas, D.M., Hofer, S.M., & Piccinin, A.M. (2012). Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies. *Journal of Aging Research*, (1). Article ID 287438, 12 p. doi.org/10.1155/2012/287438
- Grigoryev, A.V. (2012). Motivation Social Activity of Youth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 12(3), 66—69. (In Russ.)
- Guseinov, A.Sh. (2016). Psychological background of genesis and maintenance of extremist worldview of youth. *Kazan Pedagogical Journal*, 3(116), 120—127. (In Russ.)

- Drobysheva, T.V. (2010). Tematicheskaya sektsiya "Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost' molodezhi". *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(5), 115–117. (In Russ.)
- Dubov, I.G. (2010). Contents of the "action" category in Russian psychology. *Social Psychology and Society*, (1), 40–61. (In Russ.)
- Dubov, I.G. (2012). *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty aktivnosti*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. 536 p. (In Russ.)
- Ilin, E.P. (2008). *Motivatsiya i motivy*. Saint Petersburg: Piter Publ. 512 p. (In Russ.)
- Kravchenko, S.A. (2004). *Sotsiologicheskii ehntsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar* (pp. 20–21). Moscow: AST Publ. 501 p.
- Krupnov, A.I. (2006). The system-dispositional approach to studying the personality and its properties. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 63–73. (In Russ.)
- Krysko, V.G. (2001). *Sotsial'naya psikhologiya: slovar'-spravochnik*. Minsk: Kharvest. 688 p. (In Russ.)
- Kupreichenko, A.B. (2012). Problema opredeleniya i otsenki sotsial'noi aktivnosti. *Psikhologiya individual'nosti*. Conference Proceedings (pp. 181–182). Moscow: Logos Publ. (In Russ.)
- Kupreichenko, A.B., & Moiseev A.S. (2010). *Vzaimosvyaz' sotsial'nykh tsennostei i strategii kak elementov sotsial'nogo samoopredeleniya*. Conference Proceedings (pp. 332–333). Moscow: Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya "Federatsiya psikhologov obrazovaniya Rossii". (In Russ.)
- Leontev, V.G. (2004). Psikhologicheskie istochniki aktivnosti lichnosti. In V.G. Leontev (Ed.). *Psikhologicheskie istochniki aktivnosti lichnosti* (pp. 3–11). Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russ.)
- McFarland, D.A., & Thomas, R.J. (2016). Bowling Young: How Youth Voluntary Associations Influence Adult Political Participation. *American Sociological Review*, 71(3), 401–425.
- Moiseev, A.S. (2013). Psikhologicheskii podkhod k opredeleniyu ponyatiya "sotsial'naya aktivnost'". In Kovtunovich M.G. (Ed.). *Sotsial'no-ekonomicheskie i psikhologicheskie problemy upravleniya*, (1). Moscow: MGPPU. Available at: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_issue/63212.shtml (accessed: 8 August 2018). (In Russ.)
- Mikhailova, E.V., & Skogorev A.P. (2017). Protest as form of civil activity in modern Russia. *Vlast'*, 25(1), 54–59. (In Russ.)
- Novikov, V.V. (1998). *Sotsial'naya psikhologiya: fenomen i nauka*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. 464 p. (In Russ.)
- Oosterhoff, B., Ferris, K.A., & Metzger, A. (2017). Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement. *Youth & Society*, 49(7), 947–967.
- Palatkina, G.V., & Azizova L.V. (2012). Structural components of the students social activity. *Theory and practice of social development*, (7), 85–87. (In Russ.)
- Petukhov, V.V. (2016). Crisis and protection of the citizens' labour rights. *Sociological Studies*, 11 (390), 86–96. (In Russ.)
- Rubinshtein, S.L. (2006). *Chelovek i mir*. Saint Petersburg: Piter Publ. 512 p. (In Russ.)
- Rusalov, V.M. (2012). *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. 528 p. (In Russ.)
- Sergienko, E.A. (2008). Razvitie idei psikhologii sub"ekta A.V. Brushlinskogo: sistemno-sub"ektnyi podkhod. In A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina (Eds.). *Lichnost' i bytie: sub"ektnye podkhod* (pp. 54–58) Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Sokolova, E.S. (2011). Social Activity of Contemporary Russian Youth. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (1), 197–202. (In Russ.)

- Sokolova, E.S. (2008). Strukturnyi podkhod k ponimaniyu motivatsii sotsial'noi aktivnosti molodezhi. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (2), 18. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (accessed: 8 July 2018). (In Russ.)
- Sokhadze, K.G. (2017). Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors. *RUDN Journal of Sociology*, 17(3), 348—363. (In Russ.)
- Trotsuk, I.V., & Sokhadze, K.G. (2014). Social activity of the youth: approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society. *RUDN Journal of Sociology*, (4), 58—73. (In Russ.)
- Chernyshev, A.S., & Sarychev S.V. (2011). Sektsiya “Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost'": psikhologicheskie problemy molodezhnoi politiki”. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(5), 112—113. (In Russ.)
- Suslova, T.F. (2017). Sotsial'naya aktivnost' lichnosti kak determinanta pozitivnoi adaptatsii i polnotsennoi zhizni v pensionnom vozraste. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 6(3), 63—70. doi: 10.17759/jmfp.2017060307 (In Russ.)
- Shamionov, R.M. (2012). Psikhologicheskie kharakteristiki sotsial'noi aktivnosti lichnosti. *Mir psikhologii*, (3), 145—154. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., & Grigoryeva, M.V. (2012). *Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi: problemy i riski*. Saratov: Saratov State University Publ. 384 p. (In Russ.)
- Shiratuddin, N., Hassan, S., Mohd Sani, M.A., Ahmad, M.K., Khalid, K.A., Abdull Rahman, N.L., & Ahmad, N.S.Y. (2017). Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 25, 1—19.
- Zhuravlev, A.L. (2009). Collective subject main features, levels and psychological types. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 30(5), 72—80. (In Russ.)
- Zaitseva, M.A. (2008). Osnovnye napravleniya izucheniya problemy formirovaniya sotsial'noi aktivnosti uchashchikhsya v pedagogicheskoi teorii vo vtoroi polovine XX veka. *Pedagogika*, 1(54), 8—13. (In Russ.)

Article history:

Received: 16 August 2018

Revised: 23 September 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Shamionov, R.M. (2018). Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 379—394. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

Bio Note:

Rail M. Shamionov — Doctor Sc. of Psychology, Professor, Head of the Chair of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID iD: 0000-0001-8358-597X. E-mail: shamionov@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-395-409

УДК 159.923

Духовные способности и продуктивная жизнедеятельность семьи

Г.В. Ожиганова

Институт психологии РАН

Российская Федерация, 129366, Москва, Ярославская ул., 13

В статье рассматривается роль духовных факторов в продуктивной жизнедеятельности семьи. Особое внимание уделено описанию конструкта «духовные способности». Анализируются влияние духовно-нравственного аспекта ценностных ориентаций и мотивации на удовлетворенность браком, успешность семейной жизни. Показано, что семейному благополучию способствуют: духовно-нравственные мотивы вступления в брак, духовные ценностные ориентации, имеющие отношение к осознанию жизненных смыслов, самосовершенствованию, альтруизму. Отмечено важное значение для продуктивной жизнедеятельности семьи духовных способностей и лежащей в их основе духовной направленности личности. Приводятся подробные характеристики таких духовных способностей, как моральные, рефлексивные, саморегулятивные, творческие, которые автор относит к категории высших. Эти способности позволяют заложить прочный моральный фундамент для семейных отношений и успешного воспитания детей, создают возможность творческого развития, проявления мудрости и духовного самосовершенствования. Подчеркивается, что здоровая, счастливая семья благодаря духовным способностям может выступать как результат продуктивной жизнедеятельности ее членов, направленной на поддержание и развитие семьи. Кроме того, продуктивная жизнедеятельность семьи может выражаться в благоприятствовании успешности и продуктивности ее членов на поприще учебной, профессиональной и прочей деятельности. При этом в обоих случаях духовные способности могут служить гарантом благополучия и продуктивной жизнедеятельности семьи.

Ключевые слова: духовно-нравственный фактор, семейное благополучие, продуктивная жизнедеятельность семьи, ценности, успешная, здоровая семья, духовные способности, духовная направленность

Введение

Духовные аспекты жизнедеятельности семьи представляют собой актуальное и недостаточно исследованное направление в психологической науке. Психология семьи изучалась в работах Т.В. Андреевой (2005), В.Н. Дружинина (2006), В.П. Левкович (2002), Л.Б. Шнейдер (2000), В.М. Целуйко (2003), Э. Эйдемиллера и В. Юстицкиса (2008) и др. Исследователями подчеркивается, что одну из главных ролей в благополучии жизнедеятельности семьи играет духовно-нравственный фактор, который охватывает разные аспекты духовного мира личности и, по нашему мнению, может быть связан с духовными способностями человека. Понятие «духовные способности» является новым для психологической науки,

и его включение в область семейной психологии представляется важным и перспективным как в научном, так и практическом плане.

Целью данного исследования является выявление значения духовных факторов для продуктивной жизнедеятельности семьи. Задачи исследования состоят в следующем: проанализировать духовно-нравственные аспекты семейных отношений и их влияние на продуктивную жизнедеятельность семьи, раскрыть понятие «духовные способности», показать значение и важность духовных способностей для продуктивной жизнедеятельности семьи.

Семья представляет собой малое социальное объединение, продуктивная жизнедеятельность которого отражается на благополучном функционировании общества. Она является важнейшим институтом социализации личности, прививая ребенку понимание общественных ценностей, правил морали и уважительного духовно-нравственного взаимодействия с окружающими людьми, что представляет собой основу процветания не только семьи, но и общества в целом.

Исследования показывают, что, с одной стороны, семья для современной молодежи находится на первом месте среди главных ценностей (например, по результатам опроса 2010 г., 78 % в Санкт-Петербурге и 86 % в провинции (Семенов, 2013)), с другой стороны, данные статистики свидетельствуют о том, что в 2010 г. на 1 215 066 зарегистрированных браков (8,5 на 1000 чел.) отмечено 639 321 разводов (4,5 на 1000 чел.), в 2017 г. на 1 049 735 зарегистрированных браков (7,1 на 1000 чел.) отмечено 611 436 разводов (4,2 на 1000 чел.) (Федеральная служба государственной статистики). То есть, несмотря на позитивное отношение к институту семьи, стабильность семейных отношений невелика (более половины браков распадается).

Интересно, что объективные социально-демографические характеристики брака (его продолжительность, наличие, очередность и число детей в нем, совпадение/несовпадение возраста, уровня образования, национальности и вероисповедания супругов), а также каждого из супругов в отдельности (пол, возраст, уровень образования, благосостояния или дохода и пр.) практически никак не влияют на прочность брака.

Главную роль в устойчивости и успешности семейных отношений играют только субъективные представления о браке и брачном партнере, а также степень соответствия/несоответствия этим сугубо индивидуальным представлениям (Лактюхина, Антонов, 2016), что имеет прямое отношение к психологическим аспектам семейной жизни. Поэтому особую важность приобретает психологическое изучение факторов и условий, способствующих сохранению семьи, ее успешности и продуктивной жизнедеятельности.

Продуктивная жизнедеятельность семьи может рассматриваться, с одной стороны, как показатель внутрисемейного благополучия (удовлетворенности всех членов семьи семейными отношениями), с другой — служить основой для эффективной самореализации членов семьи за ее пределами: в профессиональной и общественной деятельности.

Продуктивная жизнедеятельность семьи может изучаться в психологии исходя из предложенного А.Л. Журавлевым понятия «совместная жизнедеятельность», позволяющего, по его мнению, расширить содержание понятия «совмест-

ная деятельность». Совместная жизнедеятельность определяется им как «любое взаимосвязанное (взаимозависимое, взаимовлияющее) функционирование людей в социальных группах разной численности, т.е. в группах действующих, выполняющих свои функции, реализующих свои роли и назначение, что-то осуществляющих, исполняющих и т.п.» (Журавлев, 2005, с. 10). Объемность содержания понятия «совместная жизнедеятельность» позволяет использовать его для описания социально-психологических феноменов в разнообразных объединениях и группах: трудовых и учебных коллективах, семье, окружении друзей. Совместная активность этих групп может проявляться в различных формах: отдельные действия и поступки, более сложное поведение, деятельность, общение, взаимоотношения и т.д. (Журавлев, 2005).

Духовно-нравственные ценности и мотивы создания семьи как предпосылка семейного благополучия

Психологические исследования семьи показывают, что ведущим фактором благополучия и продуктивной жизнедеятельности семьи являются ценностные ориентации супругов.

Ценностные ориентации отражают уровень нравственного развития личности и служат важнейшим внутренним регулятором жизнедеятельности человека, его отношений, поведения, поступков в разных социальных сферах, в том числе и в семье. В исследованиях было установлено, что между ценностными ориентациями супругов и характером их взаимоотношений прослеживается связь: ориентация супругов на нравственные, духовные ценности семьи свидетельствовала о большей удовлетворенности брачным союзом (Андреева, 2005). Было выявлено, что жизненные ценности супругов и их установки по отношению к семейной жизни тесно связаны с удовлетворенностью жизнью в браке (Бачинина, Ершова, 2013). Исследование жизненных ценностей и установок в отношении семейной жизни (на выборке современной молодежи и людей зрелого возраста), проведенное Е.Ю. Чеботаревой (2016), свидетельствовало о том, что:

— большинство жизненных ценностей и семейных установок в двух возрастных группах существенно не различаются;

— для молодых людей на нормативном уровне в большей мере значима ценность доброты, на уровне индивидуальных приоритетов — ценность универсализма;

— установки, связанные с семейной жизнью у молодых людей, отличаются общим более позитивным отношением к людям в целом и менее лояльным отношением к разводу, люди старшего возраста в большей мере стремятся к поддержанию романтических любовных отношений в традиционном их представлении;

— установки на семейную жизнь подкрепляются на нормативном и индивидуальном (поведенческом) уровнях различными ценностями в разных возрастных группах. Люди зрелого возраста в большей степени связывают жизненные ценности с семейной жизнью, рассматривая семью и как средство достижения жизненных целей, получения признания, и как возможность получения удовольствия

от жизни. Представители юношеского возраста видят в семье главным образом возможность обеспечения чувства безопасности.

В группе молодых мужчин и женщин значимость разных семейных ценностей примерно одинакова, но они имеют различный личностный смысл. Женщины в большей мере воспринимают семью как средство для реализации большинства своих жизненных ценностей, а мужчины в большей степени разделяют область самореализации: одни жизненные ценности для них связаны с семьей тесным образом, а иные даже противоречат семейным ценностям (Чеботарева, 2016). Таким образом, можно сказать, что, несмотря на некоторые возрастные и половые различия, в обеих возрастных группах жизненные ценности и установки в отношении семейной жизни по большей части согласованы и ориентированы на семейное благополучие.

Исследование ценностей в межкультурных семьях показало, что в представлениях супругов коллективистские ценности в большей мере связаны с успешным семейным функционированием, а индивидуалистические ценности (гедонизм и власть) воспринимаются как несовместимые с семейным благополучием (Chebotareva, Jaber, 2017). То есть эгоцентрическая направленность супругов на удовлетворение своих потребностей не способствует продуктивной жизнедеятельности семьи.

Интересно, что, по мнению разведенных, в качестве наиболее значимых факторов стабильности брака были выделены духовно-нравственные характеристики семейной жизни и отношений между супругами, имеющие альтруистическую направленность: взаимные уважение и чувство любви, помощь и поддержка, супружеская верность, наличие общих взглядов и интересов, ответственность перед семьей, терпение, терпимость супругов друг к другу (Лактюхина, Антонов, 2016).

В исследовании Н.А. Цветковой (2015) отмечается, что иерархия семейных ценностей у современных супружеских пар является согласованной, первые места в ней занимают такие аспекты семейной жизни, как родительско-воспитательный и эмоционально-психотерапевтический (оказание супругами моральной и эмоциональной поддержки друг другу), а также аспект социальной активности (притязания супругов, связанные с профессиональной востребованностью, занятием общественно-значимым делом и достижением в этой деятельности успехов). Следовательно, можно сказать, что духовно-нравственные ценности остаются приоритетными, а продуктивная жизнедеятельность современной семьи ассоциируется как с традиционной родительско-воспитательной функцией, так и распространяется на профессиональную и общественную активность супругов.

Нравственно-психологические ценности брака играют ведущую роль в общей структуре ориентаций на брак и семью; центральной линией в создании успешного брака и семьи является духовное единение супругов, связанное с совместным поиском семейных ценностей и потребностей (Голод, 1984). Установлено, что духовно-нравственный фактор является определяющим для благополучия семейной жизни и фигурирует уже на стадии вступления в брак. В исследовании, проведенном С.И. Голодом (1977) более 40 лет назад, показана высокая значимость духовно-нравственных мотивов вступления в брак по сравнению с материально-

ориентированной мотивацией: первые позиции занимают любовь, единство взглядов, стремление к единению (чувство одиночества), чувство сострадания. Материальный фактор занимает одно из последних мест (см. таблицу).

Таблица

Мотивы вступления в брак (Голод, 1977)
[Table. Motives for marriage (Golod, 1977)]

№	Мотивы вступления в брак	Мужчины	Женщины
1.	Любовь	39 %	50 %
2.	Общность интересов, взглядов	26 %	28 %
3.	Чувство одиночества	15 %	5 %
4.	Чувство сострадания	7 %	3 %
5.	Вероятность скорого рождения ребенка	7 %	4 %
6.	Случайность	4 %	2 %
7.	Материальная обеспеченность будущего мужа/жены	0 %	3 %
8.	Наличие жилплощади будущего мужа/жены	2 %	1 %
9.	Другие мотивы	0,6 %	3 %

Было установлено, что чем более нравственными были мотивы, которыми руководствовались люди для вступления в брак и создания семьи, тем чаще брачный союз оказывался счастливым (Харчев, Мацковский, 1978).

Примечательно, что современные исследования подтверждают незыблемость общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, связанных с созданием семьи. Ведущими брачными мотивами опрошенных в недавнее время молодых людей оказались: любовь (27,0 %), рождение детей (21,6 %), ответственность, связанная с ожиданием ребенка (18,4 %), духовная близость с партнером (14,7 %). Далее в порядке убывания значимости были выделены: стремление к самостоятельности (7,3 %), стремление к сексуальной гармонии (6,1 %), экономическая мотивация — «упрочнение материального положения» (4,1 %), национально-этнические мотивы и желание избежать одиночества (менее 1 %) (Гольцова, 2018).

В другом исследовании мотивов вступления в брак у современной молодежи (средний возраст вступления в брак у мужчин равнялся 29,5 годам, у женщин — 22,7 годам) также отмечается доминирование духовно-нравственной мотивации. Мотивы в порядке значимости распределились следующим образом: «любовь», «общность взглядов и интересов», «компенсация чувства одиночества», «долженствование (вступление в брак из чувства долга, сострадания), «бегство от родителей», следование традиции (инициатива родителей), престиж, поиск материальных благ, случайность, другие мотивы (Камнева, 2009).

По данным А.М. Роговой, для молодого поколения в качестве мотивов вступления брак сохраняются любовь, рождение и воспитание детей, доверительное общение с близким человеком (Рогова, 2007).

Духовно-нравственный фактор играет определяющую роль не только на стадии становления семьи, но и в процессе всего цикла семейной жизни. Особенно велико значение духовно-нравственных ценностей для реализации воспитательной функции семьи и ее сохранения как социального института, благодаря воспроизводству продуктивной семейной жизнедеятельности, которую дети, наблюдая и ценя в родительской семье, затем стремятся повторить в своем брачном союзе.

Важное место духовных ценностей в интеграции семьи отмечено в исследовании А.Н. Елизарова (Елизаров, 1995). Семьи с высокой степенью интеграции в отличие от конфликтных семей характеризовались детьми следующим образом:

- наличие теплых, сердечных отношений;
- понимание родителями интересов и потребностей детей, отсутствие действий против воли детей;
- желание детей быть похожими на родителей;
- стремление детей быть в обществе родителей и больше общаться с ними.

А.Н. Елизаров выделил три типа ценностных ориентаций: витальные, аффилиативные, духовные, связанные с:

— *биологическими (витальными) потребностями* (в пище, воде, сне, защите от внешних вредных факторов и пр.), определяющими ценности материального плана (одежда, жилище, технические устройства и пр.);

— *аффилиативными потребностями* (принадлежность к определенной социальной группе, желание быть объектом внимания окружающих, их уважения, любви и привязанности);

— *духовными потребностями* (познание окружающего мира, стремление к осознанию смысла и предназначения своего бытия, саморазвитию и самосовершенствованию, альтруистическая направленность).

В исследовании А.Н. Елизарова было установлено, что родители из конфликтных семей предпочитали витальные ценности — направленность на материальное благополучие (69 % от общего числа упоминаний). Родители же из успешных семей чаще выбирали духовные ценности (46 % от общего числа упоминаний против 16 % в конфликтных семьях). То есть в благополучных, счастливых, высоко интегрированных семьях доминировали духовные ценности, а в конфликтных, дезинтегрированных семьях — витальные.

Все это подчеркивает важность дальнейшего углубленного изучения духовно-нравственных аспектов успешности и продуктивной жизнедеятельности семьи. Духовные ценностные ориентации тесно связаны с духовными способностями, прежде всего, с их базовыми элементами: ценностно-нравственным и ценностно-смысловым. Рассмотрим подробнее понятие «духовные способности».

Духовные способности

Духовные способности имеют непосредственное отношение к ценностными ориентациями человека. Благодаря духовным способностям высшие ценности и смыслы человеческого бытия реализуются в поступках и поведении человека, характеризующегося высокой нравственностью. Духовные способности отражают духовную направленность личности, которая раскрывается в отношениях «Я — Я»; «Я — Другие», «Я — Мир», «Я — Абсолют».

Духовная направленность:

— *отношений «Я — Я»* (направленность на Духовное Я, ориентация на свои высшие человеческие качества) обусловлена децентрацией Я эгоцентрического (материального) и движением к Духовному Я;

— *отношений «Я — Другие»* (направленность на других, ориентация на благо других) выражается в том, что чем меньше озабоченность своим эгоцентрическим Я, тем выше духовная ориентация личности, связанная с заботой о других людях, оказанием им помощи и поддержки как на личностном уровне, так и на профессиональном;

— *отношений «Я — Мир»* (направленность на мир, ориентация на благо мира) проявляется в открытости миру, любви к нему, принятии его со всеми положительными и отрицательными сторонами, стремлении улучшить его посредством своей профессиональной и общественной деятельности;

— *отношений «Я — Абсолют»* (направленность на Абсолют: для религиозных людей — вера в Бога, для нерелигиозных людей — стремление к высшим гуманистическим идеалам — ориентация на высшие ценности и смыслы бытия).

Все выделенные типы отношений тесно связаны. Так, улучшение мира (отношения «Я — Мир») начинается с улучшения себя (отношения «Я — Я»), что неминуемо порождает изменение отношения к другим — переориентации сфокусированности на собственном Я на заботу о других людях, причем вся цепочка, связанных с этим действий, направляется и регулируется отношениями «Я — Абсолют».

Проявление духовных способностей ведет к семейному благополучию, а отсутствие духовной направленности личности к разрушению семьи. Согласно В.А. Сысенко: «Эгоистические черты характеров супругов, их концентрация на своем “Я” — один из факторов дестабилизации брачной жизни. Эгоизм и эгоцентризм супругов приводят к крушению брачного корабля. Парадоксальность ситуации заключается в том, что супруги, как правило, видят эгоизм своего партнера, но не видят собственный. При консультировании разводящихся супругов социологу, психологу или психотерапевту больше всего бросаются в глаза дефекты нравственного развития супругов, чрезмерная концентрация внимания и всей психической энергии на собственном Я» (Сысенко, 1989, с. 78). Следовательно, духовные способности, ведущие к децентрации Я и направленности на благо других, служат основой успешности брака и продуктивной жизнедеятельности семьи.

Духовные способности относятся к категории высших, среди которых мы выделяем такие способности, как: моральные, рефлексивные, саморегулятивные, творческие, способности к саморазвитию и др. Критериями отнесения этих способностей к высшим духовным являются ценностно-нравственная ориентация личности, проявляющаяся в любви к людям, доброте, сострадании, правдивости, смирении, прощении, мудрости, а также духовная направленность, связанная с децентрацией эго и движением к Духовному Я. Таким образом, духовное основание высших способностей реализуется в первую очередь благодаря моральным способностям, которые служат базисом для всех остальных высших способностей: рефлексивных, саморегулятивных, творческих, способности к саморазвитию и др. (Ожиганова, 2016).

Рассмотрим духовные способности, которые, на наш взгляд, могут быть наиболее тесно связаны с продуктивной жизнедеятельностью семьи: моральные, рефлексивные, саморегулятивные, творческие.

Высшие моральные способности обеспечивают реализацию высших ценностей и смыслов бытия на основе общечеловеческих принципов морали: истины, добра, любви к людям, справедливости, красоты. Высшей ценностью и смыслом бытия становится бескорыстное служение людям (семье и обществу в целом), исполнение высшего гуманистического долга — Человеческого, что представляет собой основу как нерелигиозной, так и религиозной духовности.

Моральные способности прежде всего связаны с духовными поступками и добродетельным поведением, хотя и другие высшие способности имеют к этому отношение. Необходимо отметить особую роль моральных способностей в системе духовных способностей. Они составляют основу всех других высших способностей, направляя движение от эгоцентрического Я к Духовному Я, отражая морально-ценностный фундамент личности.

Рассматривая *рефлексивные способности в качестве высших*, мы используем критерий близости к Духовному Я. Таким образом, с одной стороны, принимается в расчет, что рефлексивные способности связаны с мыслительными процессами (анализа, синтеза) и другими интеллектуальными процессами, с другой — учитывается направленность этих процессов (ориентация на высшие ценности, высоконравственное поведение), что, собственно, позволяет причислять их к разряду высших.

Высшие рефлексивные способности соотносятся со сферой самосознания, саморегуляции, саморазвития и обуславливают проявления мудрости, глубины мышления. Благодаря рефлексивным способностям человек может видеть суть вещей, осознавать все, что с ним происходит, понимать причины и следствия явлений и действий, глубоко анализировать свой опыт и состояния, эффективно прогнозировать события, четко осознавать свои жизненные цели и ценности.

Высшие саморегулятивные способности имеют отношение в первую очередь к саморазвитию и самосовершенствованию благодаря углублению самосознания на основе движения к Духовному Я и самоконтролю. Они способствуют глубокой осознанности, благодаря концентрированному вниманию, что ведет к эффективному самоуправлению, обуславливают целеустремленность, развитие эмоционально-волевой регуляции, создающей возможность для повышения уверенности в собственных силах, позитивного отношения к жизни, расслабления, внутреннего покоя и равновесия, гармонизации личности в целом.

Высшие саморегулятивные способности связаны с формированием положительных черт характера, таких как воля, человеколюбие, доброта и сострадание, которые проявляются в совершении духовных поступков и добродетельном поведении.

Высшие творческие способности характеризуются:

- 1) духовным основанием жизнедеятельности творца, связанным с моральными способностями (ценностно-нравственный аспект);
- 2) духовной направленностью личности творца, связанной с движением Я эгоцентрического к Духовному Я (ценностно-смысловой аспект);
- 3) высшими достижениями (профессиональными и жизненными в целом, основанными на творческом подходе к действительности).

Кроме того, высшие творческие способности определяются творческой мотивацией, бескорыстием, чувством формы (особой красоты жизни и пр.)

Духовные способности как основа здоровой, успешной семьи и ее продуктивной жизнедеятельности

Очевидно, что перечисленные духовные способности необходимы для семейного благополучия и продуктивной жизнедеятельности семьи. Они позволяют культивировать в семье любовь и взаимное уважение, поддержку и взаимопомощь (моральные способности); принятие ответственных, взвешенных решений, мудрость в семейных отношениях (рефлексивные способности); самоконтроль в конфликтных и стрессовых ситуациях, самосовершенствование (саморегулятивные способности); творческую самореализацию в рамках семьи и как продолжение в профессиональной деятельности (творческие способности). Можно сказать, что духовные способности помогают созданию «идеальной» — здоровой, успешной семьи.

Приводятся следующие характеристики здоровой семьи (Сатир, 1992):

- все члены семьи воспринимаются как равные;
- между ними существуют открытые, честные, доверительные отношения;
- члены семьи оказывают поддержку друг другу;
- проявляют конгруэнтность, искренность в процессе внутрисемейного общения;
- все члены семьи несут ответственность за семью в целом в посильной мере;
- участвуют в совместном досуге, отдыхая, радуясь и получая удовольствие вместе;
- поддерживают традиции и ритуалы семьи;
- все члены семьи признают и принимают уникальность и особенности каждого из них;
- принимаются и прорабатываются чувства каждого члена семьи;
- в семье признается и уважается право на приватность (наличие личного пространства, неприкосновенность частной жизни).

Можно сказать, что для создания такой идеальной семьи требуется высокий уровень развития духовных способностей родителей, которые своим примером и воспитательными мерами создают условия для формирования духовных способностей у детей.

Здоровая, счастливая семья, благодаря высокому уровню развития духовных способностей, с одной стороны, сама может выступать как результат продуктивной жизнедеятельности ее членов, с другой — становится основой для их продуктивности в учебной, профессиональной, творческой, общественной деятельности.

Рассмотрим вариант, когда *создание крепкой, здоровой, счастливой семьи может рассматриваться в качестве результата продуктивной жизнедеятельности супругов.*

В этом случае показателями такой продуктивности может служить: удовлетворенность всех членов семьи семейными отношениями, психологический комфорт и благополучие каждого члена семьи, продуктивное воспитание детей, личностный рост и культурное развитие всех членов семьи. Особое значение в этой связи приобретает воспитательная функция семьи. В исследованиях (Иванов, 2014) были выявлены особенности продуктивного воспитания, создающие усло-

вия для эффективного социального и духовно-нравственного развития детей, раскрываемые как компоненты культурной среды семьи:

- доверительные отношения;
- совместный труд и творчество;
- духовно-нравственная атмосфера;
- демократические формы управления;
- комфортная материально-предметная сфера;
- символическая сфера семьи, семейные традиции.

Несомненно, что для создания счастливой семьи необходим высокий уровень духовно-нравственных качеств (любовь, доброта, терпимость, забота о близком человеке, ответственность за него и семью в целом), которые проявляются, прежде всего, в моральных способностях, составляющих базис духовных способностей.

Семья может также служить основой для продуктивной жизнедеятельности ее членов в разных областях, например учебной. Так, успешность обучения детей в школе (учебная продуктивность) определяется во многом ценностями, культивируемыми в семье, среди которых выделяются:

— *личностное развитие*, важность учения, самосовершенствования (дети будут более успешны в школе, если родители проявляют интерес к содержанию обучения, обеспечивают доступ детей к необходимым для этого материалам, интересуются их учебным опытом, служат ролевыми моделями);

— *общение*, развитие речи, чтение;

— *ответственность*, базирующаяся на внутреннем локусе контроля, приложение усилий для высоких достижений, самоуважение, важность настойчивости, серьезного упорного труда;

— *чувство пригодности, полезности другим людям*, доверие, моральное поведение.

Семья может также создавать условия для продуктивности в профессиональной деятельности. Зависимость между удовлетворенностью браком и удовлетворенностью работой была выявлена почти полвека назад (Юркевич, 1970).

Работа и семья выступают как две фундаментальные и взаимозависимые системы; несогласованность, неполадки в одной системе могут, следовательно, воздействовать и на другую. Это двунаправленное влияние работы и семьи может привести к двум типам конфликтов, а именно: между работой и семьей и между семьей и работой (Pleck, 1977). Б.Г. Хэнсон считает, что все части системы взаимосвязаны, значит, изменения на любом отрезке системы будут влиять на все части системы (Hanson, 2013). Поэтому, если системы взаимосвязаны, как, например, семья и работа, то позитивные или негативные изменения в одной из них будут воздействовать и на другую.

Таким образом, семья может как способствовать, так и препятствовать продуктивной профессиональной жизнедеятельности ее членов, а также страдать от негативного воздействия работы на семейное благополучие.

Современные исследования свидетельствуют о связи между наличием/отсутствием конфликта в отношениях «работа — семья» и «семья — работа» и удовлетворенностью работой. Так, опрос 976 менеджеров показал, что конфликт между работой и семьей оказывал значимое негативное влияние на удовлетворенность работой (Martins et al., 2002).

Результаты другого исследования, проведенного среди преподавателей вузов, свидетельствовали о том, что конфликт работы и семьи негативно влияет на удовлетворенность работой и что эмоциональный интеллект ослабляет отрицательное воздействие конфликтных отношений «работа — семья» на удовлетворенность работой (Gao et al., 2013).

Было также установлено, что у замужних женщин, отмечающих высокую удовлетворенность работой, наблюдается низкий уровень конфликта между работой и семьей (Namayandeh et al., 2011).

Существует мнение, что в современном обществе работа, семья и личная жизнь должны быть взаимодополняющими и не противоречить друг другу. Успех в одной сфере жизни за счет другой — нездоровый знак. В конечном итоге семейное счастье и достойная личная жизнь являются ключевыми детерминантами успешной карьеры (Rao & Indla, 2010).

Таким образом, необходимо стремиться и к семейному благополучию, и к профессиональному успеху, а продуктивность жизнедеятельности в семье и на работе можно сочетать, по нашему мнению, благодаря проявлению духовных способностей, которые, обеспечивая духовно-нравственную основу социального взаимодействия (семейного и трудового), а также рефлексивность, саморегуляцию и творческий подход к действительности, создадут условия для гармонизации отношений «семья — работа» и «работа — семья».

Заключение

Духовные факторы имеют большое значение для благополучия и продуктивной жизнедеятельности семьи. Духовные ценностные ориентации, связанные с альтруизмом, самосовершенствованием и осознанием жизненных смыслов, духовно-нравственная мотивация создания и сохранения семьи, основанная на любви, единстве взглядов и интересов, свидетельствуют об успешности семейной жизни и брака.

Важную роль в продуктивной жизнедеятельности семьи могут играть духовные способности: моральные, рефлексивные, саморегулятивные, творческие, относимые к категории высших. Они позволяют создать прочную нравственную основу для успешного личностного взаимодействия как внутри семьи, так и за ее пределами (на работе, учебе и пр.), ведут к принятию мудрых решений, самоуправлению в трудных ситуациях и саморазвитию, способствуют творческой самоактуализации в семейной, учебной, профессиональной и прочей деятельности.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00386), Институт психологии РАН.

Список литературы

Андреева Т.В. Психология современной семьи. СПб.: Речь, 2005.

Бачинина К.С., Ершова И.А. Исследование удовлетворенности браком и ценностные ориентации у супругов со стажем брака до 5 лет // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 116. № 3. С. 120—128.

- Голод С.И. Социально-психологические и нравственные ценности семьи // Молодая семья. Вып. 18. М., 1977. С. 41—56.
- Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.
- Гольцова Е.В. Брачное поведение молодежи города Иркутска и его детерминация // Социодинамика. 2018. № 1. С. 1—14. doi: 10.25136/2409-7144.2018.1.25108. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_25108.html (дата обращения: 10.08.2018).
- Елизаров А.Н. Ценностные ориентации неблагополучных семей // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 93—99.
- Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Иванов А.В. Культурная среда семьи как условие продуктивного воспитания личности // Вестник МГОУ. Серия: Педагогика. 2014. № 2. С. 103—111.
- Камнева Н.А. Мотивация вступления в брак и ее влияние на конфликтные ситуации будущей молодой семьи // Вестник ТГУ. 2009. № 2 (70). С. 271—276.
- Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. Причины развода в современной России // Народонаселение. 2016. № 4. С. 57—67.
- Ожиганова Г.В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Рогова А.М. Особенности формирования семейных ценностей у современной российской молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 1. С. 66—69.
- Сатир В. Как строить себя и свою семью. М.: Педагогика-пресс, 1992.
- Семенов В.Е. Духовно-нравственное воспитание как важнейший национальный проект в современной России // Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире / под ред. В.А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 173—177.
- Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М.: Мысль, 1989.
- Федеральная служба государственной статистики. Браки и разводы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 05.09.2018).
- Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978.
- Цветкова Н.А. О согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре современного мегаполиса // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 140—145.
- Чеботарева Е.Ю. Ценностные ориентации и установки к семейной жизни в юношеском и зрелом возрасте // От индивида к системе: консультирование и психотерапия. Вып. 1 / под ред. Г.Т. Базаровой. М.: Перо, 2016. С. 113—125.
- Юркевич Н.Г. Советская семья: функции и условия стабильности. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1970.
- Gao Y., Shi J., Niu Q., Wang L. Work-Family Conflict and Job Satisfaction: Emotional Intelligence as a Moderator // Stress and Health. 2013. Vol. 29. No. 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/231214960_Work-Family_Conflict_and_Job_Satisfaction_Emotional_Intelligence_as_a_Moderator
- Chebotareva E. Yu., Jaber H.M.A. Life values of persons in cross-cultural (Arab-Russian) and monocultural marriages and their representation in family sphere // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2017. Vol. 14. No. 3. Pp. 311—325. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-3-311-325

- Hanson B.G. General systems theory beginning with wholes. NY: Routledge, 2013.
- Martins L.L., Eddleston K.A., Veiga J.F. Moderators of the relationship between work-family conflict and career satisfaction // *Academy of Management Journal*. 2002. Vol. 45. No. 2. Pp. 399—409.
- Namayandeh H., Juhari R., Yaacob S.N. The Effect of Job Satisfaction and Family Satisfaction on Work — Family Conflict (W-FC) and Family — Work Conflict (F-WC) among Married Female Nurses in Shiraz, Iran // *Asian Social Science*. 2011. Vol. 7. No. 2.
- Pleck J.H. The work-family role system // *Social Problems*. 1977. Vol. 24. No. 4. Pp. 417—427.
- Rao T.S.S., Indla V. Work, family or personal life: Why not all three? // *Indian J Psychiatry*. 2010. Vol. 52. No. 4. Pp. 295—297. doi: 10.4103/0019-5545.74301
- Redding S. Family values, the curriculum of the home, and educational productivity // *The School Community Journal*. 1992. Vol. 2. No. 1. Pp. 62—69.

© Ожиганова Г.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 9 сентября 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Ожиганова Г.В. Духовные способности и продуктивная жизнедеятельность семьи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15. № 4. С. 395—409. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-395-409

Сведения об авторе:

Ожиганова Галина Валентиновна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов Института психологии РАН (Москва, Россия). E-mail: symposium2016@rambler.ru

Spiritual Capacities and Productive Life Activity of the Family

Galina V. Ozhiganova

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
13 Yaroslavskaya St., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract. In the article the role of spiritual factors in the productive life activity of the family is considered. A particular attention is given to the description of the construct “spiritual capacities”. The influence of a moral aspect of motivation, value orientations on the satisfaction with marriage, the success of the family life is analyzed. It is shown that the family well-being is promoted by the moral motives of marriage, spiritual value orientations related to the awareness of the meaning of life, self-improvement, altruism. The importance of spiritual capacities and spiritual orientation for the family productive life activity is noted. The detailed descriptions of such spiritual capacities as moral, reflexive, self-regulatory, creative, which the author attributes to the category of the higher ones, are given. These capacities make it possible to lay a solid moral foundation for the family relations and the successful

upbringing of children, create the opportunity for the creative development, the manifestation of wisdom and spiritual self-improvement of the family members.

It is emphasized that a healthy, happy family can be considered as the result of the productive life activity of its members, aimed at maintaining and developing the family. A productive life activity of the family can be also related to the success and productivity of its members in the field of educational, professional and other activities. In both cases, spiritual capacities can serve as a guarantor of the well-being and the productive life activity of the family.

Key words: spiritual and moral factor, family well-being, productive life activity of the family, values, successful family, spiritual capacities, spiritual orientation

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 18-18-00386), Institute of Psychology RAS.

References

- Andreeva, T.V. (2005). *Psikhologiya sovremennoi sem'i*. Saint Petersburg: Rech. Publ. (In Russ.)
- Bachinina, K.S., & Ershova, I.A. (2013). Issledovanie udovletvorennosti brakom i cennostnye orientacii u suprugov so stazhem braka do 5 let. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 116(3), 120—128. (In Russ.)
- Chebotareva, E.Yu. (2016). Tcennostnye orientacii i ustanovki k semeinoi zhizni v yunosheskom i zreлом vozraste. In Bazarova, G.T. (Ed.). *Ot individa k sisteme: konsul'tirovanie i psikhoterapiya* (pp. 113—125). Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Chebotareva, E.Yu., & Jaber, H.M.A. (2017). Life values of persons in cross-cultural (Arab-Russian) and monocultural marriages and their representation in family sphere. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(3), 311—325. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-3-311-325
- Elizarov, A.N. (1995). Tcennostnye orientacii neblagopoluchnyh semei. *Sociologicheskie issledovaniya*, (7), 93—99. (In Russ.)
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. *Braki i razvody*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 5 September 2018). (In Russ.)
- Gao, Y., Shi, J., Niu, Q., & Wang, L. (2013). Work-Family Conflict and Job Satisfaction: Emotional Intelligence as a Moderator. *Stress and Health*, 29(3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/231214960_Work-Family_Conflict_and_Job_Satisfaction_Emotional_Intelligence_as_a_Moderator (accessed: 5 September 2018).
- Golod, S.I. (1977). Social'no-psikhologicheskie i nrvastvennye tcennosti sem'i. *Molodaya semya*, (18), 41—56. (In Russ.)
- Golod, S.I. (1984). *Stabil'nost' sem'i: socialogicheskii i demograficheskii aspekty*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Goltcova, E.V. (2018). Brachnoe povedenie molodyozhi goroda Irkutskaya i ego determinaciya. *Sociodinamika*, (1), 1—14. doi: 10.25136/2409-7144.2018.1.25108. Available at: http://e-notabene.ru/pr/article_25108.html (accessed: 10 August 2018). (In Russ.)
- Hanson, B.G. (2013). *General systems theory beginning with wholes*. NY: Routledge.
- Harchev, A.G., & Matckovskii, M.S. (1978). *Sovremennaya sem'ya i ee problemy*. Moscow: Statistika Publ. (In Russ.)
- Ivanov, A.V. (2014). Kul'turnaya sreda sem'i kak uslovie produktivnogo vospitaniya lichnosti. *Vestnik MGOU. Seriya: Pedagogika*, (2), 103—111. (In Russ.)
- Kamneva, N.A. (2009). Motivaciya vstupleniya v brak i ee vliyanie na konfliktnye situacii budushchei molodoi sem'i. *Vestnik TGU*, 2(70), 271—276. (In Russ.)

- Laktyuhina, E.G., & Antonov, G.V. (2016). Prichiny razvoda v sovremennoi Rossii. *Narodonaselenie*, (4), 57–67. (In Russ.)
- Martins, L.L., Eddleston, K.A., & Veiga, J.F. (2002). Moderators of the relationship between work-family conflict and career satisfaction. *Academy of Management Journal*, 45(2), 399–409.
- Namayandeh, H., Juhari, R., & Yaacob, S.N. (2011). The Effect of Job Satisfaction and Family Satisfaction on Work – Family Conflict (W-FC) and Family – Work Conflict (F-WC) among Married Female Nurses in Shiraz, Iran. *Asian Social Science*, 7(2), 88–95.
- Ozhiganova, G.V. (2016). *Duhovnye sposobnosti kak resurs zhiznedeyatel'nosti*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Pleck, J.H. (1977). The work-family role system. *Social Problems*, 24(4), 417–427.
- Rao, T.S.S., & Indla, V. (2010). Work, family or personal life: Why not all three? *Indian J Psychiatry*, 52(4), 295–297. doi: 10.4103/0019-5545.74301
- Redding, S. (1992). Family values, the curriculum of the home, and educational productivity. *The School Community Journal*, 2(1), 62–69.
- Rogova, A.M. (2007). Osobennosti formirovaniya semeinykh cennostei u sovremennoi rossijskoi molodezhi. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (1), 66–69. (In Russ.)
- Satir, V. (1992). *Kak stroit' sebya i svoyu sem'yu*. Moscow: Pedagogika-press Publ. (In Russ.)
- Semenov, V.E. (2013). Duhovno-nravstvennoe vospitanie kak vazhneishii nacional'nyi proekt v sovremennoi Rossii. In Koltcova, V.A. (Ed.). *Social'no-psikhologicheskie i duhovno-nravstvennye aspekty sem'i i semeinogo vospitaniya v sovremennom mire* (pp. 173–177). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Syenko, V.A. (1989). *Supruzheskie konflikty*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Tsvetkova, N.A. (2015). O soglasovannosti semeinykh cennostej i rolevykh ustanovok v supruzheskoj pare sovremennogo megapolisa. In Mahnach, A.V. & Zueva, K.B. (Eds). *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii*, 2, 140–145. (In Russ.)
- Yurkevich, N.G. (1970). *Sovetskaya sem'ya: funktsii i usloviya stabil'nosti*. Minsk: Belarus State University Publ. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L. (2005). *Psikhologiya sovместnoi deyatel'nosti*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 9 September 2018

Revised: 30 September 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Ozhiganova, G.V. (2018). Spiritual Capacities and Productive Life Activity of the Family. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 395–409. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-395-409

Bio Note:

Galina V. Ozhiganova — Ph.D. in Psychology, senior researcher, Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: symposium2016@rambler.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-410-430

УДК 159.928.23

Модификации семантического пространства межличностного восприятия билингвизма при разном уровне дискурсивных способностей

А.Н. Воронин

Институт психологии РАН

Российская Федерация, 129366, Москва, Ярославская ул., д. 13, корп. 1

Статья посвящена психосемантическому исследованию межличностного восприятия билингвов у людей с разным уровнем дискурсивных способностей. Дискурсивные способности позволяют человеку эффективно инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, но их влияние на структуру семантического пространства межличностного восприятия не исследовалось. Реконструкция семантического пространства межличностного восприятия билингвов на двух контрастных выборках показала, что размерность и содержание семантических пространств людей с высоким и низким уровнем дискурсивных способностей существенно различаются. Для выборки с высоким уровнем дискурсивных способностей было выделено четыре значимых фактора семантического пространства: энтузиазм, симпатия, дружелюбие, осторожность. Семантическое пространство выборки с низким уровнем дискурсивных способностей оказалось трехмерным: энтузиазм, симпатия, открытость опыту. Сопоставление обоих пространств с помощью метода объединения данных (pooled data method) позволило выявить два направления существенных различий в межличностном восприятии билингвов у людей с низким и высоким уровнем дискурсивных способностей: «энтузиазм — апатия» и «сложность в общении — открытость». Было определено, что с повышением уровня дискурсивных способностей люди в большей степени склонны воспринимать билингвов как более деятельных, активных и открытых в общении.

Ключевые слова: психосемантика, искусственный билингвизм, дискурсивные способности, межличностное восприятие

Введение

Термин «дискурсивные способности» был введен при изучении способностей, отвечающих за изучение иностранного языка. Было показано структурное и генетическое различие лингвистических и дискурсивных способностей (Кочкина, 2009а). Лингвистические способности определяют усвоение основ языка, знание моделей языковых единиц, правил изменения и сочетания слов, диапазон употребляемой лексики и т.п., а дискурсивные способности — успешное проведение коммуникации (в том числе — варианты произношения, словоизменения и сочетания слов, выбор синонимов и т.п.). Было показано, что дискурсивные способности выделяются как особые по мере включения человека в дискурсивную практику, и их специфичность при углубленном изучении иностранного языка возрастает (Кочкина, 2009б). Дискурсивные способности позволяют человеку

эффективно инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения, ускоряя процесс выработки стратегии взаимодействия (Воронин, 2015).

Можно выделить два уровня рассмотрения дискурсивных способностей. Широкое понимание дискурсивных способностей связано с отражением в ментальной репрезентации коллективного субъекта, в качестве которого может выступать группа, сообщество и т.д. Цель коммуникации в данном случае связана с расшифровыванием, кодированием и трансляцией более глобальных смыслов в виде различных культурных кодов. В узком смысле дискурсивные способности позволяют коммуницировать в условиях конкретного дискурса, понимать собеседника, презентировать свои смыслы и собственную идентичность в конкретном жизненном контексте. В данном случае их составляющими, возможно, являются когнитивное пространство субъекта, конкретная жизненная ситуация общения, апперцепция намерений другого субъекта, интенциональность говорящего (Кочкина, 2009а; Воронин, 2015).

Конструкт «дискурсивные способности» непосредственно связан с понятием «дискурс» и «дискурсивная деятельность». Под дискурсом в самом общем виде понимаются различные формы речи (диалог, выступление, интервью и т.д.), рассмотренные с учетом ситуационных, когнитивных, прагматических, социокультурных и других факторов, включенных в их создание и понимание (Журавлев, Павлова, 2007). Дискурс характеризуется как речь, «погруженная в жизнь», «коммуникативное событие в прагматическом контексте» (Дейк, 1989). Н.Д. Павлова рассматривает дискурс как компонент коммуникативного процесса, форму целенаправленного, соотнесенного с контекстом, вербального поведения, обеспеченного сложной системой знаний (Павлова, 2002).

Дискурсивная деятельность представляет собой специфическую деятельность, в рамках процесса общения, осуществляемого исключительно языковыми средствами, находящимися в распоряжении общающихся людей в конкретной ситуации. Общение при этом, вслед за Б.Ф. Ломовым, понимается как самостоятельная форма активности субъекта, результатом которой являются отношения с другим человеком или людьми (Ломов, 1984). Дискурсивные способности непосредственно связаны с адекватной мотивацией аффилиации, имеющимся социальным опытом общения, знанием различных ситуаций взаимодействия и способов вербального поведения в них, обширностью и структурированностью индивидуального тезауруса, удачным соотношением различных личностных особенностей: экстравертированность, эмпатийность, толерантность и мобильность повышают уровень дискурсивных способностей, интровертированность, властность, конфликтность, агрессивность, застенчивость, робость и ригидность — затрудняют. Дискурсивные способности повышают успешность человека в различных видах деятельности, предполагающих активное вербальное взаимодействие и оценку его успешности: инициация и поддержание беседы, ведение переговоров, улаживание конфликтов, эффективное установление контактов между людьми, быстрые взаимодействия с представителями различных социаль-

ных и языковых групп, составление и/или адекватное понимание устных и письменных обращений и сообщений, консультативная и психотерапевтическая практика.

Было показано, что дискурсивные способности определяют эффективность процесса общения в конкретных ситуациях межличностного общения: отсутствие значимых различий в уровне развития дискурсивных способностей способствует диалогичности общения собеседников, значимые различия — смещают характер общения в сторону монологичности (Воронин, 2017). Нам представляется, что не только процесс общения непосредственно связан с уровнем развития дискурсивных способностей, меняются и субъективные представления о собеседниках, в частности меняется субъективное пространство представлений. Размерность семантического пространства, скорее всего, увеличивается, так как люди с высоким уровнем дискурсивных способностей точнее реагируют на ситуацию, стили и темп общения, что невозможно без большей дифференциации представлений о других людях и мире в целом. Проверить это предположение удалось при исследовании субъективных представлений об искусственном билингвизме с помощью частного семантического дифференциала, разработанного в ходе специального исследования (Воронин, Рафикова, 2017).

В самом общем виде под билингвизмом понимается владение двумя языками (Большой энциклопедический словарь, 2000). Однако полная типология двуязычия, опирающаяся на междисциплинарный подход, включает более 30 типов билингвизма (приобретенный, сопутствующий, прогрессирующий, приписываемый, асимметричный, сбалансированный, последовательный, сложный, координативный, ранний, диагональный, функциональный, горизонтальный, абсолютный, пассивный, продуктивный, рецептивный, регрессирующий, остаточный, побочный, полубилингвизм, коллективный, субординативный, вертикальный, последовательный и т.д. (Baetens-Beardsmore, 1982). Психологическое понятие билингвизма сводится к коммуникативной компетенции, достаточной для эффективного общения на более чем одном языке, что предполагает способность понимать смысл иноязычных сообщений и составлять высказывания на более чем одном языке. При таком понимании билингв — это человек, который способен думать на двух или более языках, контролировать и программировать содержание высказываний на разных языках и в разных ситуациях, продуцируя при этом связанные высказывания и понимая высказывания на другом языке (Titone, 2000). По сути, такое определение раскрывает понимание билингвизма А.А. Леонтьевым, который полагал, что быть билингвом означает уметь осуществлять речевую деятельность на двух языках, имея более или менее свободный выбор языка для общения (Леонтьев, 2005).

Процедура и методы

Разработка методики. Для исследования субъективных представлений об искусственном билингвизме был разработан частный семантический дифференциал (СД), поскольку именно «частные варианты семантического дифференциала “схватывают” в своих факторах не только обобщения направлений реакций, но

и обобщения самих стимулов по предметным основаниям» (Шмелев, 1983). Построение частных СД позволяет проводить более тонкий семантический анализ, а сами факторные структуры могут интерпретироваться как категориальная сетка данного понятийного класса (Петренко, 2010). Рабочий вариант частного СД изучения субъективной системы представлений, посредством которой происходит межличностное восприятие билингвов, разрабатывался в ходе специального исследования (Воронин, Рафикова, 2017). На первом этапе осуществлялось изучение феномена билингвизма с помощью различных качественных методов: полуструктурированного интервью, биографического метода, модифицированной методики Line life для освоения иностранного языка. Анализ полученных данных позволил описать основные этапы становления искусственного билингва и составить репертуарный список персонажей для последующего исследования структуры представлений с помощью реп-теста. Репертуарный список для изучения билингвизма включал 14 позиций: «Родственник, владеющий иностранным языком», «Друг/подруга, владеющий иностранным языком», «Преподаватель иностранного языка», «Однокурсни́к (или коллега), знающий иностранный язык лучше, чем Вы», «Человек, который считает, что для нормальной жизни достаточно одного языка», «Человек, владеющий иностранным языком, на которого Вы хотели бы быть похожи (реальный человек или литературный/киногерой)», «Человек, которому знание иностранного языка помогло добиться карьерных успехов, поспособствовало в профессиональной деятельности», «Человек, которому знание иностранного языка помогло найти близких друзей, возлюбленного», «Человек, для которого изучение иностранных языков является хобби», «Человек, который хотел выучить иностранный язык, но не смог», «Человек, владеющий редким иностранным языком», «Трудовой мигрант, вынужденный общаться на русском языке, которого Вы часто встречаете (дворник, продавец и т.д.)», «Специалист, для которого русский является вторым языком (врач, учитель, инженер и т.д.)». Также в репертуарный список был включен элемент «Я сейчас», «Я, если бы владел иностранным языком как носитель языка» (Воронин, Рафикова, 2017).

Использование метода репертуарных решеток позволило выявить 72 биполярных конструкта (Воронин, Рафикова, 2016). Обобщение результатов с использованием факторного анализа позволило выделить 4 фактора, максимально схожих для всех испытуемых: «открытость общению», «чувство собственного превосходства» (или «покровительственное отношение»), «необычная активность», «перфекционизм». Для каждого обобщенного фактора были подобраны наборы биполярных шкал из реального перечня конструктов всех репертуарных тестов для данной выборки. Подбор осуществлялся путем последовательного применения анализа лексических компонентов конструктов в сочетании с анализом семантических искажений. В рабочий вариант частного семантического дифференциала для исследования и реконструкции системы значений, посредством которой происходит межличностное восприятие билингвов, вошло 17 биполярных шкал, включая и шкалы общего семантического дифференциала Ч. Осгуда (Воронин, Рафикова, 2016):

- 1) общительные — закрытые;
- 2) надменные — скромные;

- 3) дружелюбные — замкнутые;
- 4) слабые — сильные;
- 5) активные — пассивные;
- 6) эгоистичные — отзывчивые;
- 7) смелые — осторожные;
- 8) сложные — простые;
- 9) ленивые — трудолюбивые;
- 10) мобильные — медлительные;
- 11) заботливые — равнодушные;
- 12) плохие — хорошие;
- 13) безынициативные — деятельные;
- 14) безответственные — ответственные;
- 15) обычные — необычные;
- 16) эмоциональные — уравновешенные;
- 17) безразличные к новому — любознательные.

Выборка и процедура. Обследование проводилось в 2017 г., в нем приняли участие 315 человек (239 женщин и 76 мужчин в возрасте от 18 до 69 лет — студенты и выпускники лингвистических вузов, филологических, естественно-научных и технических факультетов различных вузов). Одна группа респондентов — 78 человек (33 мужчины и 45 женщин) — прошла тестирование с помощью бланкового варианта, другая — 237 человек (36 мужчин и 201 женщина) — онлайн.

Обследование включало четыре этапа. На первом, предварительном этапе обследуемым предлагалось указать информацию о себе: фамилия, имя (при желании респондента пройти тест анонимно можно было указать никнейм), вуз, факультет, возраст, уровень владения иностранным языком. На втором этапе обследуемым предлагалось подобрать знакомых людей на «роли», представленные в списке ролевых персонажей. На третьем этапе обследуемые заполняли бланк частного СД, где в качестве объектов оценки выступали знакомые обследуемому люди. Оценка осуществлялась по 6-балльной шкале. На четвертом, завершающем этапе обследования испытуемые выполняли задания теста дискурсивных способностей.

Для диагностики дискурсивных способностей использовался русскоязычный вариант методики, разработанный на материале повседневного дискурса (Воронин, 2014).

Параллельно бланковым методикам была разработана онлайн-версия тестирования (<http://psycho.vividmidnight.ru/RepTDS-master.php>).

Результаты и их обсуждение

В ходе обследования было получено 315 протоколов частного СД, что привело к образованию куба данных $315 \times 17 \times 15$ (испытуемые \times конструкты \times персонажи). Куб данных был «сжат» суммированием слоев по оси «испытуемые», в результате чего образовалась групповая матрица реакций испытуемых 17×15 — «конструкты \times персонажи». Был проведен эксплораторный факторный анализ

(метод главных компонент с последующим варимакс-вращением). При использовании критерия Кайзера выделилось 3 фактора с собственными значениями, большими 1, которые объясняют 87 % дисперсии (табл. 1). Критерий «каменистой осыпи» также подтвердил выделение 3 факторов (рис. 1). Для вычислений использовался пакет IBM SPSS 18.0. Содержательная интерпретация факторов осуществлялась на основании матрицы факторных решений, представленных в табл. 2.

Таблица 1

Полная объясненная дисперсия по всей выборке
[Table 1. Total variance explained throughout the sample]

Компонента	Начальные собственные значения		
	Итого	% дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	10,623	62,486	62,486
2	2,522	14,838	77,324
3	1,650	9,703	87,027
4	0,783	4,607	91,634
5	0,490	2,885	94,519
6	,284	1,668	96,187
7	0,193	1,137	97,323
—	—	—	—
17	-1,325E-16	-7,792E-16	100,000

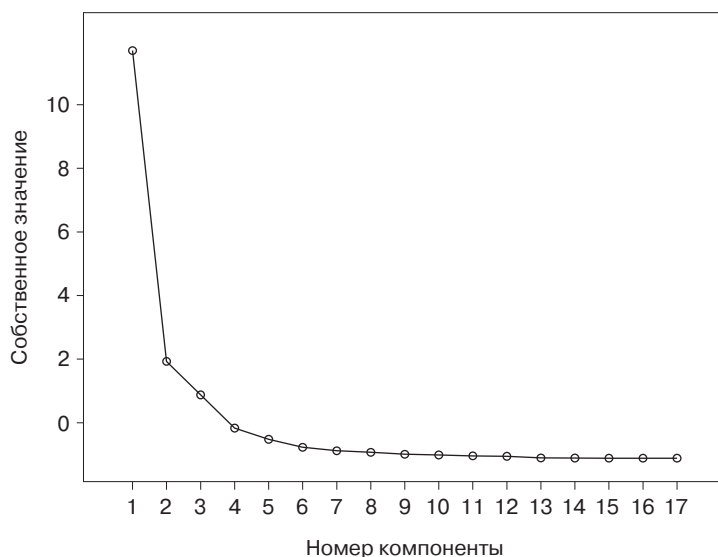

Рис. 1. График собственных значений по всей выборке
[Figure 1. Scree plot throughout the sample]

Таблица 2

Матрица факторных решений для конструкторов ЧСД по всей выборке
[Table 2. Rotated component matrix throughout the sample]

Конструкты	Компонента		
	1	2	3
Ленивые — трудолюбивые	,942		
Слабые — сильные	,876		
Безынициативные — деятельные	,864		
Эмоциональные — уравновешенные	,842		
Мобильные — медлительные	-,787		
Активные — пассивные	-,772		
Безответственные — ответственные			
Обычные — необычные			
Общительные — закрытые			
Смелые — осторожные			,480
Неприятные — вызывают симпатию		-,906	
Заботливые — равнодушные		,868	
Сложные — простые		,855	
Дружелюбные — замкнутые		,777	
Безразличные к новому — любознательные		-,716	
Эгоистичные — отзывчивые			,546
Надменные — скромные			,950

Как следует из табл. 2, в первый фактор (62 % дисперсии) входят конструкты, отражающие на положительном полюсе трудолюбие, силу, инициативу, уравновешенность, мобильность. Этому противопоставляется лень, слабость, безынициативность, медлительность. По сути, здесь воспроизводятся два фактора семантического пространства Ч. Осгуда: «сила» и «активность». На одном полюсе первого фактора находится выраженная «энергичность» и/или «энтузиазм», на другом — «пассивность и апатия». Второй фактор (15 % дисперсии) образуют конструкты: «неприятные — вызывают симпатию», «равнодушные — заботливые», «простые — сложные», «замкнутые — дружелюбные», «безразличные к новому — любознательные». Условно данный фактор был назван «неприятные и ограниченные — вызывают симпатию». Третий фактор (10 % дисперсии), включающий конструкты «скромные — надменные», «отзывчивые — эгоистичные», «осторожные — смелые», скорее всего, отражает личностные черты, характерные для определенного типа интерперсонального поведения: «дружелюбие» vs «эгоистичность» (Собчик, 1990). Показательны «персонажи» (или «роли») максимально контрастно расположенные в реконструированном семантическом пространстве межлич-

ностного восприятия билингвов и, по сути, конституирующие его. Так, на рис. 2 представлено расположение персонажей, характерных для межличностного восприятия билингвов, в пространстве первых двух факторов: «энтузиазм — апатия» и «вызывают симпатию — неприятные и ограниченные».

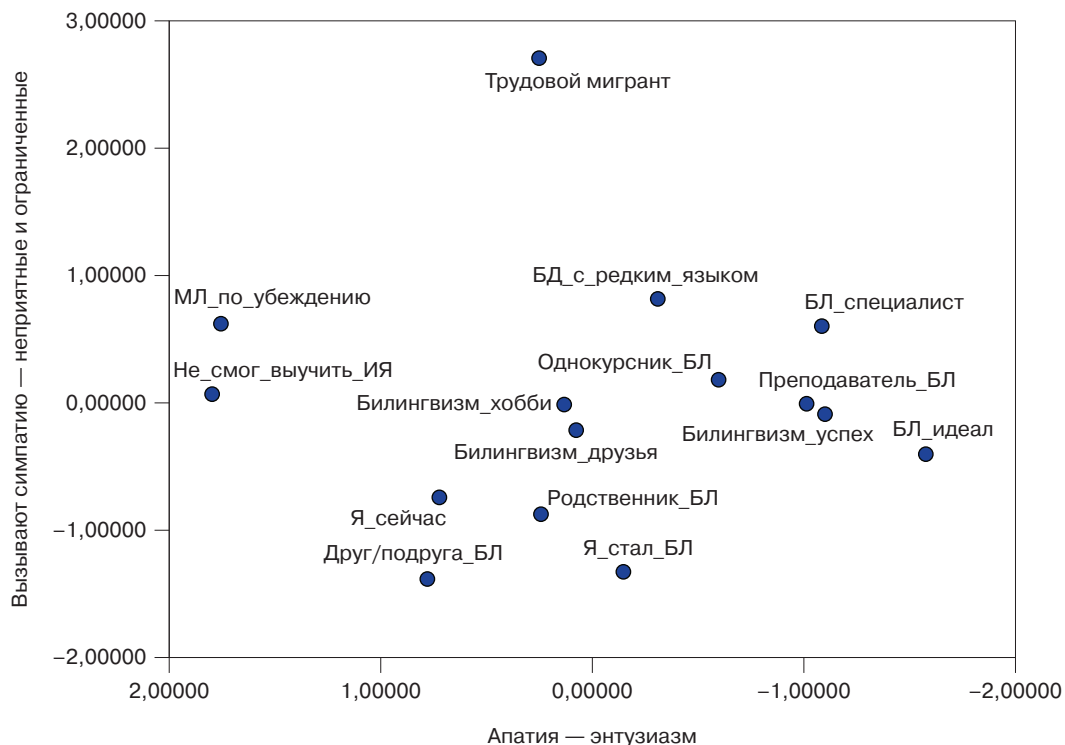

Рис. 2. Распределение персонажей в плоскости 1 и 2 факторов
[Figure 2. Simple scatterplot for 1 and 2 factors]

Наиболее «слабыми и пассивными» представляются следующие персонажи: «Человек, который считает, что для нормальной жизни достаточно одного языка» и «Человек, который хотел выучить иностранный язык, но не смог». Наиболее сильными и полными энтузиазма являются персонажи: «Человек, владеющий иностранным языком, на которого Вы хотели бы быть похожи» и «Человек, которому знание иностранного языка помогло добиться карьерных успехов, поспособствовало в профессиональной деятельности». Вызывают симпатию «Друг/подруга, владеющий иностранным языком» и «Я», если бы владел(а) иностранным языком как носитель языка». «Неприятные и ограниченные» со значительным отрывом от всех — «Трудовые мигранты». Однако они же, наряду с «Специалистами, для которых русский является вторым языком» и «Я сейчас» являются максимально дружелюбными. Максимально эгоистичным представляется «Человек, который считает, что для нормальной жизни достаточно одного языка». Расположение всех персонажей семантического пространства межличностного восприятия билингвов для 1 и 3 факторов («энтузиазм — апатия» и «дружелюбие — эгоистичность» представлено на рис. 3.

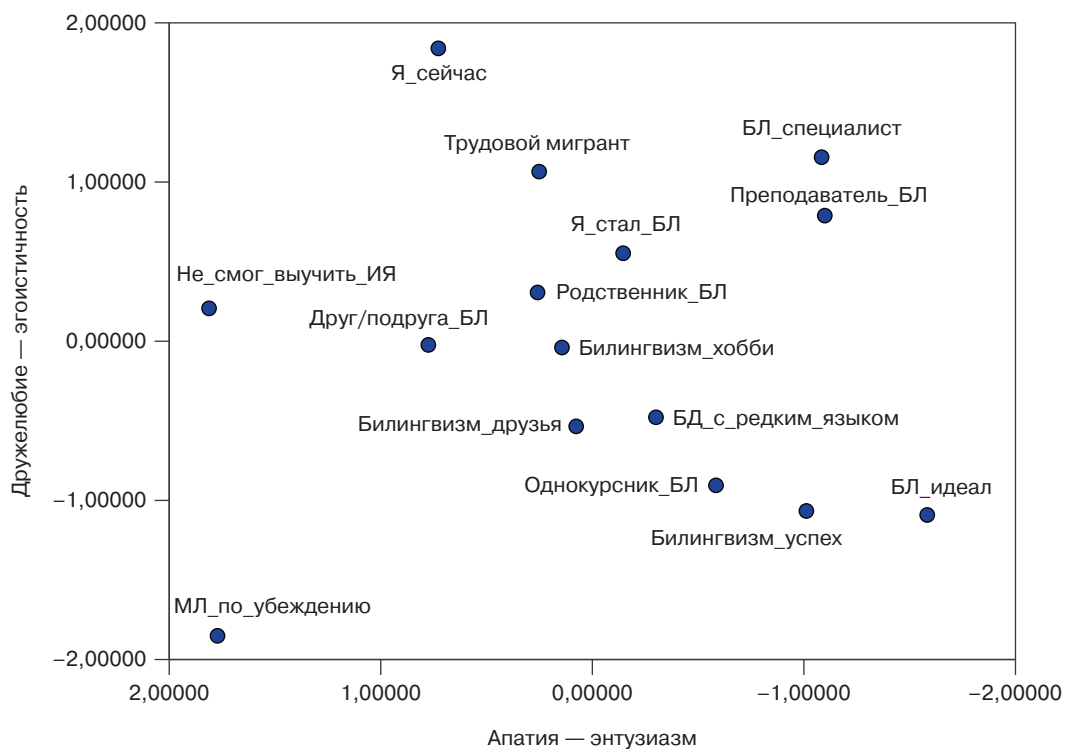

Рис. 3. Распределение персонажей в плоскости 1 и 3 факторов
[Figure 3. Simple scatterplot for 1 and 3 factors]

Оценить трансформации семантического пространства межличностного восприятия искусственного билингвизма в зависимости от уровня дискурсивных способностей было решено путем сравнения семантических пространств контрастных групп обследуемых. В первую группу было отобрано 72 человека с высокими показателями по тесту дискурсивных способностей (примерно на уровне 75 % процентиля и выше с учетом градиента данных). Во вторую группу было отобрано 66 человек с низкими показателями по тесту дискурсивных способностей (примерно на уровне 25 % процентиля и ниже). Для обеих групп была посчитана усредненная матрица частного семантического дифференциала межличностного восприятия персонажей, презентующих реальность искусственного билингвизма. Редукция кубов данных была осуществлена суммированием слоев по оси «испытываемые», в результате чего образовались две групповые матрицы реакций испытуемых 17×15 — «конструкты×персонажи» для выборок с низким и высоким уровнем выраженности дискурсивных способностей. Был проведен эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент с последующим варимакс-вращением). Для выделения значимых факторов семантического пространства использовались критерии Кайзера и «каменистой осыпи».

В результате факторного анализа данных для выборки с высоким уровнем дискурсивных способностей было выделено 4 значимых фактора на основании критериев Кайзера и «каменистой осыпи», описывающих 92 % общей дисперсии (табл. 3, рис. 4). Первый фактор (60 % дисперсии) объединяет конструкты «тру-

долюбивые — ленивые», «сильные — слабые», «уравновешенные — эмоциональные», «активные — пассивные», «деятельные — безынициативные», «мобильные — медлительные». По сути, это все тот же фактор «энтузиазм — апатия», выделенный для всей выборки испытуемых. Второй фактор (13 %) также аналогичен фактору для всей выборки «неприятные и ограниченные — вызывающие симпатию». В него входят конструкторы «равнодушные — заботливые», «неприятные — вызывают симпатию», «простые — сложные», «эгоистичные — отзывчивые», «безразличные к новому — любознательные». Третий фактор (11 %) объединяет конструкторы, связанные с дружелюбием, открытостью и общением, он был назван «дружелюбие — закрытость в общении». В отличие от третьего фактора для всей выборки в нем отсутствуют негативные коннотации, относящиеся к эгоистичности и высокомерию. Но именно эти черты личности отражены в конструкторах, образующих четвертый фактор (6 %), — «надменные — скромные», «смелые — осторожные». Этот фактор коррелирует с независимо-доминирующим стилем межличностных отношений, для которого характерно чувство собственного превосходства, независимость, тенденция иметь особое мнение, отличное от мнения большинства, и занимать обособленную позицию в группе.

Для выборки с низким уровнем дискурсивных способностей было получено трехфакторное решение на основании двух критериев: Кайзера и «каменистой осыпи» (табл. 4, рис. 5). Первые три выделенные фактора объясняли 87 % общей дисперсии. Первые два из этих факторов в основном совпадают с первыми двумя для всей выборки. Третий фактор для группы с низким уровнем дискурсивных способностей скорее связан с представлениями об «ограниченности — открытости новому опыту». Его образуют конструкторы «простота — сложность» и «безразличие к новому — любознательность».

Таблица 3

Полная объясненная дисперсия для выборки с высоким уровнем дискурсивных способностей
[Table 3. Total variance explained for a sample with a high level of discursive abilities]

Компонента	Начальные собственные значения		
	Итого	% дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	10,377	61,039	61,039
2	2,357	13,863	74,902
3	1,908	11,222	86,124
4	1,028	6,045	92,168
5	0,424	2,497	94,665
6	0,314	1,847	96,512
7	0,187	1,103	97,615
—	—	—	—
17	-3,201E-16	-1,883E-15	100,000

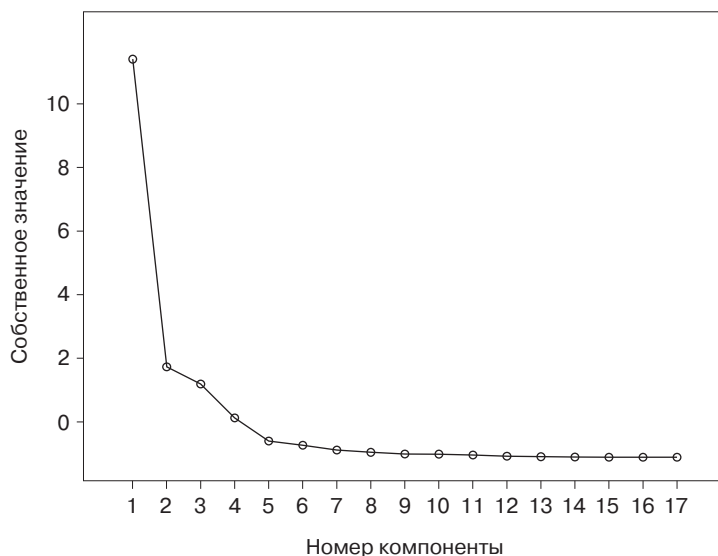

Рис. 4. График собственных значений для выборки с высоким уровнем дискурсивных способностей
[Figure 4. Scree plot for a sample with a high level of discursive abilities]

Таблица 4

Полная объясненная дисперсия для выборки с низким уровнем дискурсивных способностей
[Table 4. Total variance explained for a sample with a low level of discursive abilities]

Компонента	Начальные собственные значения		
	Итого	% дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	10,197	59,980	59,980
2	2,575	15,148	75,128
3	2,062	12,128	87,256
4	0,886	5,213	92,469
5	0,538	3,164	95,632
6	0,235	1,385	97,017
7	0,197	1,160	98,177
—	—	—	—
17	-6,217E-17	-3,657E-16	100,000

Высокие дискурсивные способности связаны с более дифференцированным межличностным восприятием, по крайней мере, людей изучающих иностранный язык. Семантическое пространство людей с высокими дискурсивными способностями более дифференцировано и содержательно отличается от семантического пространства людей с низким уровнем дискурсивных способностей. Так, казалось бы, первый фактор в обеих выборках связан с силой и активностью, однако в группе с высоким уровнем дискурсивных способностей наиболее значимым конструктом этого фактора является «трудолюбие», а в группе с низкими дискурсивными способностями более значимы «общительность» и «мобильность».

Можно сказать, что в группе с низкими дискурсивными способностями не различаются активность как деятельность и активность, связанная с межличностными отношениями, в которых проявляется забота, симпатии, отзывчивость. Если в группе с высоким уровнем дискурсивных способностей эмоциональная оценка связана с межличностными отношениями, то в группе с низким уровнем — с трудолюбием и активностью. Еще одним качественным различием является включенность шкалы «уравновешенность». В группе «низких способностей» она явно несет негативную коннотацию и соседствует с равнодушием, надменностью и эгоистичностью. В группе «высоких способностей» — уравновешенность это одна из характеристик активности как трудолюбия. У людей с высоким уровнем дискурсивных способностей — три фактора описывают особенности межличностного взаимодействия, а с низким — особенности межличностного взаимодействия включены в фактор «активность», а два других фактора негативно окрашены, направлены скорее от взаимодействия или представляют собой характеристики другого.

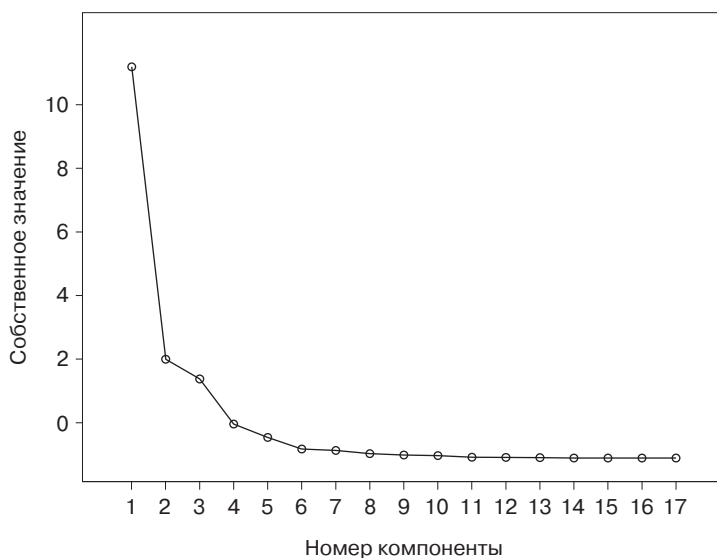

Рис. 5. График собственных значений для выборки с низким уровнем дискурсивных способностей
[**Figure 5.** Scree plot for a sample with a low level of discursive abilities]

Усредненное семантическое пространство выборок с высоким и низким уровнями дискурсивных способностей имеет различную размерность и различное «содержание» факторов, поэтому возможно лишь качественное сопоставление этих пространств. Приведенные выше интерпретации представляют собой описание каждого из пространств «изнутри», существенные различия между такими семантическими пространствами и количественное описание этих различий при использовании традиционных методов возможны лишь в исключительных случаях, когда размерность пространств и содержательная интерпретация осей совпадают. При этих условиях описываются различия в расположении и группировке объектов исследования, характерные для контрастных групп. В нашем случае такая возможность отсутствует.

Для описания различий в структуре семантических пространств испытуемых с низким и высоким уровнями дискурсивных способностей, имеющих различную размерность и «содержание» осей, был использован один из способов факторного сравнения структур двух выборок — метод объединения данных (pooled data method). При его использовании объединяются данные из двух выборок, добавляется искусственная переменная, категории которой кодируют принадлежность испытуемых к той или иной выборке. Факторные нагрузки этой искусственной переменной указывают на факторы, в отношении которых групповые средние факторные оценки будут различаться сильнее всего. В нашем случае искусственной переменной будет являться уровень дискурсивных способностей испытуемых, и именно относительно этого показателя мы сможем указать оси семантического пространства, по которым будут существенные различия между выборками.

Для совмещенной матрицы усредненных значений был проведен факторный анализ методом главных компонент с последующим варимакс-вращением. При использовании критерия Кайзера было выделено 4 фактора (подтверждением четырехфакторного решения служит критерий «каменистой осыпи»), в два из которых со значимым весом входила дополнительная переменная — уровень дискурсивных способностей (табл. 5, рис. 6).

Исходя из факторных нагрузок конструкторов (табл. 6), входящих в первый фактор, он был интерпретирован аналогично оси семантического пространства полной выборки как «энтузиазм — апатия», поскольку его определяли аналогичные конструкторы «активные — пассивные», «сильные — слабые», «деятельные — безинициативные», «мобильные — медлительные», «необычные — обычные». При этом, конечно, присутствуют специфические аспекты: коннотации, связанные с трудолюбием и ленью менее значимы, но появляется представление о «необычности» проявляющегося энтузиазма и любознательности. Второй, связанный с дискурсивными способностями, фактор (четвертый в табл. 6) образован конструкторами «простота — сложность», «отзывчивость — эгоистичность» и «дружелюбие — замкнутость». Он отражает характеристики, связанные с представлениями о человеке, складывающимися по ходу межличностного общения. На одном полюсе представления о «не простом человеке»; человеке, с которым сложно в общении, он «себе на уме», скорее недружелюбен и замкнут — в том смысле, что его душа — потемки. На другом полюсе — понимание того, что можно «ждать от человека», открытость, отзывчивость и дружелюбие. В определенном смысле этот фактор коррелирует с одной из двух базовых осей пространства межличностных отношений по представлениям Т. Лири — «дружелюбие — агрессивность» (Собчик, 1990). При этом под агрессивностью в данном случае стоит понимать не буквально «прямую агрессию», но скорее «пассивную вербальную агрессию» (Ениколопов, 2001). Этот фактор был условно назван «сложность в общении — открытость». Вклад «искусственной переменной» — дискурсивных способностей во 2 и 3 факторы оказался незначительным (менее 0,2), поэтому по этим факторам различия между двумя контрастными выборками несущественны. Оценка значимости различий между двумя контрастными выборками по факторам 1 и 4 была осуществлена с помощью критерия Мана — Уитни. Показано, что различия по обоим факторам значимы, но уровень значимости по 4 фактору ниже, соответственно, различия по этому фактору более выражены (табл. 7).

Таблица 5

Полная объясненная дисперсия для совмещенной выборки
[Table 5. Total variance explained for a combined sample]

Компонента	Начальные собственные значения		
	Итого	% дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	10,736	59,644	59,644
2	2,288	12,710	72,354
3	1,503	8,350	80,704
4	1,214	6,746	87,450
5	0,749	4,162	91,612
6	0,346	1,924	93,536
7	0,263	1,460	94,996
—	—	—	—
18	0,013	,070	100,000

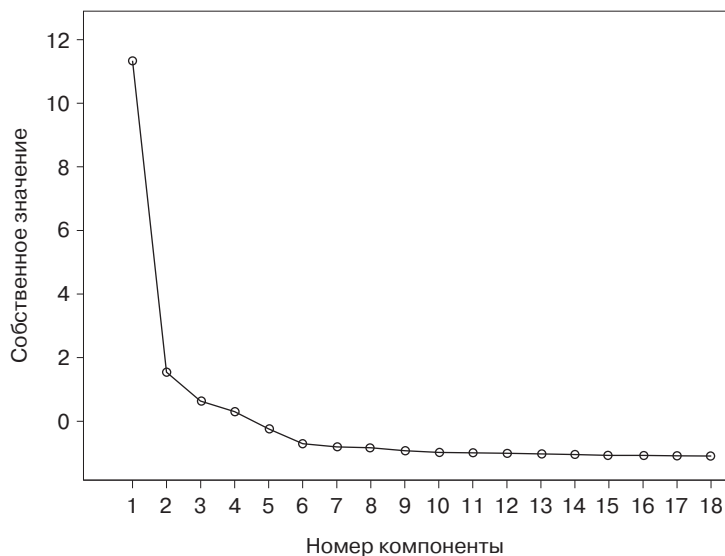

Рис. 6. График собственных значений для совмещенной выборки
[Figure 6. Scree plot for a combined sample]

Таблица 6

Матрица факторных решений для конструктов совмещенной выборки
[Table 6. Rotated component matrix for combined sample constructs]

Конструкты	Компонента			
	1	2	3	4
Активные — пассивные	-,969			
Слабые — сильные	,964			
Безынициативные — деятельные	,961			
Мобильные — медлительные	-,960			

Конструкты	Компонента			
	1	2	3	4
Обычные — необычные	,907			
Безответственные — ответственные	,899		,255	
Безразличные к новому — любознательные	,897			
Ленивые — трудолюбивые	,872			
Общительные — закрытые	-,852			
Неприятные — вызывают симпатию	,779	-,410		
Смелые — осторожные	-,753		,488	
Эгоистичные — отзывчивые	,677	-,430	,468	,256
Дружелюбные — замкнутые	-,647			-,204
Эмоциональные — уравновешенные		,906		
Заботливые — равнодушные	-,479	,676	-,444	
Надменные — скромные			,910	
ДС_1*	,364			,766
Сложные — простые	-,589	,294		,633

* Уровень дискурсивных способностей.

Таблица 7

Оценка различий между контрастными выборками*
[Table 7. Estimation of differences between contrast samples]

Статистики и значимость	F1	F4
Статистика U Манна — Уитни	60,000	12,000
Статистика W Уилкоксона	180,000	132,000
Z	-2,178	-4,169
Асимпт. значимость (двухсторонняя)	0,029	0,000

* Группирующая переменная: уровень дискурсивных способностей.

Использование метода объединения данных для сопоставления различных семантических пространств позволяет наглядно показать различия в расположении объектов психосемантического исследования в пространстве факторов, максимально дифференцирующих контрастные выборки. Рис. 7 наглядно демонстрирует сдвиг в семантической оценке персонажей, образующих пространство межличностного восприятия билингвов: люди с высоким уровнем дискурсивных способностей воспринимают билингвов как людей более отзывчивых, простых, обычных, дружелюбных, активных и деятельных. На рис. 7 красным обозначены роли выборки с высоким уровнем дискурсивных способностей, прозрачные кружки — с низким. Линии соединяют точки расположения одинаковых персонажей в пространстве, образованном факторами, отражающими значимые различия между выборками.

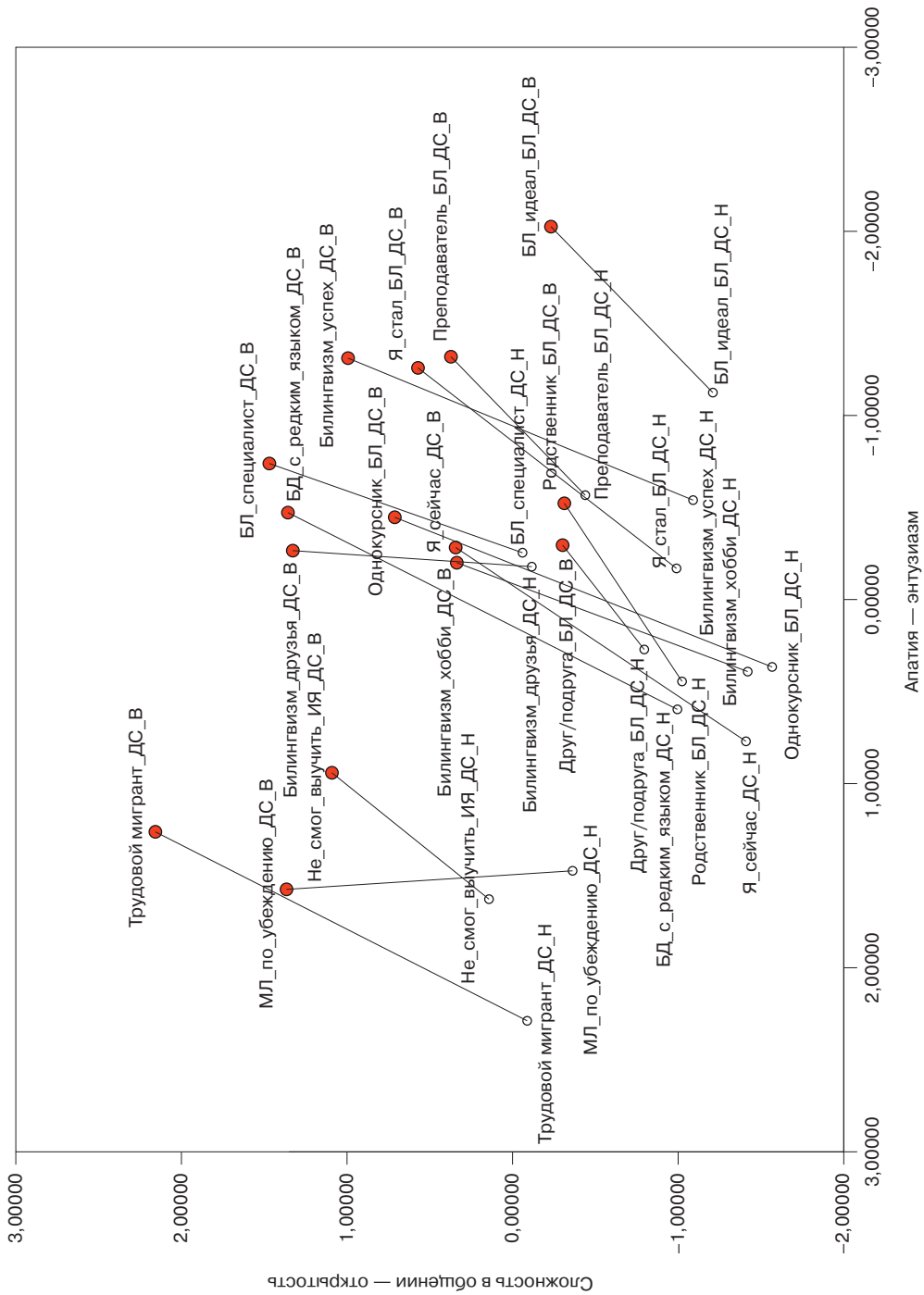

Рис. 7. Совместное расположение персонажей в пространстве значимых различий
[Figure 7. The joint arrangement of characters in the space of significant differences]

Люди с низким уровнем дискурсивных способностей воспринимают билингвов как людей более сложных, эгоистичных и необычных, закрытых для общения, при этом им кажется, что билингвы — люди скорее слабые, пассивные и безынициативные. Существует еще один аспект проблемы межличностного восприятия билингвов. В исследовании было три группы объектов (персонажей): 1) билингвы — знакомые люди, назначенные на роли «Родственник, владеющий иностранным языком», «Друг/подруга, владеющий иностранным языком», «Преподаватель иностранного языка» и т.п.; 2) монолингвы — «Человек, который считает, что для нормальной жизни достаточно одного языка», «Человек, который хотел выучить иностранный язык, но не смог»; 3) сам обследуемый в ролях «Я сейчас» и «Я, если бы владел иностранным языком как носитель языка». Показательно, что существенных различий в восприятии этих трех типов персонажей между выборками с разным уровнем дискурсивных не обнаружено. Наблюдается систематический сдвиг в межличностном восприятии людей, связанных с изучением иностранного языка, в сторону увеличения по 1 и 4 факторам для испытуемых с высоким уровнем дискурсивных способностей по сравнению с выборкой с низким уровнем дискурсивных способностей. Исключение составляет межличностное восприятие людей, назначенных на роль «Человека, который считает, что для нормальной жизни достаточно одного языка». Оценка таких людей по шкале «апатия — энтузиазм» остается неизменной.

Полученные результаты подтверждают наше предположение о том, что у людей с высоким уровнем дискурсивных способностей размерность семантического пространства выше в ситуациях межличностного восприятия и вербального взаимодействия, характерных для изучения иностранного языка. Интерпретации первых двух осей семантических пространств у лиц с высоким и низким уровнями дискурсивных способностей практически совпадают, но последующие оси семантических пространств различаются, и именно они определяют различия в субъективном восприятии как ситуации взаимодействия, так и особенностей межличностного восприятия. Субъективное восприятие у людей с высоким уровнем дискурсивных способностей связано с особенностями межличностного взаимодействия: третий фактор определяет «дружелюбие» против «закрытости» в общении, четвертый фактор — «независимость и доминирование в общении» против «скромности и осторожности». У людей с низким уровнем дискурсивных способностей специфичность межличностного восприятия определяет один фактор — «ограниченность — открытость новому опыту».

Существенные различия в межличностном восприятии у людей с низким и высоким уровнями дискурсивных способностей определяются двумя факторами: «энтузиазм — апатия» и «сложность в общении — открытость». Это согласуется с феноменологией дискурсивных способностей, которые непосредственно связаны с мотивацией аффилиации. У людей с низким уровнем дискурсивных способностей она снижена, вследствие чего стремление к контактам минимально, что на субъективном уровне, вероятно, проявляется в проекции собственной «пассивности» в установлении контактов на окружающих. Снижение размерности семантического пространства у людей с низким уровнем дискурсивных спо-

собностей приводит к снижению понимания происходящего, худшему пониманию намерений и мотивов других людей, что и позволяет им определять других как более «сложных в общении».

Заключение

Повышение уровня дискурсивных способностей увеличивает размерность семантического пространства межличностного восприятия билингвов: для выборки людей с высоким уровнем дискурсивных способностей выявлено 4 значимых фактора дифференциации персонажей, связанных с проблемами искусственного билингвизма, для выборки с низким уровнем дискурсивных способностей — 3.

Первые два фактора семантического пространства межличностного восприятия билингвов для выборок с высоким и низким уровнями дискурсивных способностей являются мало различимыми: первый фактор — «энтузиазм — апатия», второй — «неприятные и ограниченные — вызывающие симпатию». Специфика межличностного восприятия определяется менее значимыми факторами. При высоком уровне дискурсивных способностей ее определяют два фактора: «дружелюбие — закрытость» и «доминирование — осторожность» в общении. При низком уровне дискурсивных способностей специфичность межличностного восприятия определяется «ограниченностью — открытостью новому опыту».

Значимые сдвиги в восприятии билингвов между двумя контрастными выборками проходят по факторам «энтузиазм — апатия» и «сложность в общении — открытость», при этом различия по последнему фактору более весомы. Люди с высоким уровнем дискурсивных способностей воспринимают билингвов как людей более отзывчивых, простых, обычных, дружелюбных, активных и деятельных. Люди с низким уровнем дискурсивных способностей воспринимают билингвов как людей более сложных, эгоистичных и необычных, закрытых для общения, для них билингвы — люди скорее слабые, пассивные и безынициативные.

Список литературы

- Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб.: Большая рос. энцикл.; Норинт, 2000. 1434 с.
- Воронин А.Н.* Методика диагностики дискурсивных способностей на материале повседневной лексики // *Экспериментальная психология*. 2014. Т. 7. № 2. С. 94—112.
- Воронин А.Н.* Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 176 с.
- Воронин А.Н.* Дискурсивные способности и когнитивный ресурс как факторы разнообразия межличностного общения // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1298—1305.
- Воронин А.Н., Рафикова А.С.* Проблема номинации шкал частного семантического дифференциала // *Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 131—138.
- Воронин А.Н., Рафикова А.С.* Феноменология искусственного билингвизма: эмпирическое исследование психологических аспектов проблемы // *Психология и психотехника*. 2017. № 2. С. 20—32.

- Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60—72.
- Журавлев А.Л., Павлова Н.Д. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6—11.
- Кочкина О.М. Структура и динамика языковых способностей в дискурсивной практике: дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Кочкина О.М. Изменение структуры способностей при интенсивном обучении иностранным языкам // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 2. С. 284—287.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КомКнига, 2005. 230 с.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 445 с.
- Павлова Н.Д. Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса. М.: Пер Сэ, 2002. С. 8—43.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Книга по Требованию, 2012. 208 с.
- Собчик Л.Н. Диагностика межличностных отношений: модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири: методическое руководство. М.: МКЦ ГУ по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома, 1990. 48 с.
- Шмелев А.Г. Концепция систем значений в экспериментальной психосемантике // Вопросы психологии. 1983. № 4. С. 17—27.
- Baetens-Beardsmore H. Bilingualism: Basic Principles. Clevedon: Tieto LTD, 1982. 170 p.
- Titone R. On the Psychological Meaning of Bilinguality: Psychological Mechanisms of the Bilingual Person // Actas do 5 Congresso Internacional da Sociedade Internacional de Psicolinguística Aplicada. Porto: Faculdade de Letras de Universidade do Porto, 2000. Pp. 17—34.

© Воронин А.Н., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 22 августа 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Воронин А.Н. Модификации семантического пространства межличностного восприятия билингвизма при разном уровне дискурсивных способностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 410—430. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-410-430

Сведения об авторе:

Воронин Анатолий Николаевич — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: voroninan@bk.ru

Modifications of Semantic Space of Interpersonal Perception of Bilingualism at Different Levels of Discursive Abilities

Anatoly N. Voronin

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
13 Yaroslavskaya St., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to psychosemantic research of interpersonal perception of bilinguals by people with different level of discursive abilities. The construct “discursive abilities” was introduced in the study of the formation of artificial bilingualism. Discursive abilities allow a person to effectively initiate, support, deploy and complete the communication process. The influence of discursive abilities on the structure of the semantic space has not previously been explored. The purpose of this study was to elucidate the modification of the semantic space of interpersonal perception of bilinguals and its dependence on the level of development of discursive abilities. The reconstruction of the semantic space of interpersonal perception of bilinguals on the two contrasting samples showed that the dimension and content of the semantic spaces of people with high and low level of discursive abilities are significantly different. For the sample with a high level of discursive abilities, four significant factors of semantic space were identified: enthusiasm, sympathy, friendliness, caution. The semantic sample space with a low level of discursive abilities turned out to be three-dimensional: enthusiasm, sympathy, openness to experience. To compare both spaces, the “pooled data method” was used. This allowed us to identify two areas of significant differences in the interpersonal perception of bilinguals in people with a low and high level of discursive abilities: the higher the level of discursive abilities, the more people tend to perceive bilinguals as more active and open in communication.

Key words: psychosemantics, artificial bilingualism, discursive abilities, interpersonal perception

References

- Baetens-Beardsmore, H. (1982). *Bilingualism: Basic Principles*. Clevedon: Tieto LTD. 170 p.
- Deik van, T. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ. 308 p. (In Russ.)
- Enikolopov, S.N. (2001). Ponyatie agressii v sovremennoi psikhologii. *Prikladnaya psikhologiya*, (1), 60—72. (In Russ.)
- Kochkina, O.M. (2009). *Struktura i dinamika yazykovykh sposobnostei v diskursivnoi praktike*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Kochkina, O.M. (2009). Izmenenie struktury sposobnostei pri intensivnom obuchenii inostrannym yazykam. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 15(2), 284—287. (In Russ.)
- Leontev, A.A. (2005). *Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya*. Moscow: KomKniga Publ. 230 p. (In Russ.)
- Lomov, B.F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii*. Moscow: Nauka Publ. 445 p. (In Russ.)
- Pavlova, N.D. (2002). Kommunikativnaya paradigma v psikhologii rechi i psikholingvistike. *Psikhologicheskie issledovaniya diskursa* (pp. 8—43). Moscow: Per Se Publ. (In Russ.)
- Petrenko, V.F. (2012). *Psikhosemantika soznaniya*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ. 208 p. (In Russ.)
- Prokhorov, A.M. (Ed.) (2000). *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow; Saint Petersburg: Bol'shaya ros. entsikl. Publ.; Norint Publ. 1434 p. (In Russ.)

- Shmelev, A.G. (1983). Kontsepsiya sistem znachenii v eksperimental'noi psikhosemantike. *Voprosy psikhologii*, (4), 17—27. (In Russ.)
- Sobchik, L.N. (1990). *Diagnostika mezhlchnostnykh otnoshenii: modifitsirovannyi variant interpersonal'noi diagnostiki T. Liri: metodicheskoe rukovodstvo*. Moscow: MKTs GU po trudu i sotsial'nym voprosam Mosgorispolkoma Publ. 48 p. (In Russ.)
- Titone, R. (2000). On the Psychological Meaning of Bilinguality: Psychological Mechanisms of the Bilingual Person. In *Actas do 5 Congresso Internacional da Sociedade Internacional de Psicolinguística Aplicada* (pp. 17—34). Porto: Faculdade de Letras de Universidade do Porto.
- Voronin, A.N. (2014). Method for diagnostics of discursive abilities on the material of everyday vocabulary. *Experimental Psychology (Russia)*, 7(2), 94—112. (In Russ.)
- Voronin, A.N. (2015). *Diskursivnye sposobnosti: teoriya, metody izucheniya, psikhodiagnostika*. Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ. 176 p. (In Russ.)
- Voronin, A.N. (2017). Diskursivnye sposobnosti i kognitivnyi resurs kak faktory raznoobraziya mezhlchnostnogo obshcheniya. In Zhuravlev, A.L., Kol'tsova, V.A. (Eds.). *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* (pp. 1298—1305). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Voronin, A.N., Rafikova, A.S. (2016). Problema nominatsii shkal chastnogo semanticheskogo differentsiala. *Protsedury i metody eksperimental'no-psikhologicheskikh issledovaniy* (pp. 131—138). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Voronin, A.N., Rafikova, A.S. (2017). Fenomenologiya iskusstvennogo bilingvizma: empiricheskoe issledovanie psikhologicheskikh aspektov problem. *Psikhologiya i psikhotehnika*, (2), 20—32. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L., Pavlova, N.D. (2007). K mezhdistsiplinarnoi problematike diskursa. In Pavlova, N.D., Zachesova, I.A. (Eds.). *Situatsionnaya i lichnostnaya determinatsiya diskursa* (pp. 6—11). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 22 August 2018

Revised: 12 October 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Voronin, A.N. (2018). Modifications of Semantic Space of Interpersonal Perception of Bilingualism at Different Levels of Discursive Abilities. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 410—430. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-410-430

Bio Note:

Anatoly N. Voronin — Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: voroninan@bk.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-431-445

УДК 159.9.072

Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте

В.П. Шейнов

Республиканский институт высшей школы (РИВШ)

Беларусь, 220001, Минск, Московская ул., 15

В статье установлены взаимные связи между виктимизацией, макиавеллизмом личности и стратегиями поведения в конфликте. Многие из этих связей зависят от пола и возраста. Виктимизация испытуемых оценивалась с помощью авторского теста виктимизации для взрослых, макиавеллизм — с помощью теста Мак-IV, типы поведения в конфликте — тестом К. Томаса — Р. Килманна. Всего в исследовании приняли участие 732 испытуемых: 285 женщин, 110 мужчин, 180 девушек и 157 юношей.

Виктимизация связана с макиавеллизмом, который у мужчин, женщин, юношей и девушек положительно коррелирует с общей виктимизацией, агрессивным и некритичным поведением. Кроме того, макиавеллизм мужчин, женщин и юношей положительно связан с зависимым поведением и реализованной виктимизацией, макиавеллизм юношей и девушек — с саморазрушающим и некритичным поведением, юношей — с зависимым поведением и реализованной виктимизацией.

Установлено, что *соперничество* в конфликте у мужчин и женщин, юношей и девушек положительно связано с общей виктимизацией и агрессивным поведением. *Приспособление* в конфликте у женщин и мужчин отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением, у женщин — еще и с саморазрушающим и некритичным поведением. *Избегание* конфликта у женщин отрицательно коррелирует с саморазрушающим и некритичным поведением и реализованной виктимностью, у мужчин — положительно связано с зависимым поведением, а у юношей — с саморазрушающим поведением. *Компромисс* у мужчин, женщин, юношей и девушек отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением. *Сотрудничество* в конфликте отрицательно связано с общей виктимностью и агрессивным поведением у юношей и женщин, а у юношей — еще и с некритичным поведением.

Макиавеллизм мужчин, женщин и юношей положительно связан с *соперничеством* в конфликте и отрицательно — с *приспособлением*.

Ключевые слова: виктимизация, виктимность, макиавеллизм, типы поведения в конфликте

Введение

Виктимность (от лат. *victima* — жертва) — склонность стать жертвой преступления. Виктимизация — событие насилия или опыт переживания насилия, процесс превращения лица в жертву преступного посягательства, а также результат этого процесса. «Виктимизация — это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее — в жертву потенциальную, это процесс повышения степени виктимности» (Вишневецкий, 2014, с. 226).

Необходимость изучения виктимизации объясняется ее широким распространением в обществе (Menrath et al., 2015; Lanctôt, Guay, 2014 и др.) и многочисленными отрицательными последствиями для ее жертв — такими, в частности, как *вред для здоровья* (Menrath et al., 2015 и др.), *депрессия* (Loerbroks et al., 2015; Schacter, Juvonen, 2017 и др.), *тревожность* и *низкая самооценка* (Андронникова, 2004 и др.), *дистресс и низкая самооценка* (Turner et al., 2015 и др.), *отрицательные психические состояния, гнев, грусть* (Lanctôt, Guay, 2014 и др.), *отрицательная аффективность* (Kodellas, Fisher, Wilcox, 2015 и др.), *самообвинение* (Schacter, Juvonen, 2017 и др.).

Возникновение виктимизации предопределяется не только ситуационными характеристиками, но и характеристиками диспозиции человека в той или иной роли (Kodellas, Fisher, Wilcox, 2015). Процессу виктимизации способствуют многие факторы, и в их числе — личностные особенности потенциальной жертвы: «индивидуальные характеристики являются лучшими предикторами как возникновения, так и интенсивности личностной виктимизации» (Uludag et al., 2009, с. 265).

Одной из важных индивидуальных характеристик человека является степень макиавеллизма его личности — склонности манипулировать людьми. Макиавеллизм личности тесно связан с доминантностью (Катунин, 2006), авторитарностью личности, ее стремлением к конкуренции и контролю над происходящим (McIlwain, 2003 и др.). Ценности макиавеллистов сконцентрированы на власти и выгоде (Ojha, 2007). В силу сказанного макиавелист настроен на виктимизацию других, при этом он может стать жертвой их ответных действий.

Возникает вопрос, насколько подвержен виктимизации сам макиавелист? Например, незащищенность индивида от манипуляций (это одно из проявлений виктимизации) не зависит от степени выраженности у него макиавеллизма (Шейнов, 2012), то есть макиавелист в целом не больше защищен от манипуляций, чем не-макиавелист, имеется положительная связь виктимизации (в этом частном ее случае) с макиавеллизмом. Поэтому возникает более общий вопрос — о возможной связи общей виктимизации и макиавеллизма.

К виктимизации нередко приводят конфликты интересов, межличностные конфликты (Balducci, Cecchin, Fraccaroli, 2012 и др.). С другой стороны, и манипуляции часто приводят к конфликтам. Поэтому представляется естественным изучение вопросов о том, каковы стратегии поведения в конфликте при виктимизации и как они связаны с макиавеллизмом.

Ранее установлено, что показатели макиавеллизма зависят от пола индивидов (Знаков, 2000; McIlwain, 2003; Шейнов, 2012) и их возраста (Знаков, 2000; Бендас, 2005; Рюмшина, 2003; Катунин, 2006; Шейнов, 2012). Следовательно, и их связи с другими свойствами личности могут различаться. Поэтому изучение этих связей должно производиться отдельно для мужчин, женщин, юношей и девушек. В результате появится возможность установить, связаны ли пол и возраст с наличием, направленностью и значимостью предполагаемых связей. Игнорирование этого обстоятельства может привести к неправомерному обобщению установленных фактов.

Перечисленные выше актуальные для изучения вопросы о возможных связях виктимизации, макиавеллизма и стратегий поведения в конфликте практически не представлены в опубликованных исследованиях. Имеющиеся отечественные эмпирические исследования виктимизации сосредоточены на виктимном поведении подростков. Это объясняется наличием разработанного для подростков теста «Методика исследования склонности к виктимному поведению (МСВП)» (Андронникова, 2004). Отсутствие теста для взрослых сдерживало исследования виктимизации этой категории лиц. Появление такого теста (о нем — в разделе «Методики исследования») позволяет приступить к эмпирическим исследованиям виктимизации взрослых.

Цель данного исследования — выявить возможные связи между виктимизацией, макиавеллизмом личности и стратегиями поведения в конфликте для мужчин, женщин, юношей и девушек.

Методы

Участники исследования. Всего в исследовании приняли участие 732 испытуемых: 285 женщин (22—76 лет, $M = 49,3$), 110 мужчин (23—79 лет, $M = 51,6$), 180 девушек (17—20 лет, $M = 18,9$) и 157 юношей (17—21 лет, $M = 19,4$). В их число вошли: слушатели курсов повышения квалификации в Республиканском институте высшей школы (г. Минск) — преподаватели высших и средних специальных учебных заведений Беларуси; слушатели Академии последиplomного образования (г. Минск) — директора и заместители директоров средних школ и учебно-педагогических комплексов (детсад + школа), руководители и специалисты органов управления образованием, психологи, педагоги-воспитатели и социальные педагоги учебных заведений; преподаватели и студенты 1—4 курсов Белорусской государственной академии авиации; студенты 1—6 курсов и интерны военно-медицинского факультета Белорусского государственного медицинского университета.

В основу выделения двух возрастных групп внутри каждого пола положена известная классификация жизненных периодов — Классификация АПН СССР (1965). В частности, юношеский возраст определяется в следующем диапазоне: юноши — 17—21 год, девушки — 16—20 лет. Все, кто старше, относятся к зрелому возрасту и пожилым людям.

Объединение всех взрослых в одну выборку позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии той или иной обнаруженной связи у мужчин и женщин вне зависимости от возраста взрослого человека. При этом возросший объем выборки способствует большей достоверности полученных результатов для мужчин и женщин.

Методики исследования. Риск *виктимизации* испытуемых (понимаемой в соответствии с определением виктимизации, приведенным во введении) оценивался с помощью авторского теста виктимизации для взрослых. Его надежность и валидность доказана в статье автора «Разработка теста “Психологические факторы риска виктимизации взрослого индивида”» (находится в печати).

В данной статье показано, что разработанный тест виктимизации для взрослых удовлетворяет стандартным критериям надежности: внутренняя согласованность,

надежность частей теста, ретестовая надежность. Приведем соответствующую статистику. Внутренняя согласованность, оцениваемая стандартизованной α Кронбаха, на мужских и женских выборках ($N = 789$) для всех семи шкал теста находится в пределах от 0,613 до 0,789. Степень надежности эквивалентных половин шкал (четные и нечетные номера заданий), характеризуемая коэффициентами половинного расщепления Спирмена — Брауна и Гуттмана, для мужской и женской выборок характеризуется их показателями в пределах 0,639—0,829. Проверка надежности теста повторным тестированием, проведенная в двух контрастных группах испытуемых — невиктимных ($N = 396$) и виктимных ($N = 400$), показала корреляции результатов тестирования для всех шкал у мужчин и женщин в пределах 0,852—0,922 и 0,701—0,949 соответственно.

Семь шкал (субтестов) теста виктимизации (их названия соответствуют предназначению каждой) диагностируют семь типов виктимизации: общую и реализованную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типам виктимизации и незащищенность от манипуляций.

Общее количество вопросов — 60, в субтесте незащищенности от манипуляций испытуемому предлагается выбрать один вариант из трех, в остальных — один из двух.

Приведем несколько заданий из теста виктимизации для взрослых:

1. *Я считаю, что в моей жизни неприятных событий происходит больше, чем у других.*

2. *Если я попадаю в неприятное положение, то мне лучше всего не сопротивляться и держать язык за зубами.*

3. *Я охотно записался бы добровольцем для участия в каких-либо боевых действиях.*

Тест стандартизован: приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения. Они позволяют выразить отличие индивидуального результата конкретного испытуемого от среднего значения в единицах стандартного отклонения.

Виктимизация *взрослых*, диагностированная данным тестом, положительно связана со склонностью к рисковому поведению, тревожностью, депрессией и низким самоуважением и отрицательно — с асертивностью. Аналогичные результаты получены относительно связей виктимизации *подростков, юношей и девушек* при их диагностировании данным тестом. Эти результаты совпадают с данными предыдущих исследователей (Андронникова, 2004 и др.). Поэтому тест можно использовать как для взрослых, так и для подростков, юношей и девушек, что и сделано в данном исследовании.

Связи одного из семи субтестов теста виктимизации — незащищенности от манипуляций — ранее изучались автором (Шейнов, 2012, 2015, 2016, 2017а, 2017б), поэтому в данной работе они не затрагивались, а рассматривались шесть остальных субтестов теста виктимизации.

Макиавеллизм как качество личности испытуемых оценивался с помощью теста Мак-IV, разработанного Р. Кристи и адаптированного В.В. Знаковым (Знаков, 2000). «Мак-опросник предоставляет психологам возможность выявлять те же качества личности, что и Мак-шкала, т.е. макиавеллизм» (Знаков, 2000, с. 21).

Количество баллов, набранных респондентом по Мак-шкале, показывает степень, до которой тот полагает, что люди в основном являются «манипулируемыми», а межличностная манипуляция возможна и оправдана. Все утверждения в шкале выражены безличностным образом, испытуемый не заявляет, что он бы осуществил или осуществляет данный тип поведения. Выявляет респондент только свое согласие или несогласие с определенными характеристиками человеческой природы или человеческих отношений. Мак-шкала носит отвлеченный, не персонифицированный характер, поэтому, как правило, воспринимается без напряженности, и респонденты отвечают сообразно своим взглядам.

Количество вопросов в шкале — 20, испытуемому предлагается выбрать один вариант из семи: от «совершенно не согласен» до «полностью согласен» (шкала Ликерта). Доказательства валидности и надежности приведены в статье В.В. Знакова (Знаков, 2000, с. 20). Автор пишет: «надежность-устойчивость методики достаточно высока: $r = 0,748$. <...> Для всей выборки испытуемых коэффициент α Кронбаха оказался равен 0,683».

Для выявления типов *поведения в конфликтах* и их количественной оценки испытуемым был предложен тест К. Томаса — Р. Килманна (Thomas, Kilmann, 1974, 2007), адаптированный Н.В. Гришиной (Гребень, 2007, с. 381—388). Тест реализует двумерную модель урегулирования конфликтов К. Томаса, показывающую соотношение учета человеком интересов других людей, вовлеченных в ситуацию, и акцента на собственных интересах. В зависимости от предпочтений той или иной тенденции в модели выделяются пять типов поведения человека в конфликте: 1) *соперничество* (конкуренция) — стремление добиться своих интересов в ущерб другому; 2) *приспособление* — принесение в жертву собственных интересов ради другого; 3) *компромисс* — соглашение на основе взаимных уступок, предложение варианта, снимающего возникшее противоречие; 4) *избегание* — отсутствие стремлений и к учету человеком интересов других участников конфликта, и к достижению собственных целей; 5) *сотрудничество* — участник ситуации стремится полностью удовлетворить интересы обеих сторон.

Общее количество пар утверждений в тесте — 30, испытуемому предлагается выбрать один вариант из двух.

Процедура исследования. Общение с испытуемыми и их коллективное тестирование происходило либо в процессе проведения занятий по повышению квалификации (психодиагностика включена в программу занятий слушателей), либо на занятиях в студенческих группах. Всем испытуемым вручался комплект из трех вышеназванных тестов и бланк для ответов с записанным на нем персональным шифром испытуемого, по которому тот и узнавал свой личный результат.

Перед началом тестирования испытуемым зачитывалась инструкция, мотивирующая участников на серьезное отношение к обследованию. Предлагалось *анонимно* ответить на вопросы тестов с целью «узнать о некоторых своих качествах, которые крайне важны для достижения успеха и в отношениях с окружающими». О диагностируемых у них качествах испытуемые узнавали только в момент сообщения каждому его результатов.

Для отбраковки некачественных ответов в каждом комплекте тестов присутствовала «шкала лжи». При сомнении в достоверности ответов они удалялись, а

испытуемого просили повторно пройти тестирование. Но таких случаев было немного, испытуемые проявили интерес к тестированию.

Статистическая обработка результатов тестирования осуществлялась с помощью пакета SPSS, версия 20.00 (использовались описательная статистика и корреляционный анализ Пирсона).

Результаты и их обсуждение

Проведенный корреляционный анализ дал результаты, представленные ниже, по определенным направлениям исследования.

Результаты, свидетельствующие о *связи макиавеллизма с виктимизацией*, сведены в табл. 1.

Таблица 1

Корреляции макиавеллизма с компонентами виктимизации
[Table 1. Correlations of Machiavellianism with components of victimization]

Группы	Шкалы теста виктимизации					
	Агрессивное поведение	Саморазрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Женщины	0,439**	0,106	0,134*	0,226**	0,185*	0,360**
Мужчины	0,383**	0,174	0,300**	0,385**	0,334**	0,482**
Девушки	0,406**	0,296*	0,031	0,382**	0,095	0,369**
Юноши	0,488**	0,171*	0,264**	0,295**	0,265**	0,505**

Примечание. * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Обращает на себя внимание тот факт, что все корреляции, представленные в табл. 1, включая и статистически незначимые, имеют положительный знак. В целом, данные табл. 1 позволяют сделать следующие выводы:

— макиавеллизм у всех рассмотренных категорий испытуемых положительно коррелирует с общей виктимизацией, агрессивным и некритичным поведением;

— макиавеллизм *мужчин, женщин и юношей* также положительно связан с зависимым поведением и реализованной виктимизацией. В частности, не наблюдается различий между мужчинами и женщинами;

— макиавеллизм *юношей и девушек* положительно коррелирует с агрессивным, саморазрушающим и некритичным поведением и общей виктимизацией. У юношей также есть положительная связь с зависимым поведением и реализованной виктимизацией, а у девушек аналогичная связь статистически незначима, хотя и есть некоторая тенденция той же направленности.

Как видим, связи, установленные для мужчин, имеют место и у юношей, но у девушек отличаются от показателей для женщин. Возможно, это объясняется тем, что макиавеллизм в целом с возрастом убывает (Знаков, 2000; Рюмина, 2003; Бендас, 2005; Катунин, 2006; Шейнов, 2012), поэтому и связи с другими качествами личности могут иметь иной характер. Например, в нашей выборке у женщин имеет место высокосignificant отрицательная корреляция между макиавеллизмом и возрастом: $r = -0,216, p < 0,001 (N = 285)$.

Полученные результаты о положительной связи макиавеллизма с виктимизацией хорошо согласуются с уже упоминавшимися ранее установленными свойствами макиавеллизма: доминантностью, авторитарностью личности, стремлением к конкуренции и контролю над происходящим, концентрации на власти и выгоде. В силу этих качеств макиавеллист стремится сделать окружающих жертвами своих действий, что вызывает ответные действия в его адрес, способные виктимизировать его самого.

Результаты корреляционного анализа типов *поведения в конфликте с виктимизацией* представлены в табл. 2–6.

Таблица 2

Корреляции соперничества в конфликте с компонентами виктимизации
[Table 2. Correlations between *competing* and components of victimization]

Группы	Шкалы теста виктимизации					
	Агрессивное поведение	Саморазрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Женщины	0,355**	0,342**	0,021	0,283**	0,045	0,319**
Девушки	0,351**	0,131	0,006	0,036	0,175	0,244*
Юноши	0,362**	0,090	-0,040	0,179*	0,085	0,251**
Мужчины	0,463**	0,206*	0,041	0,235*	0,177	0,369**

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Таблица 3

Корреляции приспособления в конфликте с компонентами виктимизации
[Table 3. Correlations between *accommodating* and components of victimization]

Группы	Шкалы теста виктимизации					
	Агрессивное поведение	Саморазрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Женщины	-0,264**	-0,189**	-0,015	-0,233**	0,006	-0,215**
Девушки	-0,169	-0,114	0,054	0,027	-0,067	-0,101
Юноши	-0,189*	0,137	0,063	-0,030	0,101	-0,019
Мужчины	-0,361**	-0,117	-0,159	-0,017	-0,097	-0,270**

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Таблица 4

Корреляции избегания конфликта с компонентами виктимизации
[Table 4. Correlations between *avoiding* and components of victimization]

Группы	Шкалы теста виктимизации					
	Агрессивное поведение	Саморазрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Женщины	0,015	-0,132*	0,088	-0,158**	-0,184**	-0,088
Девушки	-0,128	-0,198	0,052	0,072	0,030	-0,069
Юноши	0,049	-0,217**	0,145	0,055	-0,055	0,016
Мужчины	-0,020	-0,112	0,220*	-0,123	0,031	0,017

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Таблица 5

Корреляции компромисса в конфликте с компонентами виктимизации
[Table 5. Correlation between *compromising* and components of victimization]

Группы	Шкалы теста виктимизации					
	Агрессивное поведение	Саморазрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Женщины	-0,125*	-0,051	-0,102	-0,013	-0,095	-0,126*
Девушки	-0,252*	-0,152	-0,089	-0,282*	-0,069	-0,253*
Юноши	-0,186*	0,052	-0,097	-0,072	-0,068	-0,145*
Мужчины	-0,293**	-0,055	-0,057	-0,307**	-0,179	-0,279**

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Таблица 6

Корреляции сотрудничества в конфликте с компонентами виктимизации
[Table 6. Correlations between *collaborating* and components of victimization]

Группы	Шкалы теста виктимизации					
	Агрессивное поведение	Саморазрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Женщины	-0,125*	-0,051	-0,102	-0,013	-0,095	-0,126*
Девушки	-0,026	0,125	-0,022	0,060	-0,231	-0,032
Юноши	-0,205**	-0,118	-0,043	-0,242**	-0,064	-0,215**
Мужчины	0,024	0,001	-0,089	0,015	-0,008	-0,016

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Из табл. 2 следует, что *соперничество* в конфликте у всех категорий респондентов положительно связано с общей виктимизацией и агрессивным поведением. Кроме того, у женщин и мужчин соперничество положительно коррелирует с саморазрушающим и некритичным поведением, а у юношей — с некритичным поведением.

Установленные здесь положительные связи соперничества в конфликте с общей виктимизацией и агрессивным, саморазрушающим, некритичным поведением логически вполне объяснимы, поскольку отвечают смыслу рассматриваемых конструктов. Действительно, человек, не обладающий определенной мерой агрессии, будет скорее избегать соперничества (которое часто приводит к эскалации конфликта), выбирая более безопасные стратегии избегания конфликта или приспособления; кроме того, соперничество требует энергии, которую и дает агрессивность. Возможная эскалация конфликта при стремлении к соперничеству не остановит индивидов с саморазрушающим и некритичным поведением, которые в силу указанных особенностей не способны оценить последствия соперничающего стиля. То есть положительная связь стратегии соперничества с саморазрушающим и некритичным поведением вполне естественна.

Табл. 3 показывает, что *приспособление* в конфликте у женщин и мужчин отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением, у женщин — еще и с саморазрушающим и некритичным поведением. У юношей стратегия приспособления в конфликте связана, причем также отрицательно,

только с агрессивным поведением, а у девушек отсутствуют связи со всеми компонентами виктимизации. Показываемые в табл. 3 отрицательные связи стратегии приспособления в конфликте с общей виктимностью и агрессивным, саморазрушающим, некритичным поведением также объяснимы, поскольку отвечают смыслу рассматриваемых конструкторов: приспособление как раз и направлено на урегулирование конфликта мирным путем, поэтому, на наш взгляд, в данном случае риск виктимизации минимален.

Из табл. 4 следует, что *избегание* конфликта никак не связано с общей виктимизацией и агрессивным поведением. Но некоторые компоненты виктимизации разнонаправленно связаны с ней: у женщин избегание отрицательно коррелирует с саморазрушающим и некритичным поведением и реализованной виктимизацией. У мужчин — положительно коррелирует с зависимым поведением, а у юношей — с саморазрушающим поведением. Избегание конфликта — самая «мирная» стратегия, поэтому риск виктимизации практически отсутствует, что и проявляется в отрицательной корреляции с компонентами виктимизации. То, что эти связи оказались статистически значимыми для разных компонентов виктимизации и зависят от пола и возраста, подтверждает высказанное нами предположение о существовании таких зависимостей.

Табл. 5 показывает, что *компромисс* в конфликте у всех категорий респондентов отрицательно связан с агрессивным поведением (что вполне объяснимо) и общей виктимизацией. А у мужчин и девушек — еще и с некритичным поведением. Компромисс основан на учете интересов противостоящей стороны и уважительном отношении к ней, поэтому, как правило, исключает агрессию и виктимизацию в целом.

Из табл. 6 следуют вполне объяснимые факты, что сотрудничество в условиях конфликта отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением у женщин и юношей, а у последних — еще и с некритичным поведением. Для объяснения этих фактов заметим, что при реализации сотрудничества участник конфликта учитывает не только свои интересы, но и интересы другой стороны. Это создает наилучшие возможности для мирного разрешения противоречий, при которых отсутствуют виктимизирующие факторы. В то же время сотрудничество предполагает критичное восприятие реалий конфликтного противостояния, потому оно отрицательно связано с некритичным поведением.

Корреляции *макиавеллизма с типами поведения в конфликте* представлены в табл. 7.

Таблица 7

Корреляции макиавеллизма с типами поведения в конфликте
[Table 7. Correlations between Machiavellianism and conflict-handling modes]

Группы	Типы поведения в конфликте				
	Соперничество	Приспособление	Избегание	Компромисс	Сотрудничество
Женщины	0,370**	-0,234**	-0,306**	0,066	-0,110
Мужчины	0,345**	-0,390**	0,164	-0,122	-0,153
Юноши	0,283**	-0,223**	0,136	-0,197*	-0,139
Девушки	0,199	-0,159	0,186	-0,387**	-0,012

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Макиавеллизм мужчин, женщин и юношей положительно коррелирует с соперничеством в конфликте и отрицательно — с приспособлением, у женщин еще и отрицательно — с избеганием, у юношей отрицательно — с компромиссом. У девушек, в отличие от женщин и мужчин, имеется только отрицательная связь макиавеллизма с компромиссом.

Направленность установленных связей вполне объяснима. Положительная корреляция макиавеллизма с соперничеством в конфликте и отрицательная — с избеганием и компромиссом хорошо согласуются с уже упоминавшимися ранее установленными свойствами макиавеллизма: доминантностью, авторитарностью личности, стремлением к конкуренции и контролю над происходящим, концентрации на власти и выгоде. Эти качества макиавеллиста наилучшим образом реализуются в условиях конкуренции, соперничества и наихудшим — в условиях избегания и компромисса.

Выводы

1. *Виктимизация и макиавеллизм* положительно связаны между собой. Макиавеллизм мужчин, женщин, юношей и девушек положительно коррелирует с общей виктимизацией, агрессивным и некритичным поведением. Макиавеллизм мужчин, женщин и юношей положительно связан с зависимым поведением и реализованной виктимизацией. Не наблюдается различий между мужчинами и женщинами. Макиавеллизм юношей и девушек положительно коррелирует с агрессивным, саморазрушающим и некритичным поведением и общей виктимизацией. У юношей также есть положительная связь с зависимым поведением и реализованной виктимизацией, а у девушек аналогичная связь статистически незначима, хотя и есть некоторая тенденция той же направленности. Связи, установленные для мужчин, имеют место и у юношей, но у девушек отличаются от показателей для женщин.

2. Характер связей между виктимизацией и типами поведения в конфликте различен для разных моделей поведения:

— *соперничество* в конфликте мужчин и женщин, юношей и девушек положительно связано с общей виктимизацией и агрессивным поведением. Кроме того, у женщин и мужчин соперничество положительно коррелирует с саморазрушающим и некритичным поведением, а у юношей — с некритичным поведением;

— *приспособление* в конфликте у женщин и мужчин отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением, у женщин — еще и с саморазрушающим и некритичным поведением;

— *избегание* конфликта у женщин отрицательно коррелирует с саморазрушающим и некритичным поведением и реализованной виктимизацией, у мужчин — положительно коррелирует с зависимым поведением, а у юношей — с саморазрушающим поведением;

— *компромисс* в конфликте у всех категорий респондентов отрицательно связан с агрессивным поведением и общей виктимизацией. А у мужчин и девушек — еще и с некритичным поведением;

— *сотрудничество* в конфликте отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением у женщин и юношей, а у юношей — еще и с некритичным поведением.

3. *Макиавеллизм* мужчин, женщин и юношей положительно коррелирует с *соперничеством* в конфликте и отрицательно — с *приспособлением*, у женщин еще и отрицательно — с *избеганием*; у юношей отрицательно еще и с *компромиссом*. У девушек в отличие от женщин и мужчин имеется только отрицательная связь макиавеллизма с *компромиссом*.

Таким образом, как и предполагалось, взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и типов поведения в конфликте существуют и зависят от пола и возраста респондентов.

Практическое использование полученных результатов. Согласно проведенному автором исследованию, 85—88 % респондентов желают научиться манипулировать, причем среди студентов этот показатель еще выше. Выявленные в данном исследовании положительные связи макиавеллизма с общей виктимизацией, агрессивным и некритичным поведением можно использовать в воспитательной работе со студентами, объясняя им пагубные последствия макиавеллизма и виктимизации.

Полученные результаты, по нашему мнению, помогут привлечь внимание исследователей к затронутой проблеме дезадаптивных аспектов негативных личностных характеристик и инициировать продолжение и углубление ее изучения.

Список литературы

- Андронникова О.О. Тест склонности к виктимному поведению // Развитие гуманитарного образования в Сибири. Вып. 9: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: НГПИ, 2004. С. 11—25.
- Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2005. 431 с.
- Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226—227.
- Гребень Н.Ф. Психологические тесты для профессионалов. Минск: Современная школа, 2007. 496 с.
- Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16—22.
- Катунин Д.Б. Половозрастные и гендерные особенности тенденции к манипулятивному поведению: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2006. 26 с.
- Рюмишина Л.И. Психология манипулирования людьми (ценностно-смысловой аспект). Ростов-на-Дону, 2003. 141 с.
- Шейнов В.П. Качества личности, способствующие ее защищенности от манипуляций // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 3. С. 20—27.
- Шейнов В.П. Незащищенность от манипуляций и ее связи с когнитивными и личностными характеристиками подростков // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2017а. Т. 14. № 2. С. 167—177. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-2-167-177
- Шейнов В.П. Незащищенность студентов от манипуляций и их психологический пол, локус контроля и уверенность в себе // Системная психология и социология. 2017б. № 1 (21). С. 35—46.

- Шейнов В.П.* Ассертивность, интернальность, аффилиация и незащищенность индивида от манипуляций: связи и свойства // Системная психология и социология. 2015. № 14. С. 107—113.
- Шейнов В.П.* Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 147—154.
- Balducci C., Cecchin M., Fraccaroli F.* The impact of role stressors on workplace bullying in both victims and perpetrators, controlling for personal vulnerability factors: A longitudinal analysis // An International Journal of Work, Health & Organisations. 2012. Vol. 26. No. 3. Pp. 195—212.
- Kodellas S., Fisher B.S., Wilcox P.* Situational and dispositional determinants of workplace victimization. The effects of routine activities, negative affectivity, and low self-control // International Review of Victimology. 2015. Vol. 21. No. 3. Pp. 321—342.
- Lañcôt N., Guay S.* The aftermath of workplace violence among healthcare workers: A systematic literature review of the consequences // Aggression and Violent Behavior. 2014. Vol. 19. No. 5. Pp. 492—501.
- Loerbroks A., Weigl M., Li J., Glaser J., Degen C., Angerer P.* Workplace bullying and depressive symptoms: A prospective study among junior physicians in Germany // Journal of Psychosomatic Research. 2015. Vol. 78. No. 2. Pp. 168—172.
- McIlwain D.* Bypassing empathy: A Machiavellian theory of mind and sneaky power // Individual differences in theory of mind: Implications for typical and atypical development / ed. by B. Repacholi and V. Slaughter. New York: Psychology Press, 2003. Pp. 39—66.
- Menrath I., Prüssmann M., Müller-Godeffroy E., Prüssmann C., Ravens-Sieberer U., Ottova-Jordan V., Thyen U.* Subjective Health, School Victimization, and Protective Factors in a High-Risk School Sample // Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics. 2015. Vol. 36. No. 5. Pp. 305—312. doi: 10.1097/DBP.000000000
- Ojha H.* Parent-Child Interaction and Machiavellian Orientation // Journal of the Indian Academy of Applied Psychology. 2007. Vol. 33. No. 2. Pp. 285—289.
- Schacter H.L., Juvonen J.* Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization // Journal of Applied Developmental Psychology. 2017. Vol. 51. Pp. 35—43.
- Thomas K.W., Kilmann R.H.* Thomas — Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA: Xicom, a subsidiary of CPP, Inc., 1974; 2007.
- Turner H.A., Shattuck A., Finkelhor D., Hamby S.* Effects of Poly-Victimization on Adolescent Social Support, Self-Concept, and Psychological Distress // Journal of Interpersonal Violence. 2015. Vol. 32. No. 5. Pp. 755—780.
- Uludag S., Colvin M., Hussey D., Eng A.L.* Democracy, Inequality, Modernization, Routine Activities, and International Variations in Personal Crime Victimization // International Criminal Justice Review. 2009. Vol. 19. No. 33. Pp. 265—286.

© Шейнов В.П., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 15 июня 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 431—445. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-431-445

Сведения об авторе:

Шейнов Виктор Павлович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь). E-mail: sheinov1@mail.ru

Relationships of Victimization, Machiavellianism and Conflict Behavior

Viktor P. Sheinov

National Institute for Higher Education (NIHE)
15 Moskovskaya St., Minsk, 220001, Belarus

Abstract. The article establishes the mutual links between the victimization, personal Machiavellianism and the conflict-handling modes. Many of these relationships depend on gender and age. A total of 732 subjects participated in the study: 285 women, 110 men, 180 girls and 157 boys. The victimization of subjects was evaluated using the author's test of victimization for adults, Machiavellianism was evaluated with the help of the Mac-IV test, conflict-handling modes was evaluated with the TKI test.

Victimization is associated with Machiavellianism, which correlates positively with general victimization, aggressive and uncritical behavior in men, women, boys and girls. In addition, the Machiavellianism in men, women and young men is positively associated with the addictive behavior and with realized victimization, the Machiavellianism of young men and women is associated with self-destructive and non-critical behavior, in young men it is associated with dependent behavior and with realized victimization.

The nature of the relationship between victimization and conflict-handling modes is different for the components of victimization and modes. The Competing in men and women, boys and girls is positively associated with general victimization and aggressive behavior. The Accommodating in women and men is negatively correlated with general victimization and aggressive behavior, and in women it is associated with self-destructive and non-critical behavior. The Avoiding in women is negatively correlated with self-destructive and non-critical behavior and with realized victimization, in men it is positively associated with dependent behavior, and in young men it is associated with self-destructive behavior. Compromising in men, women, boys and girls is negatively correlated with general victimization and aggressive behavior. The Collaborating is negatively associated with general victimization and with aggressive behavior in young men and women, and in young men it is also associated with uncritical behavior.

The Machiavellianism of men, women and young men is positively associated with Competing and it is negatively associated with Accommodating.

Key words: victimization, Machiavellianism, conflict-handling modes

References

Andronnikova, O.O. (2004). Test sklonnosti k viktimnomu povedeniyu. *Razvitiye gumanitarnogo obrazovaniya v Sibiri* (iss. 9, pp. 11—25). Novosibirsk: NGPI Publ. (In Russ.)

- Balducci, C., Cecchin, M., Fraccaroli, F. (2012). The impact of role stressors on workplace bullying in both victims and perpetrators, controlling for personal vulnerability factors: A longitudinal analysis. *An International Journal of Work, Health & Organisations*, 26(3), 195—212.
- Bendas, T.V. (2005). *Gender psychology*. Saint Petersburg: Piter Publ. 431 p. (In Russ.)
- Greben, N.F. (2007). *Psikhologicheskie testy dlya professionalov*. Minsk: Sovremennaya shkola. 496 p. (In Russ.)
- Katunin, D.B. (2006). *Polovozrastnye i gendernye osobennosti tendencii k manipulyativnomu povedeniyu*. Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Saint Petersburg. 26 p. (In Russ.)
- Kodellas, S., Fisher, B. S., & Wilcox, P. (2015). Situational and dispositional determinants of workplace victimization. The effects of routine activities, negative affectivity, and low self-control. *International Review of Victimology*, 21(3), 321—342. doi: 10.1177/0269758015591930
- Lañcôt, N., & Guay, S. (2014). The aftermath of workplace violence among healthcare workers: A systematic literature review of the consequences. *Aggression and Violent Behavior*, 19(5), 492—501. doi: 10.1016/j.avb.2014.07.010
- Loerbroks, A., Weigl, M., Li, J., Glaser, J., Degen C., & Angerer P. (2015). Workplace bullying and depressive symptoms: A prospective study among junior physicians in Germany. *Journal of Psychosomatic Research*, 78(2), 168—172. doi: 10.1016/j.jpsychores.2014.10.008
- McIlwain, D. (2003). Bypassing empathy: A Machiavellian theory of mind and sneaky power. In Repacholi, B. & Slaughter, V. (Eds.). *Individual differences in theory of mind: Implications for typical and atypical development* (pp. 39—66). New York, NY, US: Psychology Press.
- Menrath, I., Prüssmann, M., Müller-Godeffroy, E., Prüssmann, C., Ravens-Sieberer, U., Ottova-Jordan, V., & Thyen, U. (2015). Subjective Health, School Victimization, and Protective Factors in a High-Risk School Sample. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*, 36(5), 305—312. doi: 10.1097/DBP.000000000
- Ojha, H. (2007). Parent-Child Interaction and Machiavellian Orientation. *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*, 33(2), 285—289.
- Rumshina, L.I. (2003). *Psikhologiya manipulirovaniya lyud'mi (tcennostno-smyslovoi aspekt)*. Rostov-na-Donu. 141 p. (In Russ.)
- Schacter, H.L., & Juvonen, J. (2017). Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 51, 35—43. doi: 10.1016/j.appdev.2017.02.005
- Sheinov, V.P. (2012). Development of a questionnaire for assessing the degree of insecurity of an individual from manipulative influences. *Voprosy psikhologii*, (4), 147—154. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2015). Assertiveness, internality, affiliation and insecurity of the individual from manipulation: connections and properties. *Sistemnaya psikhologiya i sociologiya*, (14), 107—113. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2016). Personality qualities enhancing its security against manipulation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 20—27. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2017a). Vulnerability to manipulation and its relation to cognitive and personality features in adolescents. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(2), 167—177. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-2-167-177 (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2017b). Insecurity of students from manipulation and their psychological sex, locus of control and self-confidence. *Sistemnaya psikhologiya i sociologiya*, 21(1), 35—46. (In Russ.)
- Thomas, K.W., Kilmann, R.H. (1974; 2007). *Thomas — Kilmann Conflict Mode Instrument*. Mountain View, CA: Xicom, a subsidiary of CPP, Inc.

- Turner, H.A., Shattuck, A., Finkelhor, D., & Hamby, S. (2016). Effects of Poly-Victimization on Adolescent Social Support, Self-Concept, and Psychological Distress. *Journal of Interpersonal Violence*, 32(5), 755—780. doi: 10.1177/0886260515586376
- Uludag, S., Colvin, M., Hussey, D., & Eng, A.L. (2009). Democracy, Inequality, Modernization, Routine Activities, and International Variations in Personal Crime Victimization. *International Criminal Justice Review*, 19(33), 265—286.
- Vishnevetsky, K.V. (2014). Victimization: factors, conditions, levels. *Theory and practice of social development*, 4, 226—227. (In Russ.)
- Znakov, V.V. (2000). Makiavelizm: psikhologicheskoe svoystvo lichnosti i metodika ego issledovaniya. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 21(5), 16—22. (In Russ.)

Article history:

Received: 15 June 2018

Revised: 7 October 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Sheinov, V.P. (2018). Relationships of Victimization, Machiavellianism and Conflict Behavior. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 431—445. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-431-445

Bio Note:

Viktor P. Sheinov — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Excellence, National Institute for Higher Education (Minsk, Belarus). E-mail: sheinov1@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-446-457

УДК 316.77

Об инструментах управления модой и модной коммуникацией

А.А. Одинцов¹, О.В. Одинцова²

¹ Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1

² Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Российская Федерация, 117997, Москва, Садовническая ул., д. 33, стр. 1

Проблема моды как социального феномена изучалась классиками философии, социологии, экономической теории, начиная с XVIII в. В современной науке мода рассматривается как междисциплинарный феномен в контексте культуры. В российской науке наблюдается рост интереса к исследованиям моды, что отражается увеличением количества диссертаций по филологическим, социологическим, психологическим, философским наукам, культурологии, искусствоведению, защищенных в последние годы. Одной из актуальных тенденций является рассмотрение моды в контексте коммуникативных процессов разного уровня, т.е. «модной коммуникации». В то же время недостаточно внимания уделяется возможностям управления модой, так как многие исследователи понимают ее как стихийное явление. В данной статье представлено обоснование основных субъектов и инструментов управления модой и модной коммуникацией. В качестве субъектов управления модой рассматриваются государство, коммерческие структуры, «живые эмблемы моды», правящие классы, духовные лидеры. К инструментам управления модной коммуникацией в долгосрочной перспективе относятся, прежде всего, идеология, культура, политика, образование; в среднесрочной — брендинг, имидж, маркетинг, реклама и т.п.; в краткосрочной перспективе — как традиционные СМИ и кино, так и социальные сети и другие сетевые ресурсы, роль которых стремительно возрастает. По результатам исследований сделан вывод о том, что потенциал инструментов управления модной коммуникацией в настоящее время используется недостаточно конструктивно.

Ключевые слова: мода, модная коммуникация, управление модой, субъекты управления модой, инструменты управления модой

Введение

Проблема сущности, механизмов, инструментов и других проявлений моды является подлинно междисциплинарной — различные ее аспекты рассматриваются в работах философов, социологов, психологов, экономистов, историков, антропологов, искусствоведов, лингвистов, журналистов и др. Отметим, что многогранный феномен моды находит свое отражение и выражение не только в рамках научного, но и житейского, обыденного понятия. В связи с этим, как указывают И.В. Антоненко и И.Н. Карицкий (2017), некоторые исследователи пытаются осмыслить феномен моды чуть ли не с доисторических времен, другие,

например А.Б. Гофман (2004), М.И. Килошенко (2014), Н. Стивенсен (2011), все же со времен цивилизации (Антоненко, Карицкий, 2017). И.В. Савостьянова (2010) приводит данные интересного исследования русскоязычной прессы, которые свидетельствуют о наличии десятков изданий, публикующих материалы о моде на русском языке уже в период 1779—1850 гг.

Проблематику моды в рамках своих научных теорий анализировали классики философии, социологии, экономической теории, социальной психологии, такие как И. Кант, Г. Гегель, А. Смит, М. Вебер, Г. Спенсер, Г. Зиммель, Г. Тард, Э. Гобло, Г. Блумер и др. (Гурова, 2011; Зинченко, Алексеенко, 2014; Одинцов, Одинцова, 2013). Многие из них рассматривали моду в рамках более широких явлений — социального поведения и подражания, социальной и классовой дифференциации общества (Зинченко, Алексеенко, 2014), а также потребительского поведения, которое стало предметом пристального внимания исследователей в XIX — начале XX в., после того как К. Маркс ввел понятие «товарный фетишизм», анализируя капиталистический способ производства (Одинцов, Одинцова, 2013). Например, Т. Веблен предложил теорию «показного» (демонстративного) потребления, в рамках которой анализирует формирование и институционализацию «праздного класса» посредством потребления и утверждает, что характер потребительского поведения определяется не только и не столько ценовым фактором. Он выделил и охарактеризовал три свойства моды, которые вполне актуальны и в настоящий момент: 1) мода — это способ демонстрации богатства, поэтому то, что дешево, не заслуживает внимания и не имеет значения; 2) ношение модной одежды свидетельствует о том, что человеку не нужно зарабатывать себе на жизнь и он не занят никаким производительным физическим трудом, поэтому чем менее практичным и менее функциональным является предмет гардероба, тем большим весом он обладает в качестве символа высшего общества; 3) мода современна, поэтому быть модным — значит соответствовать настоящему моменту времени (Веблен, 1984; Зинченко, Алексеенко, 2014).

В современной западной науке изучение поведения потребителей развивается как в русле психологической традиции (например, исследования мотивации выбора на основе теории З. Фрейда и концепции А. Маслоу или анализ потребления как информационного процесса на основе идей когнитивной психологии и/или современной нейронауки), так и под влиянием социологии, культурной антропологии, культурологии, т.е. в рамках значительно более широкого социального и исторического контекста. Наиболее видные европейские исследователи поведения потребителей моды — французские социологи П. Бурдьё (Bourdieu, 1993) и Ж. Бодрийяр (2006). С 1997 г. на английском языке издается научный журнал *Fashion Theory: Journal of Dress, Body and Culture* (<https://www.tandfonline.com/toc/rfft20/current>), который является одним из самых авторитетных в своей области и действительно рассматривает моду как междисциплинарный феномен в контексте культуры.

В России в последние десятилетия, несомненно, возрастает интерес к исследованию моды со стороны представителей различных наук. Об этом свидетельствуют результаты поискового запроса по словам «мода» и «модный» в электрон-

ном каталоге авторефератов в РГБ: найдено более ста диссертаций, только семь из которых защищены в Советском Союзе до 1992 г. (Архипова, 1977; Гаркавенко, 1987; Диева, 1989; Заплетина, 1991; Мищенко, 1991; Фишман, 1990; Элькина, 1974), а около 90 % после 2000 г. Диссертации последних пяти лет (2014—2018 гг.) представляют широкий спектр научных специальностей:

- искусствоведение (Гусова, 2016);
- исторические науки (Брылова, 2018);
- культурология (Норбоева, 2014; Старовойтова, 2017);
- психологические науки (Романенко, 2017; Шайдакова, 2015);
- социологические науки (Лопатина, 2016; Попсуева, 2017; Тэн Минь, 2014);
- филологические науки (Болотова, 2017; Врублевская, 2017; Исхакова, 2017; Матвеева, 2018; Скворцова, 2015; Тутова, 2017; Ягафарова, 2014);
- философские науки (Гужа, 2017; Дубровина, 2016) и др.

С 2006 г. издается научно-теоретический и культурологический журнал «Теория моды: одежда, тело, культура», позиционирующий себя как первый и единственный в России журнал, который направлен на междисциплинарное рассмотрение моды в академическом ключе (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=33688). Характерно, что наряду с публикациями отечественных специалистов, представляющих разные сферы науки и практики, связанные с модой, публикуются переводы статей из упомянутого выше ведущего международного журнала *Fashion Theory: Journal of Dress, Body and Culture*. Осмыслению феномена моды посвящены также научные конференции, например Первая Международная конференция «Международные коммуникации в индустрии моды» (Международные коммуникации..., 2018).

При всем многообразии исследований моды, на наш взгляд, дискуссионной остается проблема возможности управления модой, поскольку многие исследователи рассматривают моду как стихийное явление. Целью данной статьи является описание основных субъектов и инструментов управления модой и модной коммуникацией.

Определения моды и модной коммуникации

В связи с междисциплинарным характером феномена моды существует множество определений, выделяющих те или иные ее аспекты или характеристики. Самые общие определения можно найти в энциклопедиях или словарях русского языка, например, «**мода** (франц. *mode* — от лат. *Modus* — мера, способ, правило): 1) непродолжительное господство определенного вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры. В отличие от стиля мода отражает более кратковременные и поверхностные изменения внешних форм бытовых предметов и художественных произведений; в узком смысле — смена форм и образцов одежды; 2) непрочная, быстропроходящая популярность» (http://slovonline.ru/slovar_ctc/b-13/id-38709/moda.html).

В этом и других общенаучных определениях обобщаются основные признаки и характеристики моды как социального феномена: массовость, изменчивость,

зависимость от социальных запросов времени, быстротечность, цикличность, динамичность, парадоксальность, диалектический характер развития моды и др. (Артемцева, Грекова, 2016; Одинцов, Одинцова, 2013). Но мода может быть рассмотрена и как психологический феномен — в индивидуально-личностном плане влияние моды проявляется на уровне субъективных предпочтений и ценностно-смысловых ориентиров конкретного человека, например увлечения и подверженность модным эталонам мира вещей, отношений, поведения, образа жизни, мировоззрения (Артемцева, Грекова, 2016). На этот аспект указывал Б.Д. Парыгин, который писал, что мода — это «не только одна из специфических форм массового поведения людей, но и своеобразный социально-психологический механизм человеческого общения, придающий ему высокую подвижность, заряд разнообразия и перемен» (Парыгин, 1999, с. 417).

Мы предлагаем комплексно рассматривать моду на идеи, стиль жизни людей, технологии, товары, услуги во взаимосвязи ее психологического, социологического, экономического и управленческого аспектов — как форму массового поведения, катализатор экономики, механизм извлечения прибыли, индикатор социального статуса, политический инструмент, символический капитал (Одинцов, Одинцова, 2013).

Одной из современных тенденций рассмотрения моды является ее анализ в контексте информационных, коммуникативных и дискурсивных процессов. Об этом, в частности, свидетельствует тематика самых современных диссертационных исследований, в которых анализируются «языковая мода» (Врублевская, 2017), «русский рекламный дискурс моды» (Матвеева, 2018), «журнальный дискурс моды» (Исхакова, 2017), «лингвопрагматический аспект дискурса моды» (Болотова, 2017), «феномен “мода на одежду” в культурологическом дискурсе» (Старовойтова, 2017) и др. Как упоминалось выше, в 2017 г. была проведена Первая Международная конференция «Международные коммуникации в индустрии моды», в рамках программы которой большое внимание уделялось анализу феномена моды в соотношении с коммуникативными процессами различного уровня (Международные коммуникации..., 2018).

На наш взгляд, именно рассмотрение моды в контексте коммуникативных процессов позволяет говорить о возможности управления модой или, по крайней мере, «модной коммуникацией» (под которой в данной статье мы будем понимать все аспекты моды, связанные с коммуникативным воздействием и влиянием на потенциального потребителя).

Основные субъекты и инструменты управления модой и модной коммуникацией

Формирование новой моды на продукт, идею, технологию или иной объект, а также появление аттрактора моды (в иной терминологии — ценности моды), модного образа (иначе говоря, стандарта моды) возможно, только если большие массы людей готовы их принять. Залогом успешности модной коммуникации является ее «резонанс» с образом и стилем жизни сколько-нибудь значительной

части населения со свойственным им мировоззрением, картиной мира, представлением о себе и своем месте в мире. Чтобы подготовить большие массы людей к восприятию различного рода инноваций, для формирования необходимых субъекту управления модными коммуникациями образов и символов осуществляется воздействие на их сознание посредством информации, знаний и культуры. Объектами воздействия являются историческая память, мир символов и смыслов, традиции и обычаи (Одинцов, Одинцова, 2013).

Мы рассматриваем в качестве основных субъектов управления модой государство, коммерческие структуры, «живые эмблемы моды», правящие классы, духовных лидеров. Что касается инструментов управления модой (модной коммуникацией), то речь идет, прежде всего, об идеологии, политике, культуре. Мощные инструменты прицельного управления модой — система образования и воспитания, законодательство. Для общества потребления особое значение приобретают рыночные инструменты — маркетинг, реклама, фирменный стиль, бренд, имидж, дизайн и др.

Использование инструментов управления имеет определенную специфику применительно к различным объектам моды и типам потребителей, а также в зависимости от краткосрочности/долгосрочности возможного воздействия.

В долгосрочной перспективе основными инструментами управления модой являются:

— идеи и представления в пространстве **культуры, философии, идеологии**, формирующие ценности, цели и приоритеты в жизни и деятельности людей, управляющие людьми через стандарты, нормы и образцы (иначе говоря, конкретные моды), задающие соответствующие образ и стиль жизни. Особое значение здесь имеет национальная идея, основой для ее формирования в том или ином виде служат мировые религии — христианство, ислам, буддизм, иудаизм, а также «светские веры»;

— **общественные науки**, основная задача которых заключается в интерпретации существующих и производстве новых смыслов — теорий, концепций, парадигм, объясняющих и обосновывающих происходящее в социуме;

— важнейшее значение имеет предоставление **образовательных услуг**, в частности услуг высшего образования;

— **законодательство** как инструмент управления модной коммуникацией, на наш взгляд, в явном или скрытом виде отражает и закрепляет поддерживаемую государством и господствующую в обществе идеологию, даже если формально отвергает и запрещает формирование какой-либо идеологии. В составе современного законодательства Российской Федерации имеют первостепенное значение для управления модой следующие законы: «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «О рекламе»; «О дистанционной торговле»; «О защите прав потребителей» и др. Законодательная база, нормативно-правовые документы оказывают влияние на моду, как правило, не непосредственно, но в процессе формирования условий для возникновения предпочтений, создания определенной свободы, возможностей принятия (или не принятия) решений разного уровня.

В среднесрочной перспективе, а также и в долгосрочной, не следует недооценивать использование для оказания воздействия на потребителя и формирования модных тенденций рыночных инструментов более частного порядка. Наиболее эффективными в этом плане являются фирменный стиль, брендинг, имидж, маркетинг, реклама, суггестивный сервис, дизайн (Одинцов, Одинцова, 2013). Подобного рода инструменты управления модной коммуникацией решают частные задачи субъекта управления модой и направлены, прежде всего, на достижение узнаваемости бренда, запоминаемости логотипа, приверженности торговой марке и в конечном счете — на увеличение продаж. С другой стороны, их применение работает на закрепление сложившихся в обществе стереотипов восприятия, мировоззрения, ценностей, усиливает и иные факторы, важные для формирования, распространения и эксплуатации социальных отношений по поводу моды, системы моды в целом.

В краткосрочной перспективе главным инструментом управления модными коммуникациями, на наш взгляд, являются **СМИ** — как традиционные, так и новые, сетевые средства массовой информации. СМИ являются мощными трансляторами определенного видения мира в публицистической, научно-популярной формах, через художественные произведения, способными в том числе искажать хронологию событий, тенденциозно трактовать актуальные управленческие, политические, производственные, бытовые ситуации, а также исторические факты. При этом сам объект воздействия может и не осознавать значимости и следствий получаемых им сведений. Воздействуя длительно и целенаправленно на ценностные ориентации человека, СМИ могут формировать восприятие действительности через призму транслируемых ими образов, влиять на мировоззрение. В современном мире новые технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание человека, что реальные действия и события только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ или отражены в Интернете.

Кино — один из действенных инструментов работы с мировоззрением населения, оно успешно конкурирует с институтами традиционного образования и воспитания. Кино есть мощнейшее средство формирования «образо-жизненных» идеологий. С одной стороны, это развлечение и удовольствие, а с другой — через него задаются образцы поведения, выбора, потребления. Кино, как и новые экранные технологии, формирует образ жизни и поведенческие стереотипы для больших масс людей.

В современных условиях происходит симбиоз крупнейших информационных гигантов с **социальными сетями и сетевыми технологиями**. Анализ роли и значения социальных сетей в формировании настроения масс, их экзальтации и организации позволяет утверждать, что социальные сети — это одновременно канал распространения информационного воздействия, бизнес-продукт, а также когнитивная технология, организационное «оружие». События последнего времени позволяют рассматривать социальные сети как важнейший инструмент «мягкой силы».

Заключение

Субъекты управления модной коммуникацией используют весь спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и иных технологий, воздействуя на систему социокультурных ценностей, или «матрицу убеждений», индивида (и общества в целом), заставляя его в конечном итоге изменить свои мировоззрение и поведение.

При продвижении аттракторов, образов моды в процессе модной коммуникации могут решаться следующие задачи:

— формирование под складывающуюся ситуацию новых смыслов, задаваемых субъектом управления модной коммуникацией;

— организация и осуществление оперативного контроля за деятельностью значимых для достижения поставленных целей социальных групп и отдельных граждан;

— создание механизма формирования и манипуляции поведением групп граждан в специально созданных «нештатных» ситуациях;

— привлечение к решению поставленных, нередко политических, задач людей, которые этих задач не понимают и не должны понимать.

Анализ показывает, что важнейшими инструментами управления модной коммуникацией зачастую, к сожалению, в той или иной форме культивируются и распространяются негативные и даже деструктивные идеи. Это вносит весьма существенный вклад в разрастание кризисных явлений, охвативших подавляющее большинство стран мира, в углубление цивилизационного кризиса. В целом от моды зависит, куда идет общество — деградирует или развивается. Мы полагаем, что управление модной коммуникацией должно стать важнейшей сферой интересов духовных лидеров общества и государства для реализации позитивного потенциала воздействия на социальные структуры и отдельного человека.

Список литературы

Антоненко И.В., Карицкий И.Н. Социальная психология моды в ее генезисе // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: МГУДТ, 2017. С. 420—426.

Артемцева Н.Г., Грекова Т.Н. Методика «Шкала отношения к моде» (ШОМ) как диагностика личностных представлений о моде // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: МГУДТ, 2016. С. 18—24.

Архипова Л.В. Мода и ее влияние на спрос населения: дис. ... канд. экон. наук. М.: ВНИИКС, 1977. 214 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.

Болотова Ю.С. Лингвопрагматический аспект дискурса моды: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2017. 200 с.

Брылова Л.Ю. Вышивка восточнославянского населения Дона и Кубани конца XIX — начала XX века: традиции, мода, стиль: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань: АГУ, 2018. 27 с.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368.

- Врублевская О.В.* Языковая мода в русской ономастике: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград: ВГСПУ, 2017. 41 с.
- Гаркавенко С.С.* Технологическая подготовка производства первых опытных партий и особо модных кожгалантерейных изделий: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Киев: КТИЛП, 1987. 16 с.
- Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Гужа Е.А.* Эстетика повседневности в современной культуре: мода и стиль жизни: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 146 с.
- Гурова О.Ю.* Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 72—82.
- Гусова Д.Т.* Формирование и развитие бренда модной одежды в контексте проектной культуры и искусства: дис. ... канд. искусствоведения. М.: МГУД, 2016. 245 с.
- Дубровина А.В.* Мода в культурном бытии человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень: ТГУ, 2016. 29 с.
- Заплетина Н.И.* Мода как фактор формирования культуры внешнего облика молодежи в условиях клуба: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л.: ЛИК, 1991. 16 с.
- Зинченко Г.П., Алексеенко Л.В.* Социологический дискурс о моде // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 71—75.
- Диева О.Н.* Прогнозирование модного ассортимента женской обуви с учетом расхода материалов: дис. ... канд. техн. наук. М.: МТИ им. А.Н. Косыгина, 1989. 195 с.
- Исхакова О.С.* Динамика развития письменно-речевых жанров журнального дискурса моды: на материале анализа англоязычного журнала моды Harper's Bazaar: дис. ... канд. филол. наук. Уфа: БГУ, 2017. 202 с.
- Килошенко М.И.* Психология моды. СПб.: Питер, 2014. 320 с.
- Лопатина Е.А.* Потребительское поведение подростков в контексте социализации: на материалах Ростовской области: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. 34 с.
- Матвеева Е.К.* Языковая идентификация архетипических образов в русском рекламном дискурсе моды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: КФУ, 2018.
- Международные коммуникации в индустрии моды: сборник материалов I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.Н. Гордиенко. СПб.: СПбГУПТД, 2018. 120 с.
- Мищенко Л.А.* Ассортиментная политика на рынке модных товаров: на примере одежды: дис. ... канд. эконом. наук. М.: ВНИИ ПРИМ, 1991. 195 с.
- Норбоева Т.Б.* Этническая мода в современном костюме бурят: культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2014. 21 с.
- Одинцов А.А., Одинцова О.В.* Управление модой: монография. М.: МГУДТ, 2013. 293 с.
- Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.
- Попсуева А.А.* Мода как фактор демонстративного потребления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 25 с.
- Романенко Е.П.* Психологические особенности представлений о моде молодых людей с разной профессиональной направленностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017. 23 с.

- Савостьянова О.И.* Русскоязычные издания о моде, выпускавшиеся в России с 1779 до 1850 годов // *Дискуссия.* 2010. № 9. С. 71—74.
- Скворцова Е.Е.* Способы пополнения лексико-семантического поля «Мода» во французском и английском языках как отражение развития вербального вестиментарного кода: на материале лексики интернет-магазинов одежды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.
- Старовойтова Е.Н.* Теоретические, методологические, технологические аспекты феномена «мода на одежду» в культурологическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.: СПбГУ, 2017. 24 с.
- Стивенсон Н.* История моды в деталях. С XVIII века до наших дней. М.: Эксмо, 2011. 288 с.
- Тугова Е.В.* Переключение кода: французские лексико-фразеологические единицы в англоязычном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2017. 17 с.
- Тэн Минь.* Особенности восприятия китайских брендов российскими целевыми аудиториями: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: МПГУ, 2014. 19 с.
- Фишман Р.Б.* Мода как социальное явление: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск: УрГУ им. А.М. Горького, 1990. 19 с.
- Шайдакова Н.В.* Социально-психологические аспекты демонстративного потребления старшеклассников и студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГППУ, 2015. 26 с.
- Элькина З.Б.* Мода и ее социальная роль: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1974. 23 с.
- Ягафарова Л.Т.* Вербализация концептосферы «мода» в современной отечественной массовой литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. 19 с.
- Bourdieu P.* *Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action.* Paris: Éditions du Seuil, 1994. 252 p.

© Одинцов А.А., Одинцова О.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 17 мая 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Одинцов А.А., Одинцова О.В. Об инструментах управления модой и модной коммуникацией // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2018. Т. 15. № 4. С. 446—457. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-446-457

Сведения об авторах:

Одинцов Андрей Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры промышленной логистики, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия). E-mail: votan3@mail.ru

Одинцова Ольга Витальевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва, Россия). E-mail: odincova.o.v@mail.ru

About Tools for Management of Fashion and Fashion Communication

Andrey A. Odintsov¹, Olga V. Odintsova²

¹ Bauman Moscow State Technical University

5^{2nd} Baumanskaya St., bldg. 1, Moscow, 105005, Russian Federation

² A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)

33 Sadovnicheskaya St., bldg. 1, Moscow, 117997, Russian Federation

Abstract. The problem of fashion as a social phenomenon was studied by the classics of philosophy, sociology, economic theory, starting from the XVIII century. In modern science, fashion is considered as an interdisciplinary phenomenon in the context of culture. There is a growing interest in the research of fashion, which is reflected in the increasing number of Ph.D. thesis in Philology, Sociology, Psychology, Philosophy, Cultural Studies, and Art History, in Russian science in recent years. One of the current trends is the consideration of fashion in the context of communicative processes, i.e. “fashion communication”. At the same time, not enough attention is paid to the possibilities of fashion management, since many researchers understand fashion as a spontaneous phenomenon. This article presents the rationale for the consideration of the main subjects and tools for management of the fashion and fashion communication. The state, commercial structures, “living emblems of fashion”, ruling classes, spiritual leaders are considered as subjects of fashion management. In the long term perspective, the management tools of the fashion communication include, first of all, ideology, culture, politics, education; in the medium term — branding, image, marketing, advertising, etc.; in the short term, — both traditional media and cinema, as well as social networks and other network resources, whose role is rapidly increasing in recent years. It has been concluded that currently the potential of fashion communication management tools is not being used enough constructively.

Key words: fashion, fashion communication, fashion management, fashion management subjects, fashion management tools

References

- Antonenko, I.V., & Karitsky, I.N. (2017). Social psychology of fashion in its genesis. *Perspektivy psikhologicheskoi nauki i praktiki*: Proceeding of the International Scientific Conference (pp. 420—426). Moscow: MSUDT Publ.
- Arkipova, L.V. (1977). *Moda i ee vliyanie na spros naseleniya*: Ph.D. in Economics Thesis. Moscow. 214 p.
- Artemtseva, N.G., & Grekova, T.N. (2016). Metodika “Shkala otnosheniya k mode” (ShOM) kak diagnostika lichnostnykh predstavlenii o mode. *Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'*: Proceeding of the International Scientific Conference (pp. 18—24). Moscow: MSUDT Publ.
- Baudrillard, J. (1976). *L'échange symbolique et la mort*. Paris: Gallimard. 347 p.
- Bolotova, Yu.S. (2017). *Lingvopragmaticheskii aspekt diskursa mody*. Ph.D. in Philology Thesis. Moscow. 200 p.
- Bourdieu, P. (1994). *Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action*. Paris: Éditions du Seuil.
- Brylova, L.Yu. (2018). *Vyshivka vostochnoslavyanskogo naseleniya Dona i Kubani kontsa XIX — nachala XX veka: traditsii, moda, stil'*: Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Astrakhan. 27 p.
- Dieva, O.N. (1989). *Prognozirovaniye modnogo assortimenta zhenskoi obuvi s uchetom raskhoda materialov*: Ph.D. in Technical Sciences Thesis. Moscow. 195 p.

- Dubrovina, A.V. (2016). *Moda v kul'turnom bytii cheloveka*: Ph.D. in Philosophy Thesis Abstract. Tumen. 29 p.
- Elkina, Z.B. (1974). *Moda i ee sotsial'naya rol'*: Ph.D. in Philosophy Thesis Abstract. Leningrad. 23 p.
- Fishman, R.B. (1990). *Moda kak sotsial'noe yavlenie*: Ph.D. in Philosophy Thesis Abstract. Sverdlovsk. 19 p.
- Garkavenko, S.S. (1987). *Tekhnologicheskaya podgotovka proizvodstva pervykh opytnykh partii i osobo modnykh kozhgalantereynykh izdelii*: Ph.D. in Technical Sciences Thesis Abstract. Kiev. 16 p.
- Gofman, A.B. (2004). *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya*. Saint Petersburg: Piter Publ. 208 p.
- Gurova, O.Yu. (2011). Sociology of fashion: a review of classical conceptions. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (8), 72—82.
- Gusova, D.T. (2016). *Formirovanie i razvitie brenda modnoi odezhdy v kontekste proektnoi kul'tury i iskusstva*: Ph.D. in Art History Thesis. Moscow. 245 p.
- Guzha, E.A. (2017). *Estetika povsednevnosti v sovremennoi kul'ture: moda i stil' zhizni*: Ph.D. in Philosophy Thesis. Moscow. 146 p.
- Iskhakova, O.S. (2017). *Dinamika razvitiya pis'menno-rechevykh zhanrov zhurnal'nogo diskursa mody: na materiale analiza angloyazychnogo zhurnala mody Harper's Bazaar*: Ph.D. in Philology Thesis. Ufa. 202 p.
- Kiloshenko, M.I. (2014). *Psikhologiya mody*. Saint Petersburg: Piter Publ. 320 p.
- Lopatina, E.A. (2016). *Potrebitel'skoe povedenie podrostkov v kontekste sotsializatsii: na materialakh Rostovskoi oblasti*: Ph.D. in Sociology Thesis Abstract. Rostov-on-Don. 34 p.
- Matveeva, E.K. (2018). *Yazykovaya identifikatsiya arkhетipicheskikh obrazov v russkom reklamnom diskurse mody*: Ph.D. in Philology Thesis Abstract. Kazan. 22 p.
- Mezhdunarodnye kommunikatsii v industrii mody*. (2018). Proceeding of the International Scientific Conference. Saint Petersburg. 120 p.
- Mishchenko, L.A. (1991). *Assortimennaya politika na rynke modnykh tovarov: na primere odezhdy*: Ph.D. in Economics Thesis. Moscow. 195 p.
- Norboeva, T.B. (2014). *Etnicheskaya moda v sovremennom kostyume buryat: kul'turologicheskii analiz*: Ph.D. in Cultural Studies Thesis Abstract. Ulan-Ude. 21 p.
- Odintsov, A.A., & Odintsova, O.V. (2013). *Upravlenie modoi*. Moscow: MSUDT Publ. 293 p.
- Parygin, B.D. (1999). *Sotsial'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii*. Saint Petersburg. IGUP Publ. 592 p.
- Popsueva, A.A. (2017). *Moda kak faktor demonstrativnogo potrebleniya*: Ph.D. in Sociology Thesis Abstract. Saint Petersburg. 25 p.
- Romanenko E.P. (2017). *Psikhologicheskie osobennosti predstavlenii o mode molodykh lyudei s raznoi professional'noi napravlennost'yu*: Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Rostov-on-Don. 23 p.
- Savostyanova, O.I. (2010). Russkoyazychnye izdaniya o mode, vypuskavshiesya v Rossii s 1779 do 1850 godov. *Diskussiya: zhurnal nauchnykh publikatsii*, (9), 71—74.
- Shaidakova, N.V. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty demonstrativnogo potrebleniya starsheklassnikov i studentov*: Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Moscow. 26 p.
- Skvortsova, E.E. (2015). *Sposoby popolneniya leksiko-semanticheskogo polya 'Moda' vo frantsuzskom i angliiskom yazykakh kak otrazhenie razvitiya verbal'nogo vestimentarnogo koda: na materiale leksiki internet-magazinov odezhdy*: Ph.D. in Philology Thesis Abstract. Moscow. 24 p.

- Starovoitova, E.N. (2017). *Teoreticheskie, metodologicheskie, tekhnologicheskie aspekty fenomena «moda na odezhdu» v kul'turologicheskom diskurse*: Ph.D. in Cultural Studies Thesis Abstract. Saint Petersburg. 24 p.
- Stivenson, N. (2011). *The Chronology of Fashion*. Moscow: Ecsmo. 288 p.
- Ten, Min. (2014). *Osobennosti vospriyatiya kitaiskikh brendov rossiiskimi tselevymi auditoriyami*: Ph.D. in Sociology Thesis Abstract. Moscow. 19 p.
- Tutova, E.V. (2017). *Code switching: French lexico-phraseological units in English publicistic discourse*: Ph.D. in Philology Thesis Abstract. Moscow. 17 p.
- Veblen, T. (1953). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: The Macmillan Company. 400 p.
- Vrublevskaya, O.V. (2017). *Yazykovaya moda v russkoi onomastiky*. D.Sc. in Psychology Thesis Abstract. Volgograd. 41 p.
- Yagafarova, L.T. (2014). *Verbalizatsiya kontseptsfery 'moda' v sovremennoi otechestvennoi massovoi literature*: Ph.D. in Philology Thesis Abstract. Elets. 19 p.
- Zapletina, N.I. (1991). *Moda kak faktor formirovaniya kul'tury vneshnego oblika molodezhi v usloviyakh kluba*: Ph.D. in Pedagogics Thesis Abstract. Leningrad. 16 p.
- Zinchenko, G.P., & Alekseyenko, L.V. (2014). Sociological discourse on fashion. *Socio-humanitarian knowledge*, (12), 71—75.

Article history:

Received: 1 May 2018

Revised: 10 October 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Odintsov, A.A., & Odintsova, O.V. (2018). About Tools for Management of Fashion and Fashion Communication. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 446—457. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-446-457

Bio Note:

Andrey A. Odintsov — Doctor Sc. of Economics, Professor, Professor, of the Industrial Logistics Department, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russia). E-mail: votan3@mail.ru

Olga V. Odintsova — Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Management Department, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art) (Moscow, Russia). E-mail: odincova.o.v@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-458-472

УДК 616-05:159.9

Опасения и страхи в системе отношения к личной безопасности у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями

М.С. Иванов¹, А.В. Солодухин^{1,2}, С.А. Помешкина²,
А.В. Серый¹, М.С. Яницкий¹, Е.В. Горбунова²

¹ Кемеровский государственный университет

Российская Федерация, 650000, Кемерово, Красная ул., 6

² Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний

Российская Федерация, 650002, Кемерово, Сосновый б-р, 6

В настоящей работе представлены результаты изучения психологических аспектов отношения к личной безопасности у больных с ишемической болезнью сердца (ИБС) и пороками сердца. В исследовании приняли участие 40 пациентов в возрасте от 45 до 81 года (47,5 % мужчины, 52,5 % женщины): 20 больных с ИБС со стабильной формой стенокардии и 20 больных с приобретенными пороками сердца. В ходе исследования, проведенного методиками на основе субъективного шкалирования, были выявлены страхи, отношение к угрозам личной безопасности, представления о последствиях реализации угроз и оценки усилий по противодействию им, выступающие в авторской теоретической модели компонентами системы отношения субъекта к личной безопасности. Результаты показывают, что среди больных с пороками сердца оценки по целому ряду угроз и последствий их реализации, а также усилий по противодействию значимо выше, чем среди больных с ИБС. В целом оценки по всем параметрам в группе больных с ИБС оказались ближе к оценкам здоровых людей, полученным в предыдущих исследованиях. Среди больных с пороками сердца, отличающихся большей продолжительностью и тяжестью заболевания, оценки показателей отношения к личной безопасности в целом повышены и менее дифференцированы. По результатам исследования сделан вывод о том, что отношение к личной безопасности как часть системы психологического отношения в целом может выступать диагностическим критерием и индикатором эффективности адаптации при сердечно-сосудистых заболеваниях (ССЗ), а также выступать самостоятельной мишенью коррекционного воздействия при психологическом консультировании и психотерапии пациентов с ССЗ. В заключении сформулированы рекомендации для специалистов, занимающихся психологическим сопровождением пациентов с ССЗ, по диагностической и коррекционной работе с отношением к личной безопасности.

Ключевые слова: психология безопасности личности, отношение к личной безопасности, опасения, страхи, ишемическая болезнь сердца, стенокардия, пороки сердца, сердечно-сосудистые заболевания, психологическое сопровождение

Введение

Влияние психологических факторов на возникновение, течение и прогноз сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) в настоящее время не вызывает сомнений. В медицинской психологии накоплено достаточно сведений, позволяющих довольно полно представить психологическую картину пациентов, страдающих

ССЗ, среди которых преобладают депрессивные и тревожные расстройства, а также поведенческие изменения под влиянием заболевания.

При этом нерешенной остается проблема изучения индивидуально-личностных факторов и условий, определяющих возникновение и протекание психических расстройств при ССЗ, понимание которых необходимо для оказания эффективной психологической помощи и сопровождения больных, а также психологического консультирования и психотерапии.

Исследования ценностно-смысловой, мотивационной и других сфер показывают явные изменения личности человека с появлением у него кардиологического заболевания (Гартфельдер и др., 2014; Николаев и др., 2014). Подтверждена взаимосвязь личностных изменений с течением болезни, особенностями послеоперационного периода и проводимыми реабилитационными мероприятиями (Еремина и др., 2014; Лубинская, 2013; Николаев, 2015; Сидоров, 2013; Katsarou et al., 2013; Pervichko et al., 2014; Prins et al., 2012).

Ряд исследований, проведенных в последнее время в психологии, формируют новый взгляд на проблему личной безопасности, под которой понимается обеспечение человеком собственной безопасности, или «самообеспечение безопасности» (Краснянская, 2009). В широком смысле поведение человека по обеспечению личной безопасности понимается не только как защищенность от внешних угроз, но как ощущение благополучия, которое определяется индивидуальной системой отношения к личной безопасности, выступающей частью общей системы отношения человека к миру и определяющей безопасное поведение (Иванов, 2015, 2017, 2018). Формирующийся неклассический подход к изучению психологических аспектов безопасности согласуется с зарубежными исследованиями беспокойности, волнений (worries), авторы которых показывают положительную роль умеренных волнений в детерминации поведения (Hebert et al., 2014; Llera et al., 2014; Sweeny et al., 2017), а также с широко представленными психологическими исследованиями поведения в состоянии тревоги и угроз безопасности (Niessen et al., 2016; Vogt et al., 2016; White et al., 2016).

Целью исследования является выявление особенностей опасений и страхов в системе отношения к личной безопасности у пациентов с ишемической болезнью сердца (ИБС) и с пороками сердца.

В качестве задач выступают:

- 1) выявление особенностей опасений и страхов как элементов системы отношения к личной безопасности у больных со стенокардией и пороками сердца;
- 2) анализ и сравнение состояния системы отношения к личной безопасности у пациентов с разными формами ССЗ;
- 3) выводы и рекомендации по диагностической и коррекционно-терапевтической работе с пациентами с ССЗ.

Процедура и методы

До включения в исследование у всех потенциальных исследуемых пациентов было получено письменное добровольное информированное согласие. В исследовании приняли участие 40 пациентов в возрасте от 45 до 81 года (47,5 % мужчины, 52,5 % женщины): 20 больных с ишемической болезнью сердца со стабиль-

ной формой стенокардии (50 % мужчины, 50 % женщины) и 20 больных с приобретенными пороками сердца (ППС) (45 % мужчины, 55 % женщины).

Критерии включения: добровольное информированное согласие пациента на участие в исследовании.

Критерии исключения: отказ больного от участия в исследовании.

Исследование было выполнено в соответствии со стандартами надлежащей клинической практики (Good Clinical Practice) и принципами Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека». Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН. Протокол исследования был одобрен локальным Этическим комитетом НИИ КПССЗ.

Оценка психологического статуса проводилась на 2—3 день после поступления пациента в стационар. Для диагностики характеристик отношения к личной безопасности использовались авторские методики по выявлению представлений об источниках угроз и последствиях их реализации (Иванов, 2015; Иванов, Яницкий, 2015). В первом опроснике пациентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале серьезность источников угроз личной безопасности по предложенному списку. Во втором опроснике предлагалось оценить по 5-балльной шкале активность прилагаемых усилий по предотвращению реализации угроз и их негативных последствий. Для диагностики страхов использовался «Опросник иерархической структуры актуальных страхов личности», разработанный Ю. Щербатых и Е. Ивлевой (Щербатых, Ивлева, 1998).

Для статистической обработки данных использовался сравнительный анализ с применением t-критерия Стьюдента. Статистический анализ проводился с помощью пакета программ Statistica 10.0 (StatSoft, Tulsa, OK, USA).

Результаты исследования

Отношение к личной безопасности, согласно авторской теоретической модели, обоснованной в предыдущих исследованиях, включает представления об угрозах, страхи, опасения в отношении негативных последствий реализации угроз, а также оценки усилий, предпринимаемых субъектом для противодействия угрозам (Иванов, Яницкий, 2015). Усредненные результаты оценки перечисленных характеристик по группам больных с ССЗ представлены в табл. 1—5.

Как следует из табл. 1, наиболее серьезным источником угроз личной безопасности больные считают «свой собственный организм» ($M = 4,28$), на втором месте с большим отрывом угроза «преступные группы и организации» ($M = 3,5$). Отметим, что большинство пациентов безошибочно поняли и согласились, что предложенный в анкете источник угроз «свой собственный организм» действительно является источником угроз в их опасениях за свое здоровье. Сравнительный анализ показывает, что больные с пороками сердца статистически значимо выше, чем больные с ИБС, оценивают серьезность таких угроз, как «преступные группы и организации» ($p = 0,05$), «власти иностранных государств» ($p < 0,01$), «власти своего государства» ($p = 0,04$), «общественные движения и политические партии» ($p < 0,01$), «окружающее вас общество» ($p = 0,02$).

Таблица 1

Оценки серьезности источников угроз личной безопасности среди больных с разными ССЗ (по 5-балльной шкале)
[Table 1. Evaluation of threats to personal security in patients with different cardiovascular diseases by 5-point scale]

Источники угроз	Все	Больные с ИБС	Больные с ППС	<i>p</i>
1. Природные явления	2,90	2,50	3,30	> 0,05
2. Преступные группы и организации (в том числе террористические)	3,50	3,05	3,95	0,05
3. Власти иностранных государств	1,88	1,25	2,50	< 0,01
4. Власти своего государства	2,90	2,40	3,40	0,04
5. Общественные движения и политические партии	1,98	1,25	2,70	< 0,01
6. Незнакомые окружающие люди	3,23	2,85	3,60	> 0,05
7. Организации и люди, с которыми вы состоите в деловых отношениях	2,78	2,50	3,05	> 0,05
8. Конкретные люди, с которыми могут пересекаться ваши интересы	2,85	2,65	3,05	> 0,05
9. Близкие люди	2,53	2,05	3,00	> 0,05
10. Окружающее вас общество	3,00	2,35	3,65	0,02
11. Свой собственный организм	4,28	3,95	4,60	> 0,05
12. Сверхъестественные силы и непознанные явления	2,18	1,70	2,65	> 0,05
Среднее	2,84	2,38	3,29	< 0,01

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Таблица 2

Оценки усилий по предупреждению угроз личной безопасности среди больных с разными ССЗ (по 5-балльной шкале)
[Table 2. Evaluation of efforts to prevent threats to personal security in patients with different cardiovascular diseases by 5-point scale]

Источники угроз	Все	Больные с ИБС	Больные с ППС	<i>p</i>
1. Природные явления	3,13	2,55	3,70	0,03
2. Преступные группы и организации (в том числе террористические)	3,23	2,75	3,70	0,05
3. Власти иностранных государств	2,58	1,85	3,30	< 0,01
4. Власти своего государства	2,73	2,00	3,45	< 0,01
5. Общественные движения и политические партии	2,75	2,15	3,35	0,01
6. Незнакомые окружающие люди	3,18	2,75	3,60	> 0,05
7. Организации и люди, с которыми вы состоите в деловых отношениях	3,10	2,75	3,45	> 0,05
8. Конкретные люди, с которыми могут пересекаться ваши интересы	3,23	2,90	3,55	> 0,05
9. Близкие люди	3,43	3,05	3,80	> 0,05
10. Окружающее вас общество	3,30	2,75	3,85	0,02
11. Свой собственный организм	4,35	4,25	4,45	> 0,05
12. Сверхъестественные силы и непознанные явления	3,13	2,65	3,60	0,03
Среднее	3,18	2,70	3,65	< 0,01

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Усредненные оценки по всем угрозам также ожидаемо выше в группе больных с пороками сердца (среднее 3,29 против 2,38). Обращает на себя внимание тот факт, что в группе пациентов со стенокардией оценки серьезности угрозы «свой собственный организм» (3,95) выше усредненных оценок серьезности по всем угрозам в их же группе (2,38) на 65 %, а среди пациентов с пороками сердца этот показатель — 35 %. Если считать усредненную оценку по всем угрозам одним из показателей состояния системы отношения к личной безопасности, то указанный факт может свидетельствовать о более высокой относительной значимости этой угрозы для больных со стенокардией (относительно общего состояния системы). Оценки угроз в системе отношения к личной безопасности у больных с ИБС в среднем более дифференцированы (минимальная средняя оценка $M = 1,25$, максимальная $M = 3,95$, разброс 2,7), чем у больных с пороками сердца (минимальная средняя оценка $M = 2,5$, максимальная $M = 4,6$, разброс 2,1).

Данные, представленные в табл. 2, показывают, что из оценок усилий по предупреждению угроз личной безопасности наиболее высокие оценки получила снова угроза «свой собственный организм» ($M = 4,35$). Сравнение оценок групп больных с ИБС и пороками сердца вновь указывает на более высокие оценки усилий по предупреждению угроз безопасности среди больных с пороками сердца (в среднем $M = 2,7$ и $M = 3,65$ соответственно). Статистически значимыми являются различия по таким угрозам, как «природные явления» ($p = 0,03$), «преступные группы и организации» ($p = 0,05$), «власти иностранных государств» ($p < 0,01$), «власти своего государства» ($p < 0,01$), «общественные движения и политические партии» ($p = 0,01$), «окружающее вас общество» ($p = 0,02$), «сверхъестественные силы и непознанные явления» ($p = 0,03$).

Также обращает на себя внимание более высокая дифференцированность средних оценок в группе больных с ИБС (минимальная средняя оценка $M = 1,85$, максимальная $M = 4,25$, разброс 2,4), чем в группе больных с пороками сердца (минимальная средняя оценка $M = 3,3$, максимальная $M = 4,45$, разброс 1,15).

Таблица 3

Оценки силы опасений наступления последствий реализации угроз среди больных с разными ССЗ (по 5-балльной шкале)
[Table 3. Negative consequences of threats in patients with different cardiovascular diseases by 5-point scale]

Негативные последствия реализации угроз	Все	Больные с ИБС	Больные с ППС	p
1. Потеря сбережений и имущества	3,68	3,25	4,10	> 0,05
2. Потеря источников дохода	3,60	3,50	3,70	> 0,05
3. Утечка личной информации	2,58	2,00	3,15	0,03
4. Потеря репутации и связей	2,98	2,35	3,60	0,03
5. Потеря трудоспособности	3,73	3,40	4,05	> 0,05
6. Потеря близких людей или отношений с ними	3,63	3,35	3,90	> 0,05
7. Потеря прав и свобод личности (свобода передвижения, свобода доступа к информации и т.п.)	2,68	2,15	3,20	> 0,05
8. Проблемы со здоровьем, тяжелые болезни	4,25	4,00	4,50	> 0,05
9. Потеря комфорта, привычного образа жизни	3,20	2,80	3,60	> 0,05
10. Психологические проблемы (потеря уверенности в себе, утрата желания жить и т.п.)	3,18	2,70	3,65	> 0,05
Среднее	3,35	2,95	3,75	> 0,05

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Из табл. 3 следует, что наибольшие оценки в обеих группах получило последствие, обозначенное как «проблемы со здоровьем, тяжелые болезни» ($M = 4,25$). Далее со значительным отрывом располагаются опасения «потеря трудоспособности» ($M = 3,73$), «потеря сбережений и имущества» ($M = 3,68$). Указанные опасения оцениваются больными как сопоставимые или даже более сильные, чем опасение потерять близких людей ($M = 3,63$), что совершенно не характерно для здоровых испытуемых согласно данным предыдущих исследований (Костоусов и др., 2017; Ivanov, 2017).

Средние показатели оценок выше среди больных с пороками сердца, чем среди больных с ИБС, по всем без исключения негативным последствиям реализации угроз безопасности. Статистически достоверными по t -критерию Стьюдента являются различия по последствиям «утечка личной информации» ($p = 0,03$) и «потеря репутации и связей» ($p = 0,03$).

По аналогии с оценкой источников угроз в группе больных стенокардией оценка ведущего опасения («проблемы со здоровьем, тяжелые болезни») существенно отличается от среднего ($M = 4,0$ при среднем по всем последствиям $M = 2,95$, т.е. на 36 %) в сравнении с группой больных с пороками сердца ($M = 4,5$ при среднем по всем последствиям $M = 3,75$, т.е. на 20 %).

Таблица 4

Оценки усилий по предупреждению негативных последствий реализации угроз личной безопасности среди больных с разными ССЗ (по 5-балльной шкале)
[Table 4. Prevention efforts of negative consequences of threats in patients with different cardiovascular diseases by 5-point scale]

Негативные последствия реализации угроз	Все	Больные с ИБС	Больные с ППС	p
1. Потеря сбережений и имущества	3,98	3,45	4,50	0,04
2. Потеря источников дохода	3,88	3,50	4,25	> 0,05
3. Утечка личной информации	3,28	2,40	4,15	< 0,01
4. Потеря репутации и связей	3,30	2,55	4,05	0,01
5. Потеря трудоспособности	4,05	3,60	4,50	0,04
6. Потеря близких людей или отношений с ними	3,85	3,40	4,30	> 0,05
7. Потеря прав и свобод личности (свобода передвижения, свобода доступа к информации и т.п.)	3,43	2,90	3,95	> 0,05
8. Проблемы со здоровьем, тяжелые болезни	4,33	4,05	4,60	> 0,05
9. Потеря комфорта, привычного образа жизни	3,60	3,15	4,05	> 0,05
10. Психологические проблемы (потеря уверенности в себе, утрата желания жить и т.п.)	3,58	3,00	4,15	0,03
Среднее	3,73	3,2	4,25	> 0,05

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что усилия по предупреждению реализации опасений также выше в группе больных с пороками сердца ($M = 4,25$), чем в группе больных стенокардией ($M = 3,2$), и снова менее дифференцированы (разброс средних значений оценок между различными опасениями в группе больных с ИБС 1,65, а в группе больных с пороками сердца 0,65). По целому ряду опасений обнаружены статистически значимые различия, в том числе по опасению «психологические проблемы» ($p = 0,03$).

Таблица 5

Оценка страхов среди больных стенокардией и пороками сердца
[Table 5. Score of fears in patients with IHD and heart defects]

Страхи	Все	Больные с ИБС	Больные с ППС	<i>p</i>
1. Страх пауков и змей	4,63	5,10	4,15	> 0,05
2. Страх темноты	3,63	2,80	4,45	> 0,05
3. Страх сумасшествия	5,58	4,75	6,40	> 0,05
4. Страх болезни близких	6,95	7,00	6,90	> 0,05
5. Страх преступности	4,88	5,05	4,70	> 0,05
6. Страх начальства	4,43	4,05	4,80	> 0,05
7. Страх изменений в личной жизни	5,80	4,60	7,00	0,04
8. Страх ответственности	5,88	5,50	6,25	> 0,05
9. Страх старости	5,33	5,70	4,95	> 0,05
10. Страх за сердце	5,45	6,05	4,85	> 0,05
11. Страх бедности	4,73	5,25	4,20	> 0,05
12. Страх перед будущим	4,88	4,15	5,60	> 0,05
13. Страх перед экзаменами	5,48	4,45	6,50	0,03
14. Страх войны	6,50	6,20	6,80	> 0,05
15. Страх смерти	5,10	4,45	5,75	> 0,05
16. Боязнь замкнутых пространств	4,33	3,10	5,55	0,01
17. Страх высоты	5,78	5,35	6,20	> 0,05
18. Страх глубины	6,13	5,30	6,95	> 0,05
19. Страх перед негативными последствиями болезней близких людей	6,43	6,55	6,30	> 0,05
20. Страх заболеть каким-либо заболеванием	4,80	4,60	5,00	> 0,05
21. Страхи, связанные с половой функцией	3,08	3,40	2,75	> 0,05
22. Страх самоубийства	2,43	1,65	3,20	> 0,05
23. Страх перед публичными выступлениями	4,05	3,40	4,70	> 0,05
24. Страх агрессии по отношению к близким	3,05	3,00	3,10	> 0,05
Среднее	4,97	4,64	5,29	> 0,05

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

По результатам оценки распространенных страхов (табл. 5) усредненный показатель по группе больных с пороками сердца выше ($M = 5,29$), чем по группе больных стенокардией ($M = 4,64$). При этом отметим, что здесь разница в средних меньше, чем в оценках источников угроз и последствий их реализации. Одновременно отметим, что по своим относительным значениям оценки страхов ниже, чем оценки угроз (см. рисунок).

Статистически значимые различия между группами больных с ИБС и больных с пороками сердца обнаружены по следующим показателям: «страх изменений в личной жизни» ($p = 0,04$), «страх перед экзаменами» ($p = 0,03$), «боязнь замкнутых пространств» ($p = 0,01$).

Оценки отдельных страхов в группе больных стенокардией ближе к нормативным оценкам здоровых людей (согласно данным наших предыдущих исследований (Иванов, Яницкий, 2015)). Так, для них наиболее сильными являются «страх перед болезнями близких» ($M = 7,0$) и «страх перед негативными последствиями болезней близких» ($M = 6,55$). Для больных с пороками сердца основными явля-

ются «страх изменений в личной жизни» ($M = 7,0$), «страх глубины» ($M = 6,95$), «страх болезни близких» ($M = 6,9$) и «страх войны» ($M = 6,8$).

Отметим, что отдельно представленный в опроснике «страх за сердце» является для больных ССЗ одним из основных, его показатель ($M = 6,05$) выше среднего по страхам для данной группы ($M = 4,64$). В группе же больных с пороками сердца «страх за сердце» является относительно малозначимым, его оценки ($M = 4,85$) ниже средних по страхам для данной группы ($M = 5,29$).

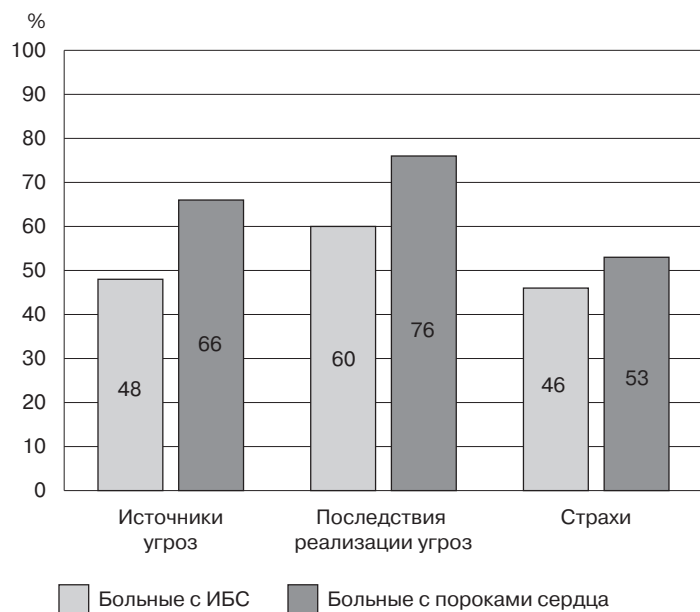

Рисунок. Относительные показатели оценки угроз, опасений и страхов в исследуемых группах
[**Figure.** Relative values of the threats, negative consequences of threats and fears in the studied groups]

Обсуждение результатов

В настоящее время существует необходимость изучения таких психологических характеристик, с помощью которых можно было бы точнее определять психологическое состояние личности пациентов, страдающих ССЗ, и одновременно доступных для оказания психокоррекционного воздействия. Одной из таких характеристик у пациентов с ССЗ может выступать отношение к личной безопасности.

По результатам проведенного исследования у больных ССЗ выявлена напряженность системы отношения к личной безопасности, проявляющаяся в повышении показателей угроз, страхов и опасений, что, вероятно, выступает психологическим фактором болезни. Повышение показателей наблюдается по оценкам серьезности угроз и усилий, прилагаемых для их предупреждения. Можно утверждать, что опасения определяют адекватное поведение и конструктивную деятельность по предупреждению угроз при возникновении серьезного кардиологического заболевания. Результаты показали высокую чувствительность изучаемых характеристик к психическому состоянию у больных ССЗ и их более высокий потенциал по сравнению со здоровыми людьми. Принимая во внимание тот факт, что отношение к личной безопасности является личностной структурой, полу-

ченные результаты позволяют предположить связь наблюдаемого явления не только с ситуативным повышением тревожности на фоне переживания болезни, но и с более глубокими и устойчивыми процессами, сопряженными с изменениями личности под влиянием тяжелого соматического состояния.

В ходе исследования были обнаружены существенные различия в отношении к личной безопасности у больных с разными кардиологическими заболеваниями. У больных с пороками сердца усредненные значения по разным показателям отношения к личной безопасности выше и менее дифференцированы, чем у больных стенокардией. Наблюдается повышение как по угрозам, связанным с заболеванием, так и по угрозам, не связанным напрямую с болезнью, например угрозам, исходящим от «преступников и террористов», опасениям, связанным с потерей сбережений и имущества. Структура страхов у пациентов с пороками сердца также не вполне адекватна заболеванию и внутренне не согласована. Так, ведущими страхами у них выступают «страх изменений», «страх глубины», при этом «страх за сердце» выражен слабее относительно средней выраженности по всем страхам в группе, чем среди больных стенокардией. Все это может свидетельствовать о преобладании эмоциональных оценок над рациональными, сниженной адекватности в оценке собственного состояния, а следовательно, и снижении возможностей выработки и реализации эффективных стратегий совладания и переживания болезни.

У больных стенокардией наблюдаются повышенные оценки в основном по угрозам и опасениям, напрямую связанным с заболеванием — основным источником угрозы воспринимается свой собственный организм, основным негативным последствием реализации угрозы — ухудшение состояния здоровья, одним из основных страхов — страх за сердце. Такое отношение к личной безопасности на фоне болезни представляется более адекватным — сохраняется высокая дифференциация в отношении к разным угрозам, опасениям и страхам, не связанные напрямую с болезнью последствия вызывают относительно невысокие опасения, что наблюдается и у здоровых людей (согласно данным предыдущих исследований). В структуре страхов повышен «страх за сердце», что также нормально при ССЗ. Это позволяет охарактеризовать отношение к личной безопасности у больных стенокардией как в целом нормальное, адекватное реагирование психики на заболевание, проявляющееся в актуализации рациональных опасений за свое здоровье и активизации усилий по их предупреждению.

Заключение

В проведенном исследовании опасения и страхи изучены как элементы системы отношения к личной безопасности у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. Результаты показывают, что система отношения к личной безопасности значимо различается у пациентов с ИБС и пациентов с пороками сердца. У пациентов с ИБС восприятие угроз и опасностей в целом находится в пределах нормы, за исключением повышения по некоторым позициям, логично связанным с переживанием кардиологического заболевания. Пациенты с пороками сердца характеризуются существенным повышением страхов и опасений, касающихся как собственного здоровья, так и окружающего мира, их систему отношения к

личной безопасности можно определить как слабо дифференцированную и перенапряженную. Они декларируют более высокую готовность прилагать усилия по предотвращению реализации своих опасений по сравнению с пациентами с ИБС. Таким образом, исследованием показано, что отношение к личной безопасности является значимой психологической характеристикой, связанной с протеканием сердечно-сосудистых заболеваний. Оценка отношения к личной безопасности позволяет лучше понять динамику психических изменений у пациентов со стенокардией и пороками сердца и выбрать дифференцированную тактику психологического сопровождения. Актуализация отношения к личной безопасности посредством самоанализа конкретных источников угроз и связанных с ними опасений позволит пациентам, страдающим ССЗ, лучше осмыслить ситуацию болезни, идентифицировать образ «Я в болезни», выработать рациональные и действенные стратегии содействия лечению и дальнейшей жизни.

С учетом результатов данного исследования специалистам, занимающимся психологическим сопровождением больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, можно дать следующие *практические рекомендации*.

1. Включить элементы описанной в данной статье диагностики отношения к личной безопасности в программу психологической диагностики больных ССЗ. Это позволит контролировать параметры отношения к личной безопасности, имеющие как самостоятельное значение для диагностики и коррекции психических состояний и психологических проблем больного, так и выступающие диагностическими критериями адаптации в ситуации болезни, особенностей переживания и отношения к болезни в целом.

2. Проводить психотерапевтическую работу в части системы отношения к личной безопасности у больных при выявлении завышенных показателей по угрозам и опасениям, особенно не имеющих прямого отношения к болезни. Психотерапевтическая работа может состоять в совместном с больным раскрытии его отношения к личной безопасности, прояснении того, что именно является источником угроз в представлении больного и какие последствия может вызывать реализация этих угроз. Воссоздание в сознании картины субъективного отношения к угрозам, опасениям и страхам в систематизированной форме уже может позволить больному самостоятельно увидеть неадекватно завышенные оценки, отделить разумные опасения от иррациональных страхов. Такая работа может способствовать выявлению и других психологических проблем, а также иметь самостоятельный терапевтический эффект, содействовать снижению неадекватно завышенных оценок угроз и опасений, актуализации способности и готовности противодействовать им как элементов общей стратегии психологического переживания болезни.

Список литературы

Василенко Т.Д. Роль социально-психологических факторов в изменении временной организации личности в ситуации хронического соматического заболевания // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 3. С. 75—79.

- Гартфельдер Д.В., Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю.* Клинико-психологические характеристики личности больных сердечно-сосудистыми заболеваниями в связи с задачами профилактики // *Вестник Кыргызско-российского славянского университета.* 2014. Т. 14. № 4. С. 60—62.
- Еремина Д.А., Круглова Н.Е., Щелкова О.Ю., Яковлева М.В.* Психологические основы повышения эффективности восстановительного лечения больных ИБС после коронарного шунтирования // *Вестник СПбГУ. Серия 12: Социология.* 2014. № 1. С. 54—68.
- Краснянская Т.М.* Психология самообеспечения безопасности. *Пятигорск: Изд-во ПГЛУ,* 2009. 279 с.
- Иванов М.С.* Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2015. № 3—3 (63). С. 128—133.
- Иванов М.С., Яницкий М.С.* Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность // *Психология отношений в постнеклассической парадигме.* Белово: Изд-во филиала КузГТУ; Велико-Тырново: Изд-во Великотырновского ун-та «Св. Кирилла и Мефодия». 2015. С. 54—69.
- Костоусов А.Г., Утюганов А.А., Яницкий М.С., Иванов М.С.* Представления о безопасности у курсантов военного вуза и ценностно-смысловые предикторы их сформированности // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета.* 2017. № 5. С. 37—54.
- Лубинская Е.И.* Клиническая и социально-экономическая эффективность многопрофильной реабилитации больных ишемической болезнью сердца, перенесших плановое коронарное шунтирование: дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2013.
- Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю.* Психосоциальные риски и ресурсы при сердечно-сосудистых заболеваниях // *Вестник психиатрии и психологии Чувашии.* 2014. № 10. С. 109—130.
- Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю.* Психотерапия и психологическая помощь больным сердечно-сосудистыми заболеваниями // *Вестник психиатрии и психологии Чувашии.* 2015. Вып. 11 (1). С. 57—76.
- Сидоров К.Р.* Тревожность как психологический феномен // *Вестник Удмуртского университета.* Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 2. С. 42—52.
- Щербатых Ю.В., Ивлева Е.И.* Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж: Истоки, 1998. 282 с.
- Hebert E.A., Dugas M.J., Tulloch T.G., Holowka D.W.* Positive beliefs about worry: A psychometric evaluation of the Why Worry-II // *Personality and Individual Differences.* 2014. Vol. 56. Pp. 3—8. doi: 10.1016/j.paid.2013.08.009
- Ivanov M.S.* Life Strategies of Personal Security // *Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference “Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential”.* Krasnoyarsk: Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University Publ., 2017. Pp. 485—493. doi: 10.20333/2541-9315-2017-485-493
- Ivanov M.S., Seryi A.V., Yanitskiy M.S.* Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS.* Vol. XXXV. 2018. Pp. 1187—1196. doi: 10.15405/epsbs.2018.02.140
- Katsarou A.L., Triposkiadis F., Panagiotakos D.* Perceived stress and vascular disease: where are we now? // *Angiology.* 2013. Vol. 64. No. 7. Pp. 529—34. doi: 10.1177/0003319712458963
- Llera S.J., Newman M.G.* Rethinking the role of worry in generalized anxiety disorder: Evidence supporting a model of emotional contrast avoidance // *Behavior Therapy.* 2014. Vol. 45. Pp. 283—299. doi: 10.1016/j.beth.2013.12.011

- Niessen C., Jimmieson N.L. Threat of resource loss: The role of self-regulation in adaptive task performance // *Journal of Applied Psychology*. 2016. Vol. 101. No. 3. Pp. 450—462. doi: 10.1037/apl0000049
- Pervichko E., Zinchenko Y., Martynov A. Epa-0581 — long-term integrative psychotherapy of anxiety disorders in mitral valve prolapse patients: the factors of mental health improvement // *European Psychiatry*. 2014. Vol. 29. No. 1. P. 1.
- Prins J.M., Hospers H.J., van Breukelen G.J.P. Self-regulatory processes mediate the intention-behavior relation for adherence and exercise behavior // *Health Psychology*. 2012. Vol. 31(6). Pp. 695—703.
- Sweeny K., Dooley M.D. The surprising upsides of worry // *Social and Personality Psychology Compass*. 2017. Vol. 11. doi: 10.1111/spc3.12311
- Vogt J., Koster E.H.W., De Houwer J. Safety First: Instrumentality for Reaching Safety Determines Attention Allocation Under Threat // *Emotion*. 2017. Vol. 17. No. 3. Pp. 528—537. doi: 10.1037/emo0000251
- White C.N., Skokin K., Carlos B., Weaver A. Using decision models to decompose anxiety-related bias in threat classification // *Emotion*. 2016. Vol. 16. No. 2. Pp. 196—207. doi: org/10.1037/emo0000109

© Иванов М.С., Солодухин А.В., Помешкина С.А., Серый А.В., Яницкий М.С., Горбунова Е.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 10 сентября 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Иванов М.С., Солодухин А.В., Помешкина С.А., Серый А.В., Яницкий М.С., Горбунова Е.В. Опасения и страхи в системе отношения к личной безопасности у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15. № 4. С. 458—472. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-458-472

Сведения об авторах:

Иванов Михаил Сергеевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологических наук, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия). E-mail: ivanov.mikail@gmail.com

Солодухин Антон Витальевич — лаборант-исследователь лаборатории нейрососудистой патологии, Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: mein11@mail.ru

Помешкина Светлана Александровна — доктор медицинских наук, заведующая лабораторией реабилитации, научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: swetlana.sap2@mail.ru

Серый Андрей Викторович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологических наук, Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия). E-mail: avgrey@yahoo.com

Яницкий Михаил Сергеевич — доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологических наук, директор Социально-психологического института Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Горбунова Елена Владимировна — доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории нарушений ритма сердца и электрокардиостимуляции Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, заведующая поликлиникой Кемеровского областного клинического диспансера им. академика Л.С. Барбараша (Кемерово, Россия). E-mail: e.v.gorbunova@yandex.ru

Worries and Fears in the System of Attitudes to Personal Security of Patients with Cardiovascular Diseases

**Mikhail S. Ivanov¹, Anton V. Solodukhin^{1,2}, Svetlana A. Pomeskina²,
Andrey V. Seryy¹, Mikhail S. Yanitsky¹, Elena V. Gorbunova²**

¹ Kemerovo State University

6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation

² Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases

6 Sosnovyj Blvd, Kemerovo, 650002, Russian Federation

Abstract. This paper presents the results of studying the psychological aspects of attitudes to personal security of patients with coronary artery disease (CAD) and heart defects. The research involved 40 patients aged 45 to 81 years (47.5 % male, 52.5 % female): 20 patients with ischemic heart disease with stable angina and 20 patients with acquired heart defects. In the course of the research conducted with the help of the techniques based on subjective scaling, the attitudes to personal security, including the sources of threats, the consequences of the realization of threats and the assessment of efforts on the counteraction to these threats, posing in the author's theoretical model as the components of the system of the attitudes to personal security, have been studied. The results show that in the patients with heart diseases, the assessments for a variety of threats, the consequences of their realization and the efforts on the counteraction to them are significantly higher, than in the patients with CAD. In general, the estimates for all the parameters in the group of the patients with CAD were closer to the estimates of healthy people, obtained in the previous studies. In the patients with heart defects, characterized by a greater duration and disease severity, the results of the indicators of the attitudes to personal security, in general, are higher and less differentiated. The conclusion is made that the attitudes to personal security as a part of the system of the psychological attitudes in general, can act as a diagnostic criterion and the indicator of the efficiency of the adaptation in cardiovascular diseases and also can be an independent target of the correctional work in a psychological consultation and psychotherapy of the patients with cardiovascular diseases. In the conclusion the recommendations for the experts who are engaged in the psychological help to the patients with cardiovascular diseases in diagnostic and correctional work with the attitudes to personal security are formulated.

Key words: psychology of personal security, attitudes to personal security, worries, fears, cardiac ischemia, stenocardia, cardiovascular disease, heart defects, psychological support

References

- Eremina, D.A., Kruglova, N.E., Shchelkova, O.Yu., & Yakovleva, M.V. (2014). Psikhologicheskiye osnovy povysheniya effektivnosti vosstanovitel'nogo lecheniya bolnykh IBS posle koronarnogo shuntirovaniya. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*, (1), 54—68. (In Russ.)
- Hartfelder, D.V., Nikolaev, E.L., & Lasareva, E.Yu. (2014). Clinical and psychological personality traits in cardiovascular patients in connection with problems of prevention. *Vestnik Kyrgyzskoye-kossyyskogo slavyanskogo Universiteta*, (4), 60—62. (In Russ.)

- Hebert, E.A., Dugas, M.J., Tulloch, T.G., & Holowka, D.W. (2014). Positive beliefs about worry: A psychometric evaluation of the Why Worry-II. *Personality and Individual Differences*, 56, 3—8. doi: 10.1016/j.paid.2013.08.009
- Ivanov, M.S. (2015). Obespecheniye lichnoy bezopasnosti kak problema psikhologii zhiznennogo puti samorealizatsii i identichnosti lichnosti. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(63), 128—133. (In Russ.)
- Ivanov, M.S. (2017). Life Strategies of Personal Security. *Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference on Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential* (pp. 485—493). Krasnoyarsk: Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University Publ. doi: 10.20333/2541-9315-2017-485-493
- Ivanov, M.S., Seryi, A.V., & Yanitskiy, M.S. (2018). Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. Vol. XXXV. doi: 10.15405/epsbs.2018.02.140
- Ivanov, M.S., & Yanitskiy, M.S. (2015). Otnosheniye k lichnoy bezopasnosti: ponyatiye, struktura, tsennostnaya variativnost. *Psikhologiya otnosheniy v postneklassicheskoy paradigme* (pp. 54—69). Belovo: KuzGTU Publ.; VelikoTarnovo: St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo Publ.
- Katsarou, A.L., Triposkiadis, F., & Panagiotakos, D. (2013). Perceived stress and vascular disease: where are we now? *Angiology*, 64(7), 529—534. doi: 10.1177/0003319712458963
- Kostousov, A.G., Utyuganov, A.A., Yanitskiy, M.S., & Ivanov, M.S. (2017). Predstavleniya o bezopasnosti u kursantov voyennogo vuza i tsennostno-smyslovyye prediktory ikh sformirovannosti. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (5), 37—54. (In Russ.)
- Krasnyanskaya, T.M. (2009.) *Psikhologiya samoobespecheniya bezopasnosti*. Pyatigorsk: PGLU Publ. 279 p. (In Russ.)
- Llera, S. J., & Newman, M. G. (2014). Rethinking the role of worry in generalized anxiety disorder: Evidence supporting a model of emotional contrast avoidance. *Behavior Therapy*, (45), 283—299. doi: 10.1016/j.beth.2013.12.011
- Lubinskaya, E.I. (2013). *Sotsialno-ekonomicheskaya effektivnost mnogoprofilnoy reabilitatsii bolnykh ishemicheskoy boleznuyu serdtsa, perenesshikh planovoye koronarnoye shuntirovaniye*: Ph.D. in Medicine Thesis. Saint Petersburg.
- Niessen, C., & Jimmieson, N.L. (2016). Threat of resource loss: The role of self-regulation in adaptive task performance. *Journal of Applied Psychology*, 101(3), 450—462. doi: 10.1037/apl0000049
- Nikolayev, E.L., & Lazareva, E.Yu. (2014). Psikhosotsialnyye riski i resursy pri serdechno-sosudistyykh zabolevaniyakh. *Vestnik psikhiiatrii i psikhologii Chuvashii*, (10), 109—130. (In Russ.)
- Nikolayev, E.L., & Lazareva, E.Yu. (2015). Psikhoterapiya i psikhologicheskaya pomoshch bolnym serdechno-sosudistymi zabolevaniyami. *Vestnik psikhiiatrii i psikhologii Chuvashii*, 11(1), 57—76.
- Pervichko E., Zinchenko Y., Martynov A. (2014). Epa-0581 — long-term integrative psychotherapy of anxiety disorders in mitral valve prolapse patients: the factors of mental health improvement. *European Psychiatry*, 29(1).
- Prins, J.M., Hospers, H.J., & van Breukelen, G.J.P. (2012). Self-regulatory processes mediate the intention-behavior relation for adherence and exercise behavior. *Health Psychology*, 31(6), 695—703.
- Shcherbatykh, Yu.V., & Ivleva, E.I. (1998). *Psikhofiziologicheskiye i klinicheskiye aspekty strakha, trevogi i fobiy*. Voronezh: Istoki Publ. 282 p. (In Russ.)
- Sidorov, K.R. (2013). Trevozhnost kak psikhologicheskyy fenomen. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, (2), 42—52. (In Russ.)

- Sweeny, K., & Dooley, M.D. (2017). The surprising upsides of worry. *Social and Personality Psychology Compass*, (11). doi: 10.1111/spc3.12311
- Vasilenko, T.D. (2010). Rol sotsialno-psikhologicheskikh faktorov v izmenenii vremennoy organizatsii lichnosti v situatsii khronicheskogo somaticheskogo zabolovaniya. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnyye nauki*, (3), 75—79. (In Russ.)
- Vogt, J., Koster, E.H.W., & De Houwer, J. (2016). Safety First: Instrumentality for Reaching Safety Determines Attention Allocation Under Threat *Emotion*, 17(3), 528—537. doi: 10.1037/emo0000251
- White, C.N., Skokin, K., Carlos, B., & Weaver, A. (2016). Using decision models to decompose anxiety-related bias in threat classification. *Emotion*, 16(2), 196—207. doi: 10.1037/emo0000109

Article history:

Received: 10 September 2018

Revised: 5 October 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Ivanov, M.S., Solodukhin, A.V., Pomeshkina, S.A., Seryy, A.V., Yanitskiy, M.S., & Gorbunova, E.V. (2018). Worries and Fears in the System of Attitudes to Personal Security of Patients with Cardiovascular Diseases. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 458—472. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-458-472

Bio Notes:

Mikhail S. Ivanov — Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Psychological Sciences Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: ivanov.mikail@gmail.com

Anton V. Solodukhin — laboratory researcher, Laboratory of Neurovascular Pathology, Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Disease (Kemerovo, Russia). E-mail: mein11@mail.ru

Svetlana A. Pomeshkina — MD, Head of the Rehabilitation Laboratory of Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Disease (Kemerovo, Russia). E-mail: olgalet17@mail.ru

Andrey V. Seryy — Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, Professor of the Psychological Sciences Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: avgrey@yahoo.com

Mikhail S. Yanitskiy — Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, Head of the Psychological Sciences Department, Director of the Socio-Psychological Institute of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Elena V. Gorbunova — MD, leading researcher of the Laboratory of Heart Rhythm Disturbances and Electrocardiostimulation, Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Disease, Head of the Polyclinic of the Kemerovo Regional Clinical Dispensary named after Academician L.S. Barbarash (Kemerovo, Russia). E-mail: e.v.gorbunova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-473-487

УДК 159.9.072.422

Механизмы психологической защиты осужденных с повторной преступностью

Б.Г. Бовин

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России
Российская Федерация, 119991, Москва, Житная ул., 14

Рецидивная преступность в России на протяжении многих лет остается стабильной и составляет не менее 50 %. За редким исключением, реабилитационные программы не оказывают существенного влияния на рецидивизм. После освобождения профессиональный преступник вновь возвращается к прежней криминальной деятельности, и все идет по порочному кругу. Предполагается, что сверхнормативное или дефицитарное функционирование психологических защит в определенной мере препятствует исправительному воздействию и является тормозом психологического развития этого контингента. Исходя из концепции психологических защит, разработанной Анной Фрейд, под психологическими защитами нами понимаются механизмы, направленные на достижение согласованности внутреннего мира и реалистического приспособления субъекта к окружающему миру для избегания аффекта в конкретной ситуации.

В исследовании принимали участие лица мужского пола, неоднократно судимые по различным статьям УК РФ, т.е. осужденные-рецидивисты, находящиеся в различных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Объем выборки — 381 человек (в возрасте от 25 до 55 лет).

Для диагностики использовался тест-опросник Life Style Index (LSI), созданный Р. Плутчиком и предназначенный для измерения основных механизмов психологических защит, связанных с восьмью базисными эмоциями в соответствии с психоэволюционной теорией эмоций. Согласно этой теории, психологические защиты понимаются как производные базисных эмоций, для сдерживания которых и развиваются защитные механизмы в процессе онтогенеза.

В результате исследования выявлен наиболее примитивный и наименее осознаваемый **проективный** механизм защиты; обсуждается стратегия коррекции этой фиксированной защиты, опирающаяся на идеи гештальт-терапии.

Ключевые слова: психологические механизмы защиты, осужденные, фиксация защит, отрицание, подавление, проекция, интеллектуализация, гештальт-терапия, психотехнологии

Введение

Попытка коррекционного воздействия на личность осужденных встречает сопротивление последних, причем это справедливо и для тех случаев, когда они сами обращаются за психологической помощью. Здесь можно говорить о том, что имеет место действие психологического механизма защиты (бессознательных действий человека) от опасностей различного толка, с которыми он сталкивается. Изучению механизмов защиты посвящены классические работы Анны Фрейд, а также труды других представителей психоаналитической ориентации (Лейбин,

2006; Фрейд, 2018; Cramer, 2015). Возникновение психоанализа было связано с необходимостью изучения природы бессознательных процессов. В этой связи психоанализ воспринимался главным образом в качестве психологии «Оно». Зигмунд Фрейд обратил внимание на необходимость изучения не только этой структуры личности, но и «Я». Анна Фрейд сосредоточилась на детальном изучении структуры «Я», особенно на защитных операциях, т.е. механизмах образования бессознательного содержания и недопущения его в сознательное «Я». Психоаналитическая психология «Я» нацелилась на изучение психологических защит и использование соответствующих знаний для возвращения ранее вытесненного и изолированного в сознание. Причем существенная часть «Я», являющаяся бессознательной, осуществляет эту защиту (Лейбин, 2006; Фрейд, 2018). Задача психоаналитика осуществить анализ бессознательных защитных операций «Я».

Психологические механизмы защиты, по мнению исследователей, направлены на *избегание страданий, устранение неприятного состояния*, отрицание *болезненных переживаний*, достижение согласованности внутреннего мира, реалистического приспособления субъекта к окружающему миру, достижение благополучия в конкретной ситуации (Колесникова, Дебольский, 2014; Лейбин, 2006; Самовичев, 2001; Самосознание и защитные..., 2016; Лапланш, Понталис, 1996; Фрейд, 2018).

Механизмы защиты обеспечивают интеграцию «Я», избавляют индивида от рассогласованности побуждений и амбивалентности чувств, устраняют тревогу и напряженность, подготавливают к более эффективным способам переживания, способствуют совладанию с жизненными проблемами. Наряду с этим стоит отметить, что существуют и негативные стороны защитных механизмов, заключающиеся, в частности, в искажении восприятия реальности, самообмане, патологической активности. Механизмы защиты оказываются ригидными, вынужденными, произвольными, действующими без учета долговременной перспективы. Можно сказать, что цели психологической защиты, если и достигаются, то ценой регрессии, самообмана, даже невроза.

Анализ литературы позволяет говорить о том, что механизмы защиты онтогенетически развиваются как способы компромиссного сосуществования индивида и социальной реальности (Лапланш, Понталис, 1996; Лейбин, 2006; Самосознание и защитные..., 2016; Cramer, 2015). Если течение процесса социализации на ранних этапах развития индивида по каким-либо причинам нарушается, то это ведет к ненормативному функционированию защит, порождающему невротическое или девиантное поведение. Психологическая защита представляет собой ряд специфических приемов переработки представлений, нейтрализующих их болезненное воздействие на сознание (Лейбин, 2006; Самосознание и защитные..., 2016). Защита является нормальным и постоянно применяемым психологическим механизмом в процессе адаптации к сложным и неустанно меняющимся условиям среды. Способность к психологической защите выражена у разных людей в различной степени. Если у одних индивидов адекватная защита помогает избежать аффекта, то при сверхнормативном функционировании защит проявляется неспособность приспособительного поведения. Очень часто эти лица используют деструктивные формы защитного поведения, проявляющиеся в насильственных

действиях, преступности, сексуальных перверзиях, суицидах (Лапланш, Понталис, 1996; Лейбин, 2006; Самосознание и защитные..., 2016). Подобное поведение является следствием фиксированных структур защит, сформированных в процессе первоначальной адаптации, возможно, в раннем детстве или в подростковом возрасте (Романова, Гребенников, 1996). К наиболее примитивным и онтогенетически ранним психологическим защитам относится механизм проекции, входящий в разряд наиболее неосознаваемых, действующих автоматически и часто способствующих криминальному развитию личности.

Можно предположить, что существует связь между ненормативным функционированием механизмов защиты и девиантным поведением. Отклоняющееся поведение можно рассматривать как попытку неэффективной адаптации индивида в социуме с помощью фиксированной структуры защит.

Следует отметить, что рецидивная преступность, если учитывать две и более судимости, составляет свыше 50 % и является достаточно стабильной (Бовин, Трубецкой, Чернышкова, 2015; Психологические основы..., 2014), однако отмечается возрастание тяжести совершенных преступлений. Можно сказать, что вместо процесса исправления идет процесс дальнейшей криминализации осужденного (Бартол, 2004; Блэкборн, 2004; Toch, 2014). За редким исключением, реабилитационные программы в целом не оказывают существенного влияния на рецидивизм. После освобождения профессиональный преступник вновь возвращается к прежней криминальной деятельности, и все идет по *порочному кругу*.

Нет сомнений в том, что проблема рецидивной преступности является многофакторной, требующей участия в ее изучении юристов, педагогов, психологов, социологов и представителей других областей знания. Однако в настоящей работе попытаемся рассмотреть психологические аспекты рецидивизма через призму специфики психологических механизмов защиты осужденных.

Возможно, что сверхнормативное или дефицитное функционирование психологических защит в определенной мере препятствует исправительному воздействию и является тормозом психологического развития индивида. Анализ этого предположения и посвящена настоящая работа.

Процедура и методы

Цель исследования заключалась в анализе психологических механизмов защиты осужденных с повторной преступностью.

В исследовании участвовали лица мужского пола, неоднократно судимые по различным статьям УК РФ. Объем выборки составил 381 человек (в возрасте от 25 до 55 лет), находящихся в различных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

Мы исходили из предположения о том, что существование защит дает возможность косвенного измерения уровней внутриличностного конфликта, при этом дезадаптированные индивиды должны использовать психологические защиты в большей степени, чем адаптированные.

Основным методом исследования явился опросник Life Style Index (LSI), созданный Р. Плутчиком, Г. Келлерманом и Х.Р. Контом (Davidson, MacGregor, 1998;

Plutchik, 1984). Этот психодиагностический инструмент предназначен для измерения основных механизмов психологических защит, связанных с восьмью базисными эмоциями в соответствии с психоэволюционной теорией эмоций Р. Плутчика (Conte, Apter, 1995; Cramer, 2015). С точки зрения этой концепции психологические защиты понимаются как производные базисных эмоций, онтогенетически развившиеся для их сдерживания (Gendreau, Coggin, 2014; Plutchik, 1984), другими словами, механизмы защиты являются последовательным искажением когнитивной и аффективной составляющих образа реальной ситуации с целью ослабления эмоционального напряжения, угрожающего индивиду (Plutchek, 1984; Plutchek, 2001). Русскоязычный вариант опросника был разработан Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенниковым, кроме того, ими были разработаны нормы для субшкал опросника, полученные на выборке в количестве 90 человек (Романова, Гребенников, 1996). Эти нормативные данные использовались нами для сравнения и оценки уровня защит в группе осужденных (для статистической обработки применялись методы описательной статистики и t-критерий Стьюдента).

Кроме того, использовалось стандартизованное интервью, направленное на выявление состояния здоровья осужденного, совершенных преступлений, социально-демографической информации (уровня образования и пр.).

Результаты исследования

Результаты диагностики механизмов психологических защит осужденных, полученные в нашем исследовании, в сравнении с нормативными данными представлены в таблице.

Таблица

Показатели уровня психологических защит, полученные с помощью опросника LSI, в эмпирической и нормативной выборках

[Table. Mean and standard deviation of level of psychological defenses obtained by Life Style Index questionnaire in the empirical and normative samples]

Механизмы психологической защиты	Эмпирическая выборка (381 человек)		Выборка стандартизации (90 человек)		Значение t-критерия Стьюдента
	Среднее значение (баллы)	Стандартное отклонение	Среднее значение (баллы)	Стандартное отклонение	
Отрицание	7,69	2,30	6,82	2,44	3,07**
Подавление	5,89	2,20	5,17	2,33	2,67*
Регрессия	6,02	2,89	6,06	2,89	0,12
Компенсация	4,46	2,10	5,19	2,13	6,13***
Проекция	9,14	2,53	7,04	2,64	6,86***
Замещение	6,41	2,96	5,82	2,84	1,76
Интеллектуализация	8,42	2,24	7,50	2,17	3,60***
Реактивное образование	4,64	2,27	4,80	2,19	0,88

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

Результаты исследования психологических защит, используемых осужденными, показывают статистически значимое отличие среднего уровня защитных механизмов осужденных-рецидивистов от результатов нормативной выборки по большинству изученных защит (см. табл.).

Такие защиты, как *отрицание* ($M = 7,69$ и $SD = 2,3$ — в случае осужденных и $M = 6,82$ и $SD = 2,44$ — в случае нормативной выборки), *подавление* ($M = 5,89$ и $SD = 2,20$ — в случае осужденных и $M = 5,17$ и $SD = 2,33$ — в случае нормативной выборки), *проекция* ($M = 9,14$ и $SD = 2,53$ — в случае осужденных и $M = 6,82$ и $SD = 2,44$ — в случае нормативной выборки), наконец — *интеллектуализация* ($M = 8,42$ и $SD = 2,24$ — в случае осужденных и $M = 7,50$ и $SD = 2,14$ — в случае нормативной выборки) у осужденных функционируют сверхнормативно, особенно высокий уровень отмечается у *проективной* защиты осужденных. В то же время механизм *компенсации* у осужденных выражен на уровне ниже среднего (сравним: $M = 4,46$ и $SD = 2,10$ — в случае осужденных и $M = 5,19$ и $SD = 2,13$ — в случае нормативной выборки).

Механизмы *регрессии*, *замещения* и *реактивного образования* в выборке осужденных не отличаются от уровня психологических защит в нормативной выборке.

Обсуждение результатов исследования

Осмыслим полученные результаты через призму специфики функционирования психологических механизмов защиты, которые отличают осужденных от нормативной выборки. Сначала обратимся к механизмам, функционирующим на сверхнормативном уровне.

Онтогенетически *отрицание* является наиболее ранним и примитивным механизмом защиты. Его суть сводится к непризнанию, отказу, опровержению некоторой реальности. Это особая форма сопротивления индивида, когда вытесненные из сознания неприемлемые желания, мысли, чувства, эмоции вновь становятся осознанными и требовательными, и индивид, защищаясь от аффекта, отрицает и не признает их содержанием собственного сознания. Этот механизм можно метафорически уподобить *закрыванию глаз* на реальное положение дел, с которым индивид не может справиться (Лейбин, 2006; Лапланш, Понталис, 1996).

Можно говорить о том, что, например, у ВИЧ-положительных осужденных механизм *отрицания* проявляется как особая форма психологического сопротивления, когда человек не признает у себя наличия угрозы для здоровья, тем более что на первых этапах зараженность ВИЧ-инфекцией не проявляет себя каким-либо соматическим неблагополучием. Более того, имеющиеся болезненные ощущения у лиц, принимающих антиретровирусную терапию, с абсолютной уверенностью приписываются побочным действиям лекарств, а не болезни, что приводит к отказу от лечения и появлению предвзятой информации среди осужденных о «неправильном» лечении, отсутствии нужных лекарств, недостаточной квалификации медицинских работников, а то и злом умысле (Бовин, Казберов, 2014).

Механизм *отрицания* на первых порах после известия о наличии ВИЧ-инфекции может быть полезным, так как ослабляет вероятную стрессовую реакцию и дает время на переработку информации и принятие определенных действий (получить подробную информацию о заболевании, пройти повторное обследование, обратиться за консультацией к специалисту и т.д.). Однако впоследствии он затрудняет адаптацию к реальным жизненным условиям и возникшим проблемам. Если не преодолеть его, то индивид может не принять те ограничения и социальную ответственность, что налагаются на ВИЧ-инфицированного больного. Защищаясь от аффекта, индивид отрицает и не признает смертельной опасности последствий ВИЧ-инфицирования (Бовин, Казберов, 2014).

В поведении осужденного механизм *отрицания* может проявляться в демонстративности, хвастовстве, отсутствии самокритичности, лживости, склонности к симуляции и истерическими реакциями. Этими же особенностями психологической защиты объясняется отрицание вины, отсутствие раскаяния и оправдание своего криминального поведения.

Подавление, в отличие от *отрицания*, является психологическим механизмом, направленным на исключение из сферы сознания тех мыслей, эмоций или влечений, которые вызывают беспокойство, тревогу, страх, стыд, чувство вины. Это механизм работы сознания, т.е. подавление воспоминаний о неприятных событиях, тяжелых периодах жизни индивида, например его асоциальных поступках. Этот механизм действует избирательно, направлен на воспоминания, которые могут повторно фрустрировать личность (Лапланш, Понталис, 1996; Самосознание и защитные..., 2016). В поведении осужденного эта защита может выглядеть как своего рода злопамятность, мстительность, обостренное чувство несправедливости, враждебность, упрямство, нетерпимость к возражениям и критике в свой адрес.

Интеллектуализация являет собой еще один психологический механизм защиты, с помощью которого индивид стремится выразить в дискурсивном виде (будь то и внутренняя дискуссия с самим собой) свои конфликты и аффективные состояния с целью овладеть оными. В этом процессе своего рода *абстрактное мудрствование*, а порой и резонерство преобладают над переживанием. Вместо реальных действий по устранению тревоги и страхов индивид фиксируется на абстрактных рассуждениях и иррациональных представлениях, стремясь избавиться от фрустрации. Интеллектуализация, несомненно, может быть рассмотрена как полезный механизм в том случае, если она не выражена сверхнормативно или дефицитарно (Романова, Гребенников, 1996).

Механизм *интеллектуализации* зачастую используется ВИЧ-положительными осужденными уже на сознательном уровне. Он помогает нейтрализации и устранению тревоги и страха путем абстрактных суждений и резонерства. В этом случае дискуссия с самим собой снижает остроту аффективного напряжения. Однако это мудрствование заставляет больного откладывать лечение на более «благоприятные» периоды будущей жизни: «когда освобожусь, тогда и буду заниматься лечением», в исправительном учреждении «лечение невозможно, так как...», либо приводит к философско-фаталистическим воззрениям: «а что есть жизнь», «все равно умирать», «так и должно было случиться» и т.д. (Бовин, Казберов, 2014).

Осужденные с фиксированным механизмом *интеллектуализации* оставляют впечатление холодных, лишенных эмоционального компонента, отчужденных и дистанцированных личностей. Они не способны принимать решения, подменяют действия «умственной жвачкой», склонны к обману и самооправданиям. У них легко могут возникать различные фобии, ритуальные и навязчивые действия.

Проекция в максимальной степени отличает выборку осужденных от нормальной выборки (t -критерий = 6,86, $p < 0,001$), что позволяет говорить о проекции как о ведущем психологическом механизме, используемым осужденными в процессе адаптивного поведения и разрешения конфликтов внутреннего и внешнего плана.

Проекция является в наибольшей степени, по сравнению с остальными защитами, бессознательным механизмом. Его действие таково, что собственные неприемлемые мысли, желания, влечения, чувства автоматически приписываются другим людям, таким образом осуществляется защита себя от осознания этих черт в себе. Механизм проекции развивается на ранней стадии онтогенеза для сдерживания чувства неприятия себя и окружающих как результат эмоционального отвержения с их стороны. Приписывание окружающим различных негативных качеств создает рациональную основу для их неприятия и самопринятия на этом фоне. Субъект приписывает другим людям такие побуждения и мотивы, которые не осознает и не замечает в самом себе. Таким образом он переносит фокус внимания с собственного бессознательного на другого человека, достигая тем самым понимания другого, что сопровождается непониманием самого себя (Самосознание и защитные..., 2016). В этой связи очень трудно, а порой и невозможно, преодолеть или опровергнуть проекцию как искаженное представление о себе, связанное с непониманием существующих отношений. В определенном смысле проекция представляет собой «выбрасывание» вовне того, что субъект не хочет признавать в себе, а затем вновь обнаруживает выброшенное во внешнем мире. Поскольку проективная защита возникает по отношению к неприемлемым, отрицательным чувствам и желаниям, другие люди при этом воспринимаются как имеющие агрессивные, угрожающие и враждебные намерения. В патологических случаях возможно возникновение сверхценных идей преследования, всеобщей несправедливости или собственного величия. Проекция в значительной степени способствует формированию паранойяльной личности. По мнению В. Райха, защитным механизмом проекции может быть даже вся структура характера человека (Самосознание и защитные..., 2016).

Компенсация является более поздним и когнитивно сложным защитным механизмом, который, как правило, используется сознательно для преодоления чувств печали, горя, утраты, физического недостатка, ощущения комплекса неполноценности. Компенсация является попыткой возмещения неполноценности и нахождения замены утраченного. При этом у индивида формируется установка на глубокую работу над собой, нахождение замены, преодоление трудностей и стремление к высоким достижениям в заменяющей деятельности. Проявление компенсации можно видеть там, где физические или личностные качества ощущаются как неполноценность, что заставляет людей прилагать значительные усилия, чтобы как-то компенсировать действительные или мнимые недостатки.

Как позволяют утверждать результаты исследования, у осужденных этот защитный механизм функционирует дефицитарно, является одним из самых неразвитых и не играет значительной роли в процессе адаптивного поведения в местах лишения свободы. Причем исследуемая категория осужденных склонна приписывать вину в своих бедах и несчастьях другим людям или обстоятельствам.

В ходе стандартизованного интервью с осужденными на вопрос о том, в большей степени виноват в потере ими свободы, в 52 % ответов вина проецировалась на правоохранительные органы, друзей, тяжелые условия жизни, стечение обстоятельств, семью, школу, женщин, алкоголь или на самого потерпевшего от насилия. Иными словами, виновато окружение, но не сам осужденный. Лишь 48 % испытуемых приписывали вину себе.

Эмпирическое исследование осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления и имеющих по несколько судимостей, показало, что значительная их часть в подростковом периоде состояла на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних за хулиганство, участие в драках, употребление алкоголя и наркотиков, мелкие кражи, бродяжничество, попрошайничество, совершение преступлений. Почти половина из них имела черепно-мозговые травмы, предпринимала попытки самоповреждения и суицида (резаные раны, удушения, отравления, проглатывания инородных предметов). Подобное развитие говорит в пользу того, что имеет место ненормативное функционирование защит, приводящее к невротическому и девиантному поведению.

Психологическая защита, изначально предназначенная для адаптации, приводит к деструктивным поступкам и дезадаптации личности. Многие исследователи пришли к выводу о том, что норма и патология психологических защит зависят от того, сумел ли индивид на определенных этапах онтогенеза реализовать базисные психологические потребности или они блокировались (Самосознание и защитные..., 2016).

Этими базисными потребностями являются: потребность в безопасности, свободе и автономии, успехе и эффективности, признании и самоопределении. В случае блокирования — специфические механизмы защиты используются сверхнормативно, что может приводить к неэффективной адаптации в социальном окружении, внутренним и внешним конфликтам.

Результаты исследования психологических защитных механизмов этой категории осужденных показали, что сверхнормативное функционирование характерно для **механизма проекции**, который относится к примитивным непродуктивным, невротическим формам защитного поведения, препятствующим развитию личности и свидетельствующим об отказе от самореализации. Механизм проекции с самого начала функционирует на бессознательном уровне, действует автоматически и поэтому практически не поддается сознательному регулированию даже у развитой личности. Доминирование проективной защиты у осужденных не позволяет им осознать собственную вину в совершенном преступлении. У некоторых осужденных, похоже, весь мир находится в заговоре против них. Преодоление такой фиксированной защиты самостоятельно едва ли возможно.

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о том, что в случае осужденных с повторной преступностью имеет место сверхнормативное функ-

ционирование таких психологических механизмов защиты, как отрицание, подавление, проекция и интеллектуализация, а механизм компенсации функционирует дефицитарно. Остальные механизмы — регрессия, замещение, реактивное образование — не обнаруживают различий с нормативной выборкой. Эти результаты говорят в пользу изначального предположения.

Практические рекомендации

Как отмечалось выше, в большинстве случаев реабилитационные программы едва ли оказывают существенное влияние на рецидивизм. После освобождения профессиональный преступник, как правило, вновь возвращается к прежней деятельности. Полученные в настоящем исследовании результаты позволяют нам сформулировать некоторые соображения относительно психокоррекционного воздействия.

Многие методы психокоррекционного воздействия оказываются недостаточно эффективными из-за невозможности сделать механизм проекции сознательным процессом и преодолеть искаженное представление о реальных отношениях (Бовин, Казберов, 2014; Психологические основы..., 2016).

При проведении психокоррекционных мероприятий с этой категорией осужденных психологу необходимо воздержаться от порицания, похвалы или других форм эмоционального реагирования. Иначе возможен перенос на психолога чувств, представлений, оценок и эмоциональных отношений, спроецированных ранее на «враждебное окружение» (Психологические основы..., 2016).

Коррекционное воздействие должно в определенные благоприятные моменты показать осужденному разницу между субъективно искаженной в результате проекции реальностью и неоспоримыми фактами.

Психолог должен ознакомиться с многочисленными жизненными ситуациями осужденного и попытаться найти общий знаменатель, связанный с проективным механизмом, приведший осужденного к негативным последствиям и дезадаптивному поведению. Причем это должно относиться как к событиям в условиях лишения свободы, так и в период, предшествующий совершению преступления.

В процессе психологической коррекции осужденный должен неожиданно обнаружить взаимосвязь обоих событий с их общим знаменателем — механизмом проекции. Он должен также пережить, эмоционально отреагировать на этот так называемый интеллектуальный инсайт аффектом (тревогой, чувством вины, облегчением и т.п.), что послужит признаком эффективности коррекционного вмешательства. В дальнейшем вместе с психологом осужденный может заметить и проанализировать сходные проекции знакомых людей (родных, друзей, других осужденных). Под воздействием интеллектуального и эмоционального «инсайтов» осужденный сможет по-новому, в намеченном корректирующем направлении, реагировать на сложные ситуации (Справочник..., 2007).

В психокоррекционной работе значительное место должно занимать формирование позитивного самовосприятия у осужденного и развитие положительно-

го отношения к себе. Осужденному необходимо научиться воспринимать себя как человека, обладающего когнитивным потенциалом, умеющего анализировать свои чувства, мысли, поведение, принимать на себя ответственность за выбор, касающийся целей в жизни. Он должен научиться не оправдывать свое поведение внешними обстоятельствами и не перекладывать вину на других, а признавать собственную ответственность за все, что произошло и происходит с ним, и принимать самостоятельные решения. Другими словами, необходимо изменение Я-концепции в позитивном направлении.

Следует заметить, что изменение Я-концепции — достаточно трудный и сложный процесс, встречающий сопротивление лица, которому оказывается психологическая помощь. Существует мнение, что, даже обращаясь за помощью, невротик «держится за свой симптом», боясь потерять пусть и тревожное, но привычное психическое состояние. Определенную помощь в проведении психологической коррекции могут оказать разработанные в рамках гештальт-терапии приемы, упражнения, техники (Таланов, Малкина-Пых, 2005).

К основным процедурам гештальт-терапии относятся: *расширение осознания, интеграция противоположностей, усиление внимания к чувствам, работа с фантазиями, принятие ответственности, преодоление сопротивления* (Справочник..., 2007).

Расширение осознания включает упражнения, направленные на осознание того, что входит в понятия внутренней и внешней среды. Свое осознание внутренней среды необходимо проговаривать, сосредоточившись на ощущениях от внутренней среды, которые происходят «здесь и теперь». Затем необходимо сосредоточить внимание на внешних стимулах и рассказать об ощущениях, идущих из внешнего мира (звуки, запахи, осязание предметов и т.д.). В процессе коррекции необходимо продемонстрировать осужденному и осознать различие понятий «внутреннее» (свое) и «внешнее» (чужое, другое).

Интеграция противоположностей предполагает обучение человека «осознанию» своих противоречивых качеств и чувств, которые сопровождают борьбу этих противоположностей. В одном человеке часто сочетаются пассивность и агрессивность, конформность и независимость, рационализм и альтруизм, робость и смелость и т.п. Особенно это характерно для подростков. Очень важно, чтобы осужденный осознал свои противоречивые качества, а главное, осознал чувства, которые сопровождают борьбу этих противоположностей.

Усиление внимания к чувствам достигается с помощью упражнений, позволяющих осознавать свои чувства непрерывно. В обычных условиях люди, как правило, прерывают процесс осознания, как только возникают неприятные переживания, которые они пытаются подавить, вытесняя из сознания и тем самым накладывая на себя путы незаконченных, неотреагированных действий. Необходимо помочь осужденному завершить травмирующий его гештальт, чтобы преодолеть власть прошлого.

Работа с фантазиями заключается в исследовании человеком своих фантазий. Фантазии представляют собой наиболее спонтанную продукцию, очень часто искажаемую при обычном рассказе о своих достоинствах и недостатках. Каждый фрагмент фантазии (мечты) — это отчужденный фрагмент собственной личности.

Для того чтобы вновь присвоить его себе, необходимы перенос фантазии на реальную почву и идентификация мечты со своей личностью.

Принятие ответственности за самих себя связано с таким широко распространенным явлением, как неспособность индивида полностью принять на себя ответственность за свои чувства, мысли, поступки; другими словами, неспособность принять ответственность за свое «Я». В гештальт-терапии эту неспособность называют «дырами в личности». Человек проецирует неприятные для него чувства вовне только тогда, когда не в состоянии осознать их в самом себе. Гештальт-терапия помогает преодолеть механизм проекции с помощью изменения средств коммуникации и структуры языка.

Преодоление сопротивления в гештальт-терапии, в отличие от психоанализа, не рассматривается в качестве барьера, который нужно разрушить и одолеть. Сопротивление — это прежде всего нежелание индивида осознать свои негативные чувства. Целью техник гештальт-терапии является преобразование сопротивления в процессе осознания самого себя. Сопротивление может проявляться в мышечном напряжении, неестественной позе, изменении голоса, поверхностном, неритмичном дыхании. В процессе проведения упражнений индивид начинает дышать глубже и ритмичнее, в результате чего снимается «мышечный корсет», у человека появляется понимание того, что это сопротивление как раз и скрывало те чувства, которые он избегал осознать и которые особенно нуждаются в осознании.

Работа с *проекцией* основана на предположении о том, что мы сами создаем свою жизнь и, восстанавливая свою причастность к ней, обретаем возможность изменять свое окружение, мир, судьбу. Когда проекция сформировала параноидальную самозащиту, появляются серьезные трудности. Любые предложения поновому использовать свои личные качества и принять ответственность вызывают сильнейшее сопротивление. Совладание с проективным материалом защиты происходит только при поддержке психолога и установлении доверия; в противном случае изменений может и не произойти.

Заключение

Стабильность рецидивной преступности на протяжении десятилетий показывает, что исправительная и реабилитационная работа с этим контингентом не приносит ощутимых результатов. Существует достаточно жесткая сопротивляемость процедурам воздействия. По нашему мнению, в основе сопротивляемости могут лежать психологические механизмы защиты, сформированные в процессе онтогенеза и защищающие личность от аффективных переживаний.

Нами было предпринято эмпирическое исследование, целью которого являлся анализ психологических механизмов защиты осужденных с повторной преступностью.

Полученные результаты позволяют сделать выводы, согласно которым в случае осужденных с повторной преступностью имеет место сверхнормативное функционирование таких психологических механизмов защиты, как отрицание, подавление, проекция и интеллектуализация, а механизм компенсации функцио-

нирует дефицитарно. Остальные механизмы — регрессия, замещение, реактивное образование — не обнаруживают различий с нормативной выборкой.

На основе полученных результатов в работе предложены некоторые техники гештальт-терапии, способствующие осознанию вытесненного внутриличностного конфликта.

Список литературы

- Бартол К.* Психология криминального поведения. М.: Олма-пресс, 2004. 352 с.
- Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004. 495 с.
- Бовин Б.Г., Казберов П.Н.* Организация и проведение психокоррекционной работы с осужденными // Исправление осужденных / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ФСИН, 2014. С. 59—70.
- Бовин Б.Г., Трубецкой В.Ф., Чернышкова М.П.* Психология профессионального преступника и возможности психокоррекционного вмешательства в его личность. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2015. 180 с.
- Колесникова А.И., Дебольский М.Г.* Особенности копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости, состоящих на учете, как склонные к суициду // Психология и право. 2014. № 4. С. 34—45. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73016.shtml> (дата обращения: 28.10.2018).
- Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 627 с.
- Лейбин В.* Постнеклассический психоанализ. Энциклопедия. Т. 2. М.: Территория будущего, 2006. 568 с.
- Психологические основы исправления осужденных / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: НИИ ФСИН России, 2016. 135 с.
- Романова Е.С., Гребенников Л.Р.* Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи: Талант, 1996. 144 с.
- Самосознание и защитные механизмы личности / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2016. 656 с.
- Самовичев Е.Г.* Бессознательные мотивы преступного поведения // Юридическая психология / сост. Т.Н. Курбатова. СПб.: Питер, 2001. С. 119—139.
- Справочник практического психолога: психотерапия / сост. С.Л. Соловьева. М.: АСТ, 2007. 575 с.
- Таланов В.Л., Малкина-Пых И.Г.* Справочник практического психолога. М.: ЭКСМО, 2005. 928 с.
- Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы. СПб.: Питер, 2018. 160 с.
- Conte H.R., Apter A.* The Life Style Index: A self-report measure of ego defenses // Publication series of the Department of Psychiatry of Albert Einstein College of Medicine of Yeshiva University. No. 10. Ego defenses: Theory and measurement / ed. by H.R. Conte & R. Plutchik. Oxford: John Wiley and Sons, 1995. Pp. 179—201.
- Cramer P.* Defense mechanisms: 40 years of empirical research // Journal of Personality Assessment. 2015. Vol. 97. No. 2. Pp. 114—122.
- Davidson K., MacGregor M.W.* A critical appraisal of self-report defense mechanism measures // Journal of Personality. 1998. Vol. 66. No. 6. Pp. 965—992.

Gendreau P., Goggin C. Practicing psychology in correctional settings // The handbook of forensic psychology / ed. by I.B. Weiner, R.K. Otto. New Jersey: John Wiley and Sons, 2014. Pp. 759—793.

Plutchik R. Emotions: A general psycho-evolutionary theory // Approaches to emotion / ed. by K.R. Scherer, P. Ekman. Hillsdale: Erlbaum, 1984. Pp. 197—219.

Plutchik R. The nature of emotions // *American Scientist*. 2001. Vol. 89. No. 4. Pp. 344—350.

Toch H. Organizational change through individual empowerment : Applying social psychology in prisons and policing. Washington: American Psychological Association, 2014. doi: 10.1037/14373-000

© Бовин Б.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 19 октября 2018 г.

Принята к печати: 10 ноября 2018 г.

Для цитирования:

Бовин Б.Г. Механизмы психологической защиты осужденных с повторной преступностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 473—487. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-473-487

Сведения об авторе:

Бовин Борис Георгиевич — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Москва, Россия). E-mail: bovinbg@yandex.ru

Defense Mechanisms in Case of Repeat Offenders

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
14 Zhitnaya St., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. Recurrent crime in Russia over the years remains stable and is at least 50 %. With rare exceptions, rehabilitation programs do not have a significant impact on recidivism. After being released the professional criminals return to the previous criminal activity and everything goes in a vicious circle. It is assumed that the system of excessive or deficient functioning of defense psychological mechanisms, to a certain extent, interferes with corrective action and affects the psychological development of this type of offenders.

Based on the concept of psychological defense mechanisms developed by Anna Freud, we understand the psychological defense mechanisms aimed at achieving the consistency of the inner world and the realistic adaptation of the subject to the surrounding world in order to avoid affect in a particular situation.

The study involved males repeatedly convicted under various articles of the Criminal Code, i.e. convicted offenders who are in various correctional institutions of the penitentiary system of Russia. Sample size — 381 males (aged 25 to 55 years).

The diagnostic questionnaire used was the Life Style Index (LSI) test, created by R. Plutchik and intended to measure the basic mechanisms of psychological defenses associated with the eight basic emotions in accordance with the psycho-evolutionary theory of emotions. According to the theory, the defense mechanisms are understood as derivatives of the basic emotions, for the containment of which the defense mechanisms develop in the process of ontogenesis.

The study identified the most primitive and the least recognized projective defense mechanism. A strategy of correction of this fixed defense based on the ideas of gestalt therapy is discussed in the article.

Key words: psychological defense mechanisms, repeat offenders, fixation of defense, denial, suppression, projection, intellectualization, gestalt therapy, psychotechnologies

References

- Antonyan, Yu.M. (Ed.) (2016). *Psikhologicheskiye osnovy ispravleniya osuzhdennykh*. Moscow: NII FSIN Rossii Publ. 135 p. (In Russ.)
- Bartol, K. (2004). *Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya*. Moscow: Olma-press Publ. 352 p. (In Russ.)
- Blekborn, R. (2004). *Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya*. Saint Petersburg: Piter Publ. 495 p. (In Russ.)
- Bovin, B.G., & Kazberov, P.N. (2014). Organizatsiya i provedeniye psikhokorreksionnoy raboty s osuzhdennymi. In Antonyana, Yu.M. (Ed.). *Ispravleniye osuzhdennykh* (pp. 59—70). Moscow: FSIN Publ. (In Russ.)
- Bovin, B.G., Trubetskoy, V.F., & Chernyshkova, M.P. (2015). *Psikhologiya professional'nogo prestupnika i vozmozhnosti psikhokorreksionnogo vmeshatel'stva v yego lichnost'*. Tver': FKU NIIIT FSIN Rossii Publ. 180 p. (In Russ.)
- Conte, H.R., & Apter, A. (1995). The Life Style Index: A self-report measure of ego defenses. In Conte, H.R. & Plutchik, R. (Eds.). *Publication series of the Department of Psychiatry of Albert Einstein College of Medicine of Yeshiva University, No. 10. Ego defenses: Theory and measurement* (pp. 179—201). Oxford: John Wiley and Sons.
- Cramer, P. (2015). Defense mechanisms: 40 years of empirical research. *Journal of Personality Assessment*, 97(2), 114—122.
- Davidson, K., & MacGregor, M.W. (1998). A critical appraisal of self-report defense mechanism measures. *Journal of Personality*, 66(6), 965—992.
- Freyd, A. (2018). *Psikhologiya «Ya» i zashchitnyye mekhanizmy*. Saint Petersburg: Piter Publ. 160 p. (In Russ.)
- Gendreau, P., & Goggin, C. (2014). Practicing psychology in correctional settings. In Weiner, I.B. & Otto, R.K. (Eds.). *The handbook of forensic psychology* (pp. 759—793). New Jersey: John Wiley and Sons.
- Kolesnikova, A.I., & Debol'skiy, M.G. (2014). Osobennosti koping-strategiy osuzhdennykh s razlichnym urovnem zhiznestoykosti, sostoyashchikh na uchete, kak sklonnyye k suitsidu. *Psikhologiya i Pravo*, (4), 34—45. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73016.shtml> (accessed: 21.10.2018). (In Russ.)
- Laplansh, Zh., & Pontalis, Zh.-B. (1996). *Slovar' po psikhoanalizu*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. 632 p. (In Russ.)
- Leybin, V. (2006). *Postneklassicheskiy psikhoanaliz. Entsiklopediya*. Vol. 2. Moscow: Territoriya budushchego Publ. 568 p. (In Russ.)
- Plutchik, R. (1984). Emotions: A general psycho-evolutionary theory. In Scherer, K.R. & Ekman, P. (Eds.). *Approaches to emotion* (pp. 197—219). Hillsdale: Erlbaum.

- Plutchik, R. (2001). The nature of emotions. *American Scientist*, 89(4), 344—350.
- Raygorodsky, D.Ya. (Ed.) (2016). *Samosoznaniye i zashchitnyye mekhanizmy lichnosti*. Samara: Bakhrah-M Publ. 656 p. (In Russ.)
- Romanova, Ye.S., & Grebennikov, L.R. (1996). *Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity. Genezis. Funktsionirovaniye. Diagnostika*. Mytishchi: Talant Publ. 144 p. (In Russ.)
- Samovichev, Ye.G. (2001). Bessoznatel'nyye motivy prestupnogo povedeniya. In Kurbatova, T.N. (Ed.). *Yuridicheskaya psikhologiya* (pp. 119—139). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Solov'yeva, S.L. (Ed.) (2007). *Spravochnik prakticheskogo psikhologa: Psikhoterapiya*. Moscow: AST Publ. 575 p. (In Russ.)
- Talanov, V.L., & Malkina-Pykh, I.G. (2005). *Spravochnik prakticheskogo psikhologa*. Moscow: EKSMO Publ. 928 p. (In Russ.)
- Toch, H. (2014). *Organizational change through individual empowerment: Applying social psychology in prisons and policing*. Washington: American Psychological Association. doi: 10.1037/14373-000

Article history:

Received: 19 October 2018

Revised: 9 November 2018

Accepted: 10 November 2018

For citation:

Bovin, B.G. (2018). Defense Mechanisms in Case of Repeat Offenders. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 473—487. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-473-487

Bio Notes:

Boris G. Bovin — Ph.D. in Psychology, leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia). E-mail: bovinbg@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-488-499

УДК 159.9.075

Interference in Working Memory is not Displacement nor Competition — It is Limited Destruction

Regina V. Ershova¹, Eugen Tarnow²

¹ State University of Humanities and Social Studies
30 Zelenaya St., Kolomna, 140410, Russian Federation

² Avalon Business Systems, Inc.
18–11 Radburn Road, Fair Lawn, NJ 07410, USA

Abstract. Free recall of 499 Russian college students was measured using the Tarnow Unchunkable Test (Tarnow, 2014) consisting of sets of 3 and 4 double digit items. Most students can remember 3 items but not 4 items and when the 4th item is added the total recall decreases (Ershova & Tarnow, 2016a).

Here we describe the interference that results when adding the fourth item. First, we find that interference affects the items differently, evidence that working memory does not consist of identical “slots”; primacy is found to be an important stabilizer. We model the four item experiment as a superposition of the three item result and a perfectly recalled 1st or 4th item and find that the 4th position is affected 2.5 times as much as is the 1st position. Second, contrary to the displacement/competition theory, recall correlations of the added item with the old items (apparently reported for the first time in a free recall experiment) are typically positive. Third these correlations decay exponentially with item-item presentation distance and are symmetric with respect to time reversal. Small negative recall correlations only appear for subjects with the smallest working memory capacities. Third, also contrary to displacement/competition theory, the fourth item is the least likely to be recalled, thus there is not much need for it to displace the other items.

This creates a paradox: while displaying the N+1 item decreases the probability of recall of the N items, actually recalling the N+1 item is positively correlated with recalling the other N items: the N+1 item destroys some of the underlying memory system and then functions as a gauge of its own destruction.

Key words: interference, working memory, item-item correlations, serial position effect

Introduction

The brain contains a hundred billion neurons yet our working memory capacity (WMC) is limited to 3–7 items (Miller, 1956 and Cavanagh, 1972 and citations therein and thereof; a more recent work is Engle, 2002). If the reader attempts to remember four unrelated double digit integers (the Tarnow Unchunkable Test, TUT (Tarnow, 2014)), it is very probable that one or more of the previous integers vanish, no matter how hard the reader tries. This almost magical process of interference is the subject of this article.

Interference is a ubiquitous term of art. It can refer to task interference or memory interference or feature interference. It can refer to long term memory, short term memory or working memory. It can refer to the lessened ability of remembering items in a list if a previous list has been presented (Underwood, 1957) — the former list proactively

interferes with the latter list or the latter list retroactively interferes with the former list. It can also be a reason of forgetting, in long term memory or short term memory, often in competition with decay (Underwood, 1957; Waugh and Norman, 1965; Portrat et al., 2008; Baddeley, 2002), for example researchers argue that perhaps learning one more item then simply displaces an old item (Waugh and Norman, 1965), while others argue that there is competition (Underwood, 1957) — suggesting that the two items are competing for the same “slot” — we will refer to this as “displacement/competition theory”.

WMC is limited through interference (Waugh & Norman, 1965), in particular when items are similar (Deutsch, 1970) but this limit can be further limited by interference from other effects (May et al., 1999; Kane & Engle, 2000). Keppel & Underwood (1962) proposed that proactive interference in short term memory should act similarly to proactive interference in long term memory and showed that proactive interference increased with the number of previous items.

In this article we will investigate interference during the first stage (Tarnow, 2015) of short term memory, working memory. In particular we will study the interference effects of adding the 4th item to a list of three items, the 4th item being equivalent to the straw that breaks the camel’s back (perhaps a little similar to McCloskey & Cohen, 1989). We will describe the interference item by item, apparently a first in the field.

We will be able to determine whether working memory consists of identical “slots” or not. If it does, interference from the 4th item should affect the three previous items, supposedly kept in slots, the same way. We have previously provided evidence that working memory in the TUT consists of pointer collections rather than slots because the errors tend to preserve the base 10 position (Ershova & Tarnow, 2017a). One pointer in the pointer collection strays but the other pointer remains is a better description of the experimental result than the content of a slot is discarded.

We will also determine how the probability of remembering the 4th item correlates with the probability of remembering the previous items: if working memory consists of slots and the existing items are displaced by new items, the probability of remembering the 4th item should negatively correlate with the probability of remembering the previous items.

This work is an outgrowth of a study of internet addiction (Ershova et al., 2016) in which we wanted to discern whether there were any relationships of internet addiction with short term memory. The results we found, just studying the memory component alone of up to 500 teaching college students, were surprising. First, the more items displayed, the fewer items the average students remembered. This also showed that the subjects could not manage their working memory (if they could, they would have tried to ignore the fourth item and performed better) and that 25 % of subjects could not remember any items correctly at least in one of three 4 item tests and that the Pearson correlation between the 3 item and 4 item recalls was a relatively small 38 % (Ershova & Tarnow, 2016a). There were small differences between the genders: the possibility that the male/female ratio increases for low and high capacities was indicated, and we found that gender proportions in a field of study was a strong determinant of field WMC (Ershova & Tarnow, 2017b); within each academic field there were no gender differences.

The academic fields of the students were found to account for about 5 % (9 %) of the variance in the average WMC for the 3-item (4-item) test. WMC increased in the order vocational, kindergarten–5th grade, chemistry, mathematics, philology, psychology, history,

law, computer science, physics and sports. The future teaching level (kindergarten, grades 1—5, grades 6—12 and vocational) accounted for 2.2 % (5.5 %) of the variance in the 3-item (4-item) test. There were larger differences for students of different faculties with the sports faculty having the highest capacity and we, in a sense, created a new field — the study of WMC anthropology: we found that the university as an institution tended to admit students to fields with higher WMC (Ershova & Tarnow, 2017c).

By analyzing the errors made in the TUT experiments, we found that errors in just the ones or tens digits were overrepresented implying that the brain organizes double digit numbers in a base-10 fashion, and that the numerical factors 5 and 11 were underrepresented showing that additional base-10 properties were used to limit possible errors. The base-10 organization implies that there are separate memory maps for each position and that the items consist of pointer collections with pointers that can move primarily within these maps (Ershova & Tarnow, 2017a). These pointers make errors that are old 80 % of the times. We found working memory regularities which suggest that attention deficits and surpluses may be quantifiable in two parameters: the exponential increase in single errors as a function of the order of presentation and the number of consecutive double errors (Ershova & Tarnow, 2016b).

The TUT was also used to evaluate 122 elderly subjects in a memory clinic (Tarnow, 2017). In this sample TUT was found to be gender and culture independent with small dependencies on age and years of education. The 3-item test (but not the 4-item test) selected diagnosed Alzheimer's disease but not amnesic MCI or non-amnesic MCI. On average, diagnosed Alzheimer's disease was correlated with a loss of 0.6 memory pointer collections (out of an average of 2.6 pointer collections).

Method

Sample. 480 Russian undergraduate teaching college students of the State University of Humanities and Social Studies and 19 law students participated in the study for extra credit (67 % females and 33 % males, mean age 18.8 years). Each participant was tested individually in a quiet room. An experimenter was present throughout each session. One record was discarded — the student had only responded once out of a possible thirty times. We had no hypothesis about this research so we did not estimate the sample size needed in advance. The statistics reported includes the effect of the sample size. The sample size is relatively large (480 students each taking 3—6 tests).

Technique. The Tarnow Unchunkable Test (TUT) used in this study separates out the working memory (WM) component of free recall by using particular double-digit combinations which lack intra-item relationships (Tarnow, 2013). It does not contain any explicit WM operations. The TUT was given via the internet using client-based JavaScript to eliminate any network delays. The instructions and the memory items were displayed in the middle of the screen. Items were displayed for two seconds without pause (this limits rehearsal opportunity). The trials consisted of 3 or 4 items after which the subject was asked to enter each number remembered separately, press the keyboard enter button between each entry and repeat until all the numbers remembered had been entered. Pressing the enter button without any number was considered a “no entry”. The next trial started immediately after the last entry or after a “no entry”. There was no time limit for number entry. Each subject was given six three item trials and three four item trials

in which the items are particular double-digit integers. This is in excess of the standard 2 trials for the digit span test in the Wechsler scales.

In the standard digit span test single digits are used and these are easily chunked: 5 and 7 becomes 57. 5, 7 and 3 may become 573, or 5 and 73, or 57 and 3 or remain 5, 7 and 3; thus the “span” is either one, two or three — ill defined. The advantage of the TUT over the common digit span test is its relative unchunkability: because double digits are more specific than single digits merging them into a four digit number is more difficult — 65 and 23 does not easily chunk into 6523. Thus the number of items is better defined, and there are no WM chunking operations taking place and it is free recall so that order memory is not required.

The statistical package used to calculate correlation matrixes and recall averages was RapidMiner 8. Curve fitting and plots were done using Excel 2007. The effects of the 4th item were calculated using differences in averages.

Results

Separating out the effects of the 4th item on recall. To define the interference effects using the 3-item and 4-item data, we consider the 4-item data as a sum of the 3-item data and a perfect recall of a single item (figure 1, upper panel) and that interference is what occurs as the two data are combined (figure 1, lower panel). There are two ways to add a single item and a three-item group and both constructs are displayed in figure 1.

The first finding is that interference occurs for all items but that it varies for all the items (17–60 % — see lower panel). In other words, working memory does not consist of equivalent slots, equally sensitive to interference. In the left, lower panel proactive interference from the first three items onto the fourth item is very large; in the right, lower panel proactive interference from the first item affects all subsequent items but not in a monotonous pattern and it is not the largest for the closest item. Retroactive interference in the left lower panel is largest for the items closest to the interfering fourth item and less for items further away; in the right lower panel the retroactive interference from items 2–4 onto item 1 is relatively small. The ratio of interference on a single item if it is in the 4th position versus if it is the 1st position is 2.5; primacy provides stability.

To ensure that our result is not from averaging over many different individuals, we also considered two of the extremes. The results for just the highest performing and lowest performing faculties are shown in figure 2 — there is no qualitative difference between the two though the interference is larger for the vocational faculty subjects.

Recall correlations. What is the underlying mechanism of this interference? If interference is due to displacement or competition, the new item and an old item would not be recalled at the same time. If we calculate the correlations of the outcomes of recalls of a model system with items A and B and the two items never occur at the same time (B either displaces A, or A remains and B is not recalled) the correlation between A and B is -1 . We find that, in contrast, there are no negative correlations (see figure 3). The correlations decrease with inter-item distance, the same for both 3 and 4 items, and decay approximately exponentially with a conveniently remembered $1/e$ for each position. Surprisingly the correlations of the last item with the previous items is similar to the correlations of the first item with the consecutive items — the direction of time does not seem to be that important!

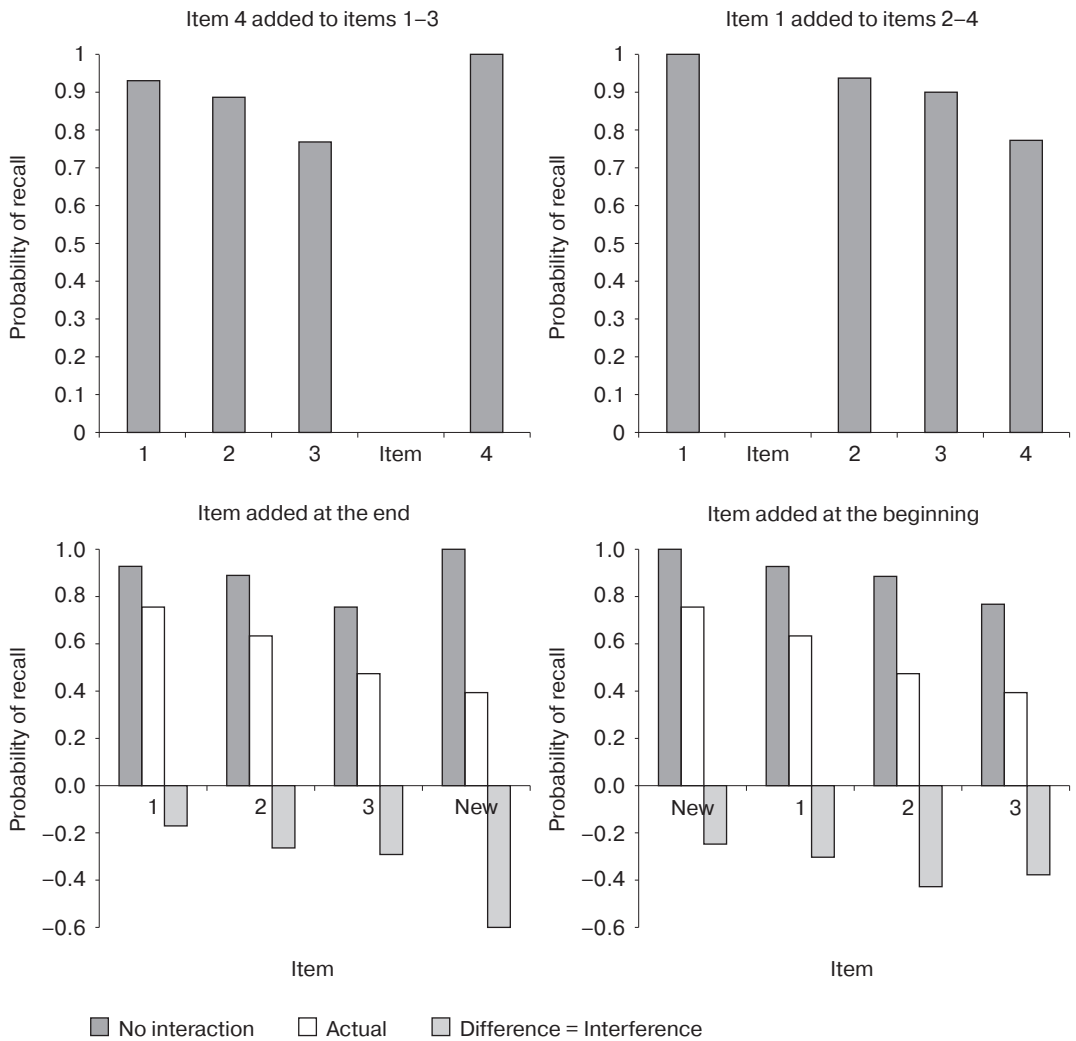

Figure 1. Interference calculated using either the 4th or 1st items as single items combined with the 3-item probabilities from the 3-item experiment. Upper panel symbolizes the two separate (“no interaction”) lists. Lower panel the experimental data from the interacting lists

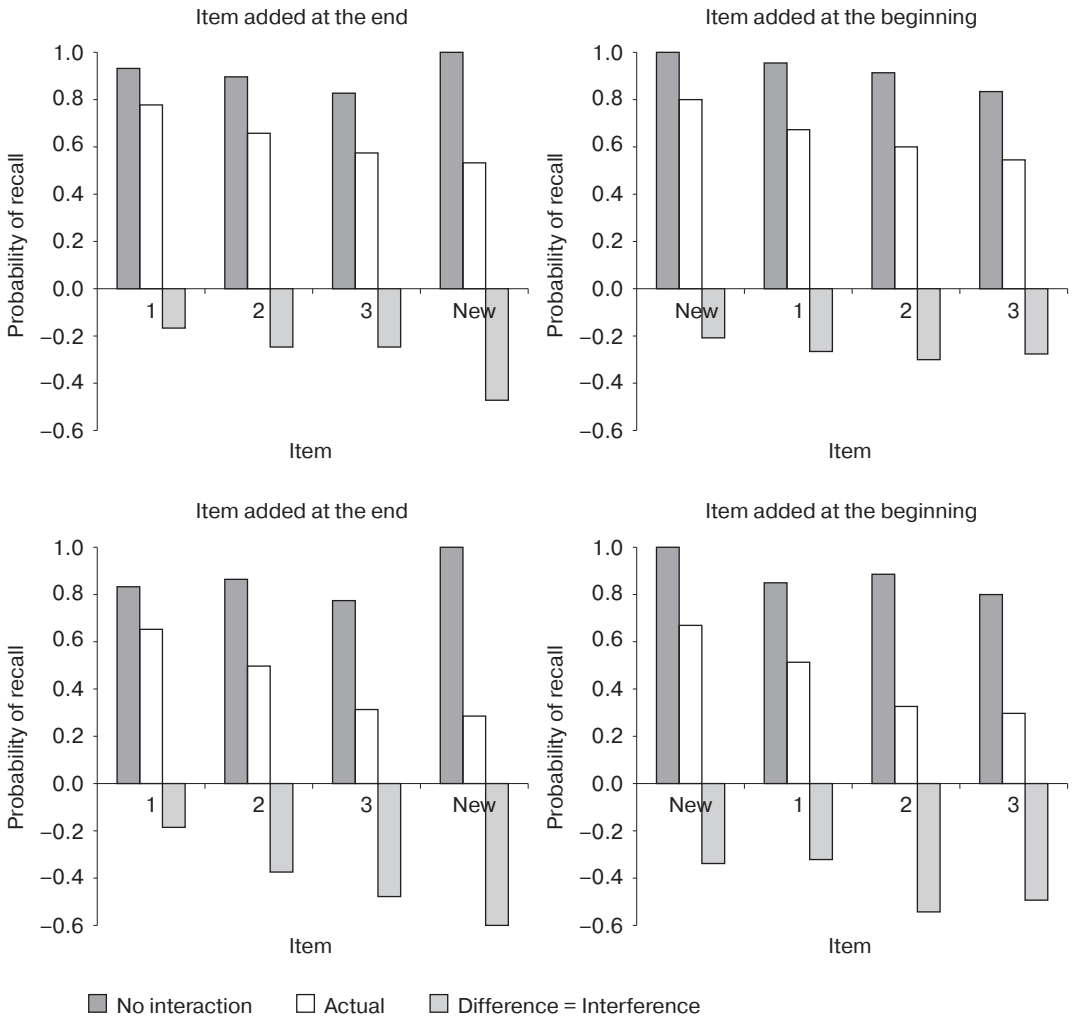

Figure 2. Interference calculated using either the 4th or 1st items as single items combined with the 3-item probabilities from the 3-item experiment. The upper panel includes subjects from the sports faculty and the lower panel includes subjects from the vocational faculty

The same results for the highest and lowest performing faculties are displayed in figure 4. The correlations decay more slowly for the sports faculty and more quickly for the vocational faculty subjects. For the latter there is a small negative correlation in the 4-item test and a zero correlation between the first and third items in the 3-item test.

Thus the interference effect from the display of the fourth item is a decreasing ability to support recall of any item though primacy offers some protection. The actual recall of the fourth item is not correlated with the displacement of other items or competition between items. Instead the recall of the fourth item is correlated with recall of the previous three items; and in effect functions as a gauge of its own destruction of the memories.

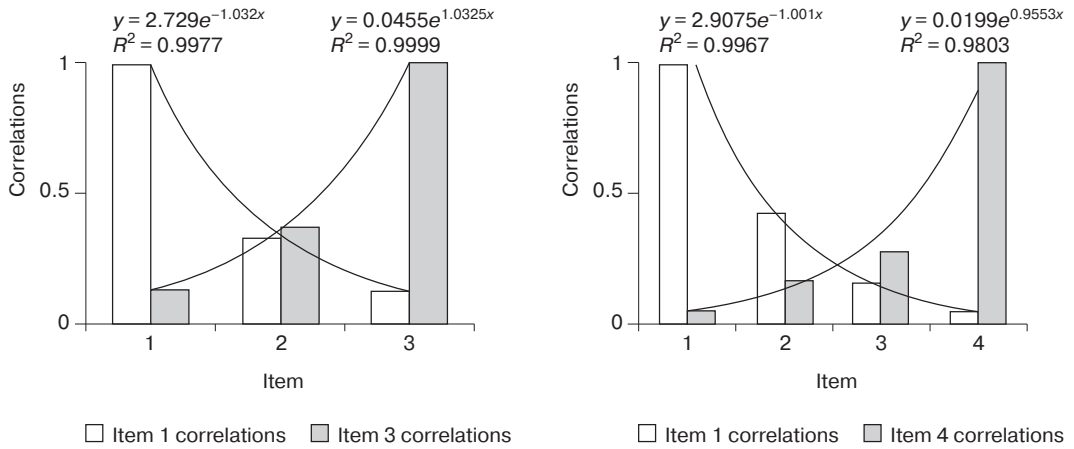

Figure 3. Average correlations of item recall probabilities. Note that the correlations are not negative, as would be the case if the new item substituted for an old item. Neither are they 0, rather they decay in an exponential fashion away from the probe item. The exponential decay is the same for the 3-item and 4-item experiments and is symmetric with respect to time reversal

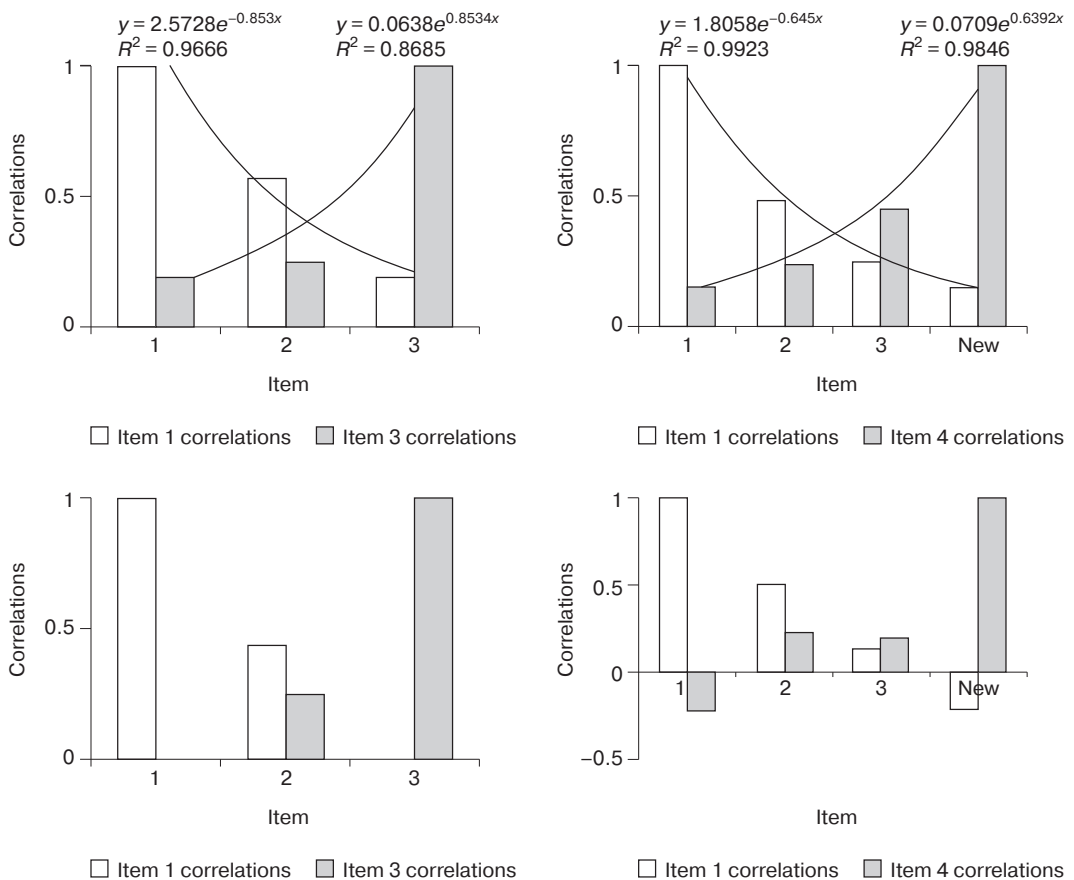

Figure 4. Average correlations of item recall probabilities for high performing sports (upper panel) and low performing vocational (lower panel) students

Discussion

We defined, apparently for the first time, the interference effects of an $N+1$ list item: the 4th item can be added at the end or at the beginning of the list and the interference effect on each item is the difference in recall with and without the 4th item.

First, we found that primacy provides stability. If we consider the 1st item as the new item it was the most likely to be recalled, if we consider the 4th item as the new item it was the least likely to be recalled.

Previously reported TUT serial position curves (Ershova & Tarnow, 2016a), suggested that interference by displacement was somewhat unlikely since the last item is the least recalled item (note: this absence of “recency” also occurs for short list immediate word free recall, see figure 1 in Ward et al, 2010). Here we went a step further and were able to prove that, for all but the lowest performing students, neither displacement nor competition occurs by examining the item-item correlations. For most students these correlations were positive, disproving displacement or competition mechanisms which should show negative correlations.

We have argued before that working memory slots do not exist — if they did they would have been common knowledge and named by now and, more particularly, errors in the TUT items show that there is overlap between the displayed items in memory — there are no isolated slots (Ershova & Tarnow, 2016b; Ershova & Tarnow, 2017a). In this article, by considering the recall differences between the 3-item results and the 4-item results we find that a more accurate description of the dynamics of working memory is that each display of an item lowers the probability of remembering the other items. Each displayed item causes a limited destruction (but not displacement nor competition) in working memory.

While displaying an item is correlated with lowered recalls for other items, the positive correlations show that recall of the item is typically correlated with higher recall for the other items. We interpret this result as recall of the item is indicative of a better functioning working memory. Surprisingly, the correlations were symmetric with respect to time reversal so as far as item-item correlations are concerned it does not matter which item was displayed first.

There is a current controversy whether visual working memory consists of slots (Zhang & Luck, 2008; Luck & Vogel, 2013) or a limited resource that can be shared between items in the visual scene (Bays & Husain, 2008; Ma et al., 2014). There are two well defined experiments that argue for the opposing views. If one displays six squares of different colors and then displays just one of the squares slightly shifted, all six squares remain in memory but the precision of the shift declines (Bays & Husain, 2008; for similar experiments see Alvarez & Cavanagh, 2004; Schneegans & Bays, 2016). If one, on the other hand, displays six squares of different colors and asks for the color of one of those squares, the subjects can only remember the color of three of those squares (Zhang & Luck, 2008).

The TUT data show features of the data on both sides. Just like adding a square causes the precision of the displacement of the squares to worsen, the 4th TUT item causes the probability of recall of the previous items to drop. But like adding a colored square does not increase the number of colored squares remembered, the 4th TUT item on average does not increase the number of items recalled (it often decreases it).

The TUT result is not covered by the theory of Fougne et al (2012) in which working memory capacity is limited by “a stochastic process of degradation that plays out independently across memories” — in our experiments the items are displayed in a particular order and the degradation depends on the order of display and primacy provides stability.

It would be interesting to see whether recalling the color of a square is positively or negatively correlated with the probability of recalling a color of another square in the experiment of Zhang & Luck (2008).

Conclusions

The current findings, that any item displayed causes limited destruction of working memory, and that a 4th item actually lowers overall recall, may be important for textbook design (if working memory content eventually translates into long term memory, see Baddeley, 2003; working memory training does not seem to translate into a better long term memory, see Melby-Lervåg et al., 2016; the method of loci which expands the capacity is not in general use, also suggesting a tenuous connection between WMC and learning). Presumably textbook design needs to include ways to deal with a limited WMC and here we only add that textbook design should include some experimentation as to just how many items in lists should be included. Perhaps it would be better to include many short lists rather than a few long lists: one additional list item may actually remove rather than add information.

References

- Alvarez, G. A., & Cavanagh, P. (2004). The capacity of visual short-term memory is set both by visual information load and by number of objects. *Psychological science*, 15(2), 106—111. doi: 10.1111/j.0963-7214.2004.01502006.x
- Baddeley, A. (2003). Working memory: looking back and looking forward. *Nature reviews neuroscience*, 4(10), 829. doi: 10.1038/nrn1201
- Baddeley, A. D. (2002). Is working memory still working? *European psychologist*, 7(2), 85. doi: 10.1027//1016-9040.7.2.85
- Bays, P. M., & Husain, M. (2008). Dynamic shifts of limited working memory resources in human vision. *Science*, 321(5890), 851—854. doi: 10.1126/science.1158023
- Benedet, M. J., & Alejandre, M. Á. (1998). *TAVEC: test de aprendizaje verbal España-Complutense*. Madrid: Tea.
- Crowder, R. G. (2014). The interference theory of forgetting in long-term memory. In *Principles of Learning and Memory* (pp. 234—279). Psychology Press.
- Deutsch, D. (1970). Tones and numbers: Specificity of interference in immediate memory. *Science*, 168(3939), 1604—1605. doi: 10.1126/science.168.3939.1604
- Engle, R. W. (2002). Working memory capacity as executive attention. *Current directions in psychological science*, 11(1), 19—23. doi: 10.1111/1467-8721.00160
- Ershova, R.V., & Semina, T.M. (2016). The personal traits of internet-addicted students. In *Digital society as a cultural and historical context of human development*, 123—128. (In Russ.)
- Ershova R.V., Semina T.M., Varchenko N.N., Gankin K.A., Novik V.P. (2016). The pupillometric predictor of internet-addiction. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 42—54.

- Ershova, R., & Tarnow, E. (2016a). Working Memory Capacity Test Reveals Subjects Difficulties Managing Limited Capacity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 14—19.
- Ershova, R. V., Tarnow, E. (2016b). Characterization of Working Memory Singlet Errors. *Penza psychological newsletter PSYCHOLOGY-NEWS.RU*, (2), 121—136.
- Ershova, R. V., Tarnow, E. (2017a). Working Memory Structure Revealed In Analysis Of Recall Errors. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(1), 17—25.
- Ershova, R., Tarnow, E. (2017b). Working memory capacity & gender. In *Applied Psychology in Service of the Developing Person* (pp. 259—266).
- Ershova, R., & Tarnow, E. (2017c). *Working Memory Capacities Differ by Academic Field: Sports Teachers on Top*. URL: <https://www.amazon.com/dp/B07DN5823V>
- Fougnie, D., Suchow, J. W., & Alvarez, G. A. (2012). Variability in the quality of visual working memory. *Nature communications*, (3), 1229.
- Kane, M. J., & Engle, R. W. (2000). Working-memory capacity, proactive interference, and divided attention: limits on long-term memory retrieval. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 26(2), 336.
- Keppel, G., & Underwood, B. J. (1962). Proactive inhibition in short-term retention of single items. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, 1(3), 153—161.
- Lewis, R. L. (1996). Interference in short-term memory: The magical number two (or three) in sentence processing. *Journal of Psycholinguistic Research*, 25(1), 93—115.
- Luck, S. J., & Vogel, E. K. (2013). Visual working memory capacity: from psychophysics and neurobiology to individual differences. *Trends in cognitive sciences*, 17(8), 391—400. doi: 10.1016/j.tics.2013.06.006
- Ma, W. J., Husain, M., & Bays, P. M. (2014). Changing concepts of working memory. *Nature neuroscience*, 17(3), 347. doi: 10.1038/nn.3655
- Massaro, D. W. (1970). Retroactive interference in short-term recognition memory for pitch. *Journal of Experimental Psychology*, 83(1, Pt. 1), 32.
- Mato-Abad, V., Jiménez, I., García-Vázquez, R., Aldrey, J., Rivero, D., Cacabelos, P., Rodríguez-Yáñez, S. (2018). Using Artificial Neural Networks for Identifying Patients with Mild Cognitive Impairment Associated with Depression Using Neuropsychological Test Features. *Applied Sciences*, 8(9), 1629. doi: 10.3390/app8091629
- May, C. P., Hasher, L., & Kane, M. J. (1999). The role of interference in memory span. *Memory & cognition*, 27(5), 759—767. doi: 10.3758/BF03198529
- McCloskey, M., & Cohen, N. J. (1989). Catastrophic interference in connectionist networks: The sequential learning problem. *Psychology of learning and motivation*, 24, 109—165.
- Melby-Lervåg, M., Redick, T. S., & Hulme, C. (2016). Working memory training does not improve performance on measures of intelligence or other measures of “far transfer” evidence from a meta-analytic review. *Perspectives on Psychological Science*, 11(4), 512—534. doi: 10.1177/1745691616635612
- Miller, G. A. (1956). The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological review*, 63(2), 81.
- Portrat, S., Barrouillet, P., & Camos, V. (2008). Time-related decay or interference-based forgetting in working memory? *Journal of experimental psychology: Learning, memory, and cognition*, 34(6), 1561. doi: 10.1037/a0013356
- Schneegans, S., & Bays, P. M. (2016). No fixed item limit in visuospatial working memory. *Cortex*, 83, 181—193. doi: 10.1016/j.cortex.2016.07.021
- Tarnow, E. (2014). U.S. Patent Application No. 13/782,011.

- Tarnow, E. (2017). Preliminary Evidence: Diagnosed Alzheimer's Disease but not MCI Affects Working Memory: 0.6 of 2.6 Memory Pointers Lost. *Journal Alzheimers Dis Parkinsonism*, 7(315), 2161—0460. doi: 10.4172/2161-0460.1000315
- Underwood, B. J. (1957). Interference and forgetting. *Psychological review*, 64(1), 49.
- Ward, G., Tan, L., & Grenfell-Essam, R. (2010). Examining the relationship between free recall and immediate serial recall: the effects of list length and output order. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 36(5), 1207. doi: 10.1037/a0020122
- Waugh, N. C., & Norman, D. A. (1965). Primary memory. *Psychological review*, 72(2), 89. doi: 10.1037/h0021797
- Zhang, W., & Luck, S. J. (2008). Discrete fixed-resolution representations in visual working memory. *Nature*, 453(7192), 233. doi: 10.1038/nature06860

© Ershova R.V., Tarnow E., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 16 January 2018

Revised: 10 October 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Ershova, R.V., & Tarnow, E. (2018). Interference in Working Memory is not Displacement nor Competition — It is Limited Destruction. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 488—499. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-488-499

Bio Notes:

Regina V. Ershova — Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, Professor of Department of Psychology of State University of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia). E-mail: erchovareg@mail.ru

Eugen Tarnow — Ph.D. in Physics, Data Scientist & Director of Consulting, Avalon Business Systems, Inc (New York, USA). E-mail: ETarnow@avabiz.com

Механизм разрушения как причина интерференции в рабочей памяти

Р.В. Ершова¹, Ю. Тарноу²

¹ Государственный социально-гуманитарный университет
Российская Федерация, 140410, Коломна, ул. Зеленая, 30

² Авалон Бизнес Системс, Инк.
18—11 Редбурн Роад, Фейр Лоун, Нью-Джерси 07410, США

Свободное припоминание 499 российских студентов было измерено с использованием Tarnow Unchunkable Test, состоящего из наборов из 3 и 4 двузначных чисел. Большинство студентов могут воспроизвести 3 числа, при добавлении 4-го числа количество припоминаемых элементов снижается. В статье описываются помехи воспроизведения, которые возни-

кают при добавлении в запоминаемый ряд четвертого элемента. Было обнаружено, что интерференция влияет на предъявляемые к запоминанию элементы по-разному, это означает, что рабочая память не состоит из одинаковых «слов». Эффект порядка предъявления выступает важным фактором при припоминании. В рамках экспериментальных проб (при добавлении в пробы четвертого элемента как суперпозиции к трехэлементным пробам) было доказано, что число, предъявляемое на четвертой позиции, в 2,5 раза чаще затрагивается интерференцией, чем число, стоящее на первом месте в предъявляемом ряду. Вопреки теории замещения/конкуренции ответов (отзывов), корреляции добавленного и ранее предъявленных элементов являются не отрицательными, а положительными. Причем эти корреляции экспоненциально убывают в зависимости от позиции элемента в пробе и являются симметричными относительно времени предъявления. Слабые отрицательные корреляции отзыва обнаружены только у лиц с наименьшим объемом рабочей памяти. Несмотря на теорию смещения/конкуренции ответов, четвертый элемент наименее вероятен для припоминания, поэтому вероятность того, что он вытеснит ранее предъявленные элементы крайне мала. Таким образом, на лицо парадокс: добавление элемента N+1 снижает вероятность припоминания N элементов, в то же время возможность припоминания элемента N+1 положительно коррелирует с припоминанием других N элементов. Это означает, что элемент N+1 разрушает часть предшествующих элементов памяти и далее выступает как причина собственного разрушения.

Ключевые слова: интерференция, рабочая память, корреляции элементов, эффект порядка предъявления

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 января 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Ershova R.V., Tarnow E. Interference in Working Memory is not Displacement nor Competition — It is Limited Destruction (Механизм разрушения как причина интерференции в рабочей памяти) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 488—499. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-488-499

Сведения об авторах:

Ершова Регина Вячеславовна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Россия). E-mail: erchovareg@mail.ru

Тарноу Юджин — Ph.D., независимый исследователь, директор по консалтингу Авалон Бизнес Системс, Инк. (Нью-Йорк, США). E-mail: ETarnow@avabiz.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-500-511

УДК 378.09

Assessing Academic Texts Authenticity in EFL Classes

Elina S. Chuikova

Moscow City University (Samara Branch)
76 Stara Zagora St., Samara, 443081, Russian Federation

Abstract. To present Russian science at the international level scientists should possess certain specific skills. However, research works in an integrative nature of academic writing recognize the skills that are common for various research fields and specific for academic context. Some works are currently investigating methods to develop academic skills, while a few papers are devoted to the problem of assessing the outcomes. Traditionally the quality of an academic text is measured by the requirements to text organization, context and language proficiency. However, this model does not form a unity until a new idea is introduced into the process of teaching and assessment. The possible solution is to focus on the quality of students' texts authenticity. Academic text authenticity indicates to what extent the initial norms of authentic academic writing — in organization, context and language use — are modified by students belonging to a different writing culture. The paper defines the category “authenticity” for academic texts and presents examples of assessing the text quality with a set of descriptors. The results could be implemented in professional language studies and in the postgraduate training of students aimed at publishing the results of their research work.

Key words: academic writing, EAP, text authenticity, authenticity of content, task authenticity, academic literacy

Introduction

Academic writing as a new research area in language and teaching research has become a ‘common ground’ for discussing efficient methods to shape a successful researcher in any field (Frumina, 2018; Guzikova, Akoev, 2018). Gradually, integrative nature of academic writing brought to life methods for researchers preparation ‘within the umbrella framework of academic literacy’ (Korotkina, 2018). However, extensive analysis of the process and product of academic writing in English (Voevoda, 2018; Bazanova & Sokolova, 2017; Bogolepova, 2016) does not include sufficient information on the results assessment. Assessment of any course outcomes should be an objective procedure of measuring exactly the competencies a teacher sets long before the course implementation. Focus on traditional criteria of assessing written texts — structure, content or language proficiency alone — may not provide a complex vision of the whole text. Our students may follow laws of structuring, but provide a reader with a dull content, or elaborate on content without structuring the ideas properly. To avoid a one-sided effect on a text production, it is essential to introduce into studies an idea that would unite all the aspects of the text and would explain the necessity to mind all the aspects of text writing at a time, no matter how numerous, strict and complicated the requirements may first seem. Considering

academic writing, such a category could be named “authenticity”. By authenticity of an academic text, I mean three essential requirements:

- 1) providing a reader with an original content/ideas, which is derived from understanding a primary function of an academic text as critical evaluation of the given facts and building new knowledge;
- 2) following conventions accepted in an academic context, which forms our academic writing competency in general;
- 3) adopting to culturally determined requirements in the academic context while switching from a native language into a foreign one.

While blending native language conventions with newly adopted rhetorical norms of a second language (L2) writing, a writer produces a text within a new cultural context. L2 writing as a specimen of ‘intercultural rhetoric’, since ‘no rhetorical tradition is pure but everything exists between cultures’ (Connor, 2008, p. 312). This paper further narrows Connor’s idea and provides examples of mixing two rhetoric cultures — Russian and English academic writing culture.

As research results are supposed to be published or presented for a large professional audience, academic writing should follow generally accepted strict requirements. The most convenient way to categorize them is by context, structure and academic style requirements. Nowadays the ideas of contrastive rhetoric (Robert Kaplan, Ulla Connor, Michael Clyne, John Swales, Natalie Reid) have shifted the focus in academic writing teaching from traditional characteristics to sociocultural ones by introducing cross-cultural analysis of the way all requirements are interpreted by non-native writers. Consequently, the modern course structure should also incorporate sociocultural elements and their description. In order to bring non-native writers closer to authentic patterns, it seems logical to specify the term ‘academic text authenticity’ and introduce the descriptors to assess the category.

Statement of the Problem

While practicing academic writing, students create text that should a) follow universal academic interaction rules and b) include culturally determined elements of writing in English. New academic environment is also ‘terra incognita’ in terms of native speakers’ expectations. This should be borne in mind while defining ‘academic text authenticity’ as the quality that characterizes how original the text is (content authenticity), how competent the writer and L2 learner is (academic competence) in delivering his/her ideas to the audience, writing in another language (cultural competence).

The problem of authenticity has been tackled by researchers from different perspectives. Some scholars focus on the real-life usage perspective or/and the content originality, while others assess formal parameters of an academic text, e.g. analyzing the way the language or/and the sources are used in it. According to Hirvela, Hyland, and Manchón (2016), the main aim of teaching academic writing is to develop students’ research skills. They perceive writing as an opportunity to form the ability to create an original text, and argue that ‘...we should assist our learners in becoming researchers of the texts they will need rather than adopt a single formula for teaching writing’ (p. 51). Synthesis of writing

practice and research could be achieved by introducing real-life tasks into the learning process.

Meanwhile, Akerblom and Lindahl (2017) assume that ‘there are problems with authentic tasks’ (p. 205). For instance, the definition of “an authentic task” may vary from teachers’ and students’ perspective. Authentic tasks may provide relevance, i.e. make learning motivating because they ‘include ideas, words, phrases and expressions that are heard and read in real-life situations’ (Ciornei & Dina, 2015, p. 275). Authentic tasks are believed to help students become aware of the relevancy and meaningfulness of what they are learning because ‘the tasks mirror real-life experiences’ (Nicaise, Gibney, & Crane, 2000, p. 80). Though authenticity is an important quality, some contradictions still exist in teaching practice. Thus, the authors emphasize the fact that ‘most of the research on authentic classrooms has described the processes teachers have used to develop the classroom environment (learning activities, resources, etc.); however, few have examined authentic classrooms from the students’ perspective’ (Nicaise, Gibney & Crane, 2000, p. 79).

Ultimately, Weigle & Parker (2012) perceive authenticity as the quality of an original text that is characterised by correct referencing and respectable use of any material sources with their acknowledgement, stating that ‘source-based writing is becoming more common in tests of academic English, in part to make tests more reflective of authentic academic writing’ (p. 118). A similar view might be found in other spheres where authorship is crucially important. Thus, Dr Patricia Akester (2004), analysing authenticity of works in cyberspace, equals ‘authenticity’ to ‘academic honesty’. No wonder, further research in academic reading-and-writing interaction indicates that thorough and thoughtful use of sources enables students to display high level of ‘intertextual awareness’, i.e. high level of authenticity (McCulloch, 2013).

Additionally, some scholars believe that it is possible to think of authentic texts as of authentic teaching materials, rather than of authentic students’ works. The researchers explain that no matter how well L2 students imitate the models, they still behave the way they do in the same context in their native language culture. ‘Learners can mimic the behavioural patterns of that community derived from the authentic text to a certain extent since the first goal is to communicate and not to behave like someone else which means somehow losing one’s social and linguistic identity’ (Ciornei & Dina, 2015, p. 275). Following this approach, while teaching L2 writing, we accept the existence of some ‘metacommunication’ (Ciornei & Dina, 2015) or texts with ‘intercultural rhetoric’ (Connor, 2008) that would never be 100 % authentic. Logically, a new additional assessment system of students’ works is required to indicate to what extent the initial norms of authentic academic writing are modified due to culture differences.

Method

The objective of the paper is to track what parameters of authentic texts, while being in teaching focus, may facilitate students’ academic performance. To meet the objective, it is necessary to:

- a) define the parameters for assessing students’ texts authenticity;
- b) organize a course of academic writing around these text parameters;

- c) develop the procedure of measuring students' academic texts authenticity;
- d) measure texts by the elaborated parameters before and after the course;
- e) compare the results and report findings.

The starting point of a new assessment procedure is the review of the existing ones. Thus, the procedure of Perceived Authenticity in Writing (PAW) is a well-developed tool for investigating students' perceptions/expectations of text authenticity (Behizadeh & Engelhard, 2014, 2015). However, the objectives of this research include developing assessment criteria for teachers' perception of text authenticity, since the teachers remain 'critical text analysts' who shape L2 writing practice (Gebhard, Demers & Castillo-Rosenthal, 2008).

There really exist some assessment systems with certain descriptors of assessing academic texts. For instance, Academic module of International English Language Testing System (IELTS) provides a system of band descriptors, such as Task Achievement, Coherence and Cohesion, Lexical Resource, Grammatical Range and Accuracy. Meanwhile, the assessment system of IELTS provides little information for cross-cultural comparison of writing norms or conventions in academic communication. Following international experience, the Russian Writing Centers Consortium has also adapted summative assessment scale¹. Unfortunately, as well as the international assessment scale, it is not valid for assessing texts authenticity within cross-cultural paradigm.

The next step in this research should be to define the descriptors of students' academic texts authenticity. To understand, what intercultural elements an academic text possesses or/and how the requirements change in a new cultural writing context, it is necessary to define three main criteria. Academic text authenticity includes such elements as (1) creating authentic content, (2) shaping the content according to academic writing context, common for any culture and (3) making mistakes caused by mismatches in English/Russian writing cultures. The first two criteria increase the level of text authenticity, the third one dramatically decreases the level of text authenticity. Consequently, these three criteria, *content authenticity*, *academic literacy* and *cultural literacy* in academic writing context, may be described further by a number of parameters.

Content authenticity starts with topicality, one of the essential qualities of an academic text. Additionally, the research done on an urgent problem should be original to make a contribution into the field. Originality might be reflected in different text constituents. Their complex description forms the idea of what content authenticity should be characterized by. A list of content authenticity descriptors may look the following way:

- topicality;
- original thesis statement;
- original arguments that support the facts;
- original arguments that beat the facts;
- original/catchy title;
- original/promising introduction;
- original/promising conclusion;

¹ Science Essay Competition 2017. Retrieved from <http://awuc.misis.ru/science-essay-competition-2017/>

— dialogue of different viewpoints in the content that indicates author's professional outlook;

- dialogue of old and new theories/approaches;
- perspectives for further research.

The list may be extended by other teachers with some new aspects they would like to focus on in their original writing course.

Academic literacy that assists in achieving context authenticity is also a heterogeneous criterion. Definition of its components may assist in assessing student's autonomy, structuring skills, style of writing and manner of presenting final results after self-editing:

A. Student's autonomous work:

- choosing a topic;
- material selection;
- formulating a thesis statement;
- formulating main arguments that develop a thesis statement;
- structuring the text;
- self-editing;
- submitting the assignment in time;
- presentation of work;
- working with the tutor's correction and re-editing;
- self-reflection on final results.

B. Academic text structure:

- text structure fits the genre;
- the universal requirements to academic text are met (topic sentence, framing);
- logical arguments organization.

C. Academic style:

- academic vocabulary;
- professional vocabulary;
- high lexical density;
- active grammar forms;
- variety in syntax structures;
- hedging;
- avoidance of non-qualified statements.

D. Work presentation:

- language competence: use of grammar and vocabulary;
- correct title page, referencing and bibliography, etc.

Cultural literacy is the criterion that is difficult to limit as culture is everywhere, at any level of the text production. However, it is possible to single out some dimensions to teach and to assess within cultural literacy. The attempts to describe them, for instance, could be found in 'culturally relevant writing instructions' (Winn & Johnson, 2011) and genre-focused instructions (Kostrova & Kulinich, 2015). The criterion is revealed through cross-cultural mismatches. Consequently, their number eliminates the quality of text authenticity. In students works there may be frequently found sociocultural mismatches at:

- the task interpretation level (e.g. task/thesis/genre mismatches);
- the idea selection level (e.g. material should be credible and easy to perceive for potential audience of another culture);

- the idea organization level (e.g. linear English writing vs. non-linear Russian writing);
- the language choice level (e.g. academic words collocations, active grammar vs. passive constructions, precise syntax vs. complex syntax).

Since the descriptors for various aspect of authenticity are defined, a new mechanism to assess them in students' academic texts should be suggested. The calculation of "academic text authenticity" coefficient (C_{ata}) crucially simplifies the process of cross cultural comparison between a model and a student's text. To calculate C_{ata} , 50 students taking a course in academic writing were assessed. In every student's text every variable/criterion is calculated in an analytical table where every descriptor is specified. Afterwards, the criteria are used to calculate C_{ata} . Formula of text authenticity calculation:

$$C_{ata} = \frac{\text{content authenticity} + \text{academic literacy}}{\text{sociocultural mismatches in written communication}}. \quad (1)$$

Formula (1) indicates correlation between all three criteria. Content authenticity (max 60 scores) weighs more than academic literacy (max 40 scores), since the ideas seem to be more important than the way they are shaped in the academic context. The mistakes in a culturally determined written text reduce the value of coefficient C_{ata} . As the formula is used to assess L2 writing, it should be assumed that sociocultural mismatches could not be avoided, and the parameter is never equal to 0. The practice shows that the minimal value of the variable 'sociocultural mismatches' is 5, thus, the maximal value of the coefficient C_{ata} is equal to 20 (100:5 in an ideal L2 text).

$$\max C_{ata} = 20.$$

To illustrate the way the C_{ata} formula works, examples of paragraphs assessment are given below. Student's texts are presented in the original. The first and the final drafts are compared to illustrate the quality of a written work in the initial and final stage of learning to write a paragraph.

Paragraph: First Draft

My objectives of taking academic writing course

There are several professional reasons to study an academic writing course. This course is especially useful for such professions as a teacher, a scientist. It helps me as a future teacher to learn how to write and to draw up my lectures, articles, reports and business letters. It also develops my writing skills and helps me to booster my knowledge. This course seems to give me an opportunity to become more successful in my future career.

Paragraph: Final Draft

Academic Writing Course as a Way to Professional Success

One could suggest several professional reasons to study an academic writing course. The course is especially useful for such professions as a teacher and a scientist. It provides a future teacher with experience to write and present essays, articles, reports and to learn more about professional correspondence in educational sphere. Additionally, the organized practice boosters writing skills in researching, evaluating information, logical structuring, arguing and

expressing ideas clearly in a paper. These skills are primarily valued by employers (Hughes, etc., 2014) as well as by students focused on professional studies (Bazanova & Sokolova, 2017). Academic writing course seems to give me an opportunity to enhance my employability skills.

Works Cited

Bazanova, E.M., & Sokolova, E.E. (2017). Massive Open Online Course on Academic Writing: Management of Students' Motivation to Study. *Vyssee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*. No. 2 (209), pp. 99—109.

Hughes, T., Birkin, G., Durazzi, N. & Brennan, J. (2014). *Research and Analysis of the Benefits of International Education Opportunities*. A literature review on UK competitiveness and skills (needs) British Council, 35 p.

(by Kulagina P., 3rd-year student)

Table 1

Paragraphs Assessment

Criterion	Criterion specification	Score (max score)	
		First draft	Final draft
1. Content authenticity	— topicality	6 out of 6	6 out of 6
	— original thesis statement	2 out of 6	2 out of 6
	— original arguments that support the facts	1 out of 6	5 out of 6
	— original arguments that beat the facts	0 out of 6	0 out of 6
	— original/catchy title	2 out of 6	5 out of 6
	— original/promising introduction	3 out of 6	3 out of 6
	— original/promising conclusion	4 out of 6	6 out of 6
	— dialogue of different viewpoints in the content that indicates author's professional outlook	2 out of 6	5 out of 6
	— dialogue of old and new theories/approaches	0 out of 6	2 out of 6
	— perspectives for further research	3 out of 6	5 out of 6
	Score	23 (max 60)	39 (max 60)
2. Academic literacy	A. Student's autonomous work:		
	— choice of topic	0 out of 1	0 out of 1
	— material selection	1 out of 1	1 out of 1
	— formulating a thesis statement	1 out of 1	1 out of 1
	— choice of arguments	0 out of 1	1 out of 1
	— structuring the text	0 out of 1	1 out of 1
	— self-editing	0 out of 1	0 out of 1
	— submitting the assignment in time	1 out of 1	1 out of 1
	— presentation of work	0 out of 1	1 out of 1
	— work with the tutor's correction and re-editing	1 out of 1	1 out of 1
	— self-reflection on final results	1 out of 1	1 out of 1
		5 (max 10)	8 (max 10)
	B. Academic text structure:		
	— text structure fits the genre	1 out of 3	3 out of 3
	— common requirements to academic text are met: (topic sentence, framing)	2 out of 4	3 out of 4
	— logical arguments organization	1 out of 3	3 out of 3
		4 (max 10)	9 (max 10)

Criterion	Criterion specification	Score (max score)	
		First draft	Final draft
2. Academic literacy	C. Academic style: — academic vocabulary — professional vocabulary — high lexical density — active grammar forms — variety in syntax structures — hedging — avoidance of non-qualified statements	1 out of 2 0 out of 2 0 out of 1 1 out of 1 1 out of 2 0 out of 1 0 out of 1 <u>3</u> (max 10)	2 out of 2 2 out of 2 0 out of 1 1 out of 1 2 out of 2 1 out of 1 1 out of 1 <u>9</u> (max 10)
	D. Work presentation: — language competence: use of grammar and vocabulary — correct title page, referencing and bibliography Score	2 out of 5 <u>1</u> out of 5 3 (max 10) 15 (max 40)	5 out of 5 <u>5</u> out of 5 10 (max 10) 36 (max 40)
3. Sociocultural mismatches	A. Motivation level (e.g. task/thesis/genre mismatches)	5 out of 25 (direct, semi-formal tone)	0 out of 25
	B. Content level (e.g. material is credible and easy to perceive for potential audience of another culture) C. Organisation level (e.g. linear English writing vs. non-linear Russian writing) D. Linguistic level (e.g. academic words collocations, active grammar vs. passive constructions, precise syntax vs. complex syntax) Score	20 out of 25 (no well-grounded argumentation) 0 out of 25 <u>10</u> out of 25 (General English instead of Academic English, simple syntax) 35 (5–100)	5 out of 25 (part of the arguments is well grounded) 5 out of 25 (no framing structure) <u>5</u> out of 25 (The work has undergone a significant correction after tutorials and consultations) 15 (5–100)
	Total Score	Total: 23 15 35	Total: 39 36 20

Having formula (1), we may put the variables and calculate the coefficient of the text authenticity in its initial and final versions.

$$C_{ata1} = \frac{23+15}{35} = 1.08 \text{ (Cf. max } C_{ata} = 20\text{).}$$

$$C_{ata2} = \frac{39+36}{20} = 3.75 \text{ (Cf. max } C_{ata} = 20\text{).}$$

The first text is characterized by low C_{ata} coefficient caused by insufficient content authenticity. The second text is more stylized. However, it is not a typical indicator of a student's level; it is a mark of thorough correction and edition within tutorials and consultations.

Findings and Results

C_{ata} coefficient was calculated for the texts of the students at different levels of higher education. The parameters vary from 0,2 to 3,7 for bachelor degree students and from 3,8 to 7 for master degree students. Postgraduate students and scientists who start their career create their texts with the “academic text authenticity” coefficient ranges from 7 to 14.

Twenty-eight bachelor students specialized in linguistics and twenty-eight bachelor students in foreign language (FL) teaching took an academic writing course in 2016/2017 and 2017/2018 academic years correspondingly. The control group took a traditional academic writing course with the focus on genre conventions and academic style requirements. The experimental group was taught with the focus on sociocultural peculiar features and, additionally, learned cultural patterns of writing in English comparing them to Russian writing style (Chuikova, 2017).

Table 2

Dynamics of C_{ata} coefficient in Academic Writing course

Groups of bachelor degree students	Pre-course mean	Post-course mean
<i>Linguists 2016/2017</i>		
Control Group (14 students)	1.83	2.73
Experimental Group (14 students)	1.93	3.25
<i>Future FL teachers 2017/2018</i>		
Control Group (14 students)	1.83	2.73
Experimental Group (14 students)	1.93	3.25

As a result the experimental groups are characterized with strongly marked changes in students’ texts authenticity. It was also estimated that students with high level of language proficiency display higher results due to their overall language competency. However, switching onto another language, they face problems of lexical and grammar density and academic vocabulary use/register similarly to students with lower level of language proficiency. Regardless language competency level, very few students refer to literature review, choosing well-known facts as the most frequent type of argumentation.

Autonomous students are initially in a favourable position as they have developed self-editing strategies. The results of the pre-course test highlight the direct link between text originality and the result of academic text authenticity coefficient. The results of the post-course test also reveal correlation between cultural awareness and text authenticity: the better students’ understanding of culturally-determined written elements is, the less sociocultural lapses may be found in their texts, and the higher parameters of their texts are.

Conclusions and Recommendations

In the paper academic texts authenticity is defined as the quality of text originality and its congruity with the English academic context. The paper provides the algorithm of assessing academic texts authenticity that has been tested in the Russian higher education system. For further implementations, researchers may try to change parameters in variables, namely they may adapt sociocultural mistakes typical for their cultural

context. Additionally, the parameters of C_{ata} formula assist a teacher in choosing the material to focus on while teaching Academic writing. The more precisely the researcher defines each criterion and its descriptors, the more focused teaching might be.

To sum up, the author agrees with the view that the rise in authenticity parameter ‘cannot be explained through commonly accepted theories of effective cross-cultural adaptation, or adaptation to a host culture. One-way adaptation is not the same as authentic intercultural interaction’ (Fox, 1997, p. 85). Consequently, L2 writing courses can make students’ texts resemble native speakers’ ones. Still this is one of the ways to reach standards of intercultural written communication.

References

- Akerblom, D., & Lindahl, M. (2017). Authenticity and the relevance of discourse and figured worlds in secondary students’ discussions of socioscientific issues. *Teaching and Teacher Education*, 65, 205–214. doi: 10.1016/j.tate.2017.03.025
- Akester, P. (2004). Authorship and authenticity in cyberspace. *Computer Law & Security Review*, 20(6), 436–444. doi: 10.1016/S0267-3649(04)00088-3
- Bazanova, E.M., & Sokolova, E.E. (2017). Massive Open Online Course on Academic Writing: Management of Students’ Motivation to Study. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2(209), 99–109. (In Russ.)
- Behizadeh, N., & Engelhard, Jr. G. (2014). Development and validation of a scale to measure perceived authenticity in writing. *Assessing Writing*, 21, 18–36. doi: 10.1016/j.asw.2014.02.001
- Behizadeh, N., & Engelhard, G. (2016). Examining the Psychometric Quality of a Modified Perceived Authenticity in Writing Scale with Rasch Measurement Theory. In Zhang, Q. (Ed.). *Pacific Rim Objective Measurement Symposium (PROMS) 2015*. Conference Proceedings. Singapore: Springer. doi: 10.1007/978-981-10-1687-5_5
- Bogolepova, S.V. (2016). Teaching Academic Writing: Process and Product. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 1(197), 87–94. (In Russ.)
- Chuikova, E. (2017). Introducing cross cultural perspectives into teaching academic writing to Master’s students in Russia. *Modern Journal of Language teaching Methods (MJLTM)*, 7(8), 228–239.
- Ciornei S. I., & Dina, T.A. (2015). Authentic Texts in Teaching English. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 180, 274–279. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.02.116
- Connor, U. (2008). *Contrastive Rhetoric: Reaching to Intercultural Rhetoric*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 324 p.
- Fox, C. (1997). The authenticity of intercultural communication. *International Journal of Intercultural Relations*, 21(1), 85–103. doi: 10.1016/S0147-1767(96)00012-0
- Frumina, E. (2018). Internationalization of Higher Education in Russia: English Language Teaching Landscape. *HERB English in Russian Universities: Mind the Gap*, 2(16), 14–16.
- Gebhard, M., Demers, J., & Castillo-Rosenthal, Z. (2008). Teachers as critical text analysts: L2 literacies and teachers’ work in the context of high-stakes school reform. *Journal of Second Language Writing*, 17(4), 274–291. doi: 10.1016/j.jslw.2008.05.001
- Guzikova, M., & Akoev, M. (2018). Increasing Research Impact by Developing Research Communication Skills. *HERB English in Russian Universities: Mind the Gap*, 2(16), 10–11.
- Hirvela, A., Hyland, K. & Manchón, R.M. (2016). Dimensions in L2 writing theory and research: Learning to write and writing to learn. In Manchón, R. & Matsuda, P.K. (Eds.). *Handbook of second and foreign language writing* (pp. 45–64). Berlin: De Gruyter.

- Korotkina, I.B. (2018). Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs. *Integration of Education*, 22(2), 311—323. doi: 10.15507/1991-9468.091.022.201802 (In Russ.)
- Kostrova, O., & Kulnich, M. (2015). Text Genre ‘Academic Writing’: Intercultural View. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 206, 85—89. doi: .org/10.1016/j.sbspro.2015.10.032
- McCulloch, S. (2013). Investigating the reading-to-write processes and source use of L2 postgraduate students in real-life academic tasks: An exploratory study. *Journal of English for Academic Purposes*, 12(2), 136—147. doi: 10.1016/j.jeap.2012.11.009
- Nicaise, M., Gibney, T., & Crane, M. (2000). Toward an understanding of authentic learning: Student perceptions of an authentic classroom. *Journal of Science Education and Technology*, 9, 79—94.
- Voevoda, E.V. (2018). Teaching Research Methodology — Theory, Methods, Practice: The Case for English Language Master Programme. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(2), 209—221. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-2-209-221 (In Russ.)
- Weigle, S.C., & Parker, K. (2012). Source text borrowing in an integrated reading/writing assessment. *Journal of Second Language Writing*, 21(2), 118—133. doi: 10.1016/j.jslw.2012.03.004
- Winn, M.T., & Johnson, L. (2011). *Writing instruction in the culturally relevant classroom*. Urbana, IL: National Council of Teachers of English. 101 p.

© Chuikova E.S., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 22 September 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Chuikova, E.S. (2018). Assessing Academic Texts Authenticity in EFL Classes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 500—511. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-500-511

Bio Notes:

Elina S. Chuikova — Ph.D. in Education, Associate Professor, Samara Branch of Moscow City University (Samara, Russia). E-mail: chuikova_elina@mail.ru

Оценка степени аутентичности студенческих академических текстов на иностранном языке

Э.С. Чуйкова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета
Российская Федерация, 443081, Самара, Стара Загора ул., 76

Необходимость достойного представления отечественной науки в мировом научном пространстве вызвала пристальный интерес исследователей различных областей к вопросам обучения академическому письму на английском языке в российских вузах. Интегративный

характер дисциплины позволяет рассматривать вопросы развития академической грамотности как общеметодологические, без акцента на предметную область. Среди актуальных вопросов обучения академическому письму выделяется недостаточно исследованная проблема оценивания качества результатов обучения — текстов. Традиционные критерии оценивания — структура, содержание и языковая грамотность — позволяют детально оценить различные стороны текста. Однако такая модель не носит интегративного характера. Для пишущего целостное понимание сущности академического появляется с введением понятия «аутентичность текста». Категория «аутентичность академического текста» позволяет объединить разрозненные критерии, т.к. идейно объясняет, как стремление к созданию аутентичного текста на иностранном языке одновременно реализуется во всех трех аспектах: структурно, в содержании и языковом воплощении. В статье представлены понимание категории аутентичности и модель ее измерения, апробированная в курсе обучения академическому письму на английском языке в российском вузе. Описанная система оценивания может быть использована для повышения качества профессиональной языковой подготовки студентов и магистрантов, нацеленных на публикацию результатов исследовательской деятельности.

Ключевые слова: академическое письмо, английский для академических целей, аутентичность текста, оригинальность содержания, аутентичное задание, академическая грамотность

История статьи:

Поступила в редакцию: 1 августа 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Chaikova E.S. Assessing Academic Texts Authenticity in EFL Classes (Оценка степени аутентичности студенческих академических текстов на иностранном языке) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 500—511. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-500-511

Сведения об авторе:

Чуйкова Элина Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент Самарского филиала Московского городского педагогического университета. E-mail: chaikova_elina@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-512-523

УДК 159.99

Book Review:

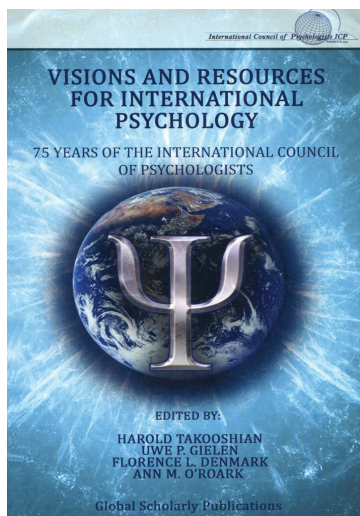
Takooshian, H., Gielen, U.P., Denmark, F.L., & O’Roark, A.M. (Eds.) (2018). *Vision and Resources for International Psychology: 75 Year of the International Council of Psychologists*. N.Y.: Global Scholarly Publications. 332 p. ISBN 978-1-52679-161-2

Irina A. Novikova¹, Elena Yu. Chebotareva^{2,3}, Alexey L. Novikov¹

¹ Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation

³ National Research University “Higher School of Economics”
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

The volume entitled *Vision and Resources for International Psychology* was published in 2018 and dedicated to the 75th anniversary of the International Council of Psychologist (ICP). Editors reminded in the *Preface*, that ICP was founded in 1941 in New York City, and from its starts has vigorously promoted cross-national psychology.

This third ICP anniversary volume contains three parts: (1) about *ICP* past, its growth, current activities, and summaries of the annual ICP conferences in Yokohama (2016) and New York City (2017); (2) *Resources for International Psychology* includes seven essays by 12 experts, on how to be more involved in international psychology; (3) *Visions of International Psychology* from thirty one leaders of global psychology.

A brief 2-page review of this book was published recently in *International Psychologist* (Congress, 2018). In this article, we present a more detailed and comprehensive overview of the volume.

Part I. International Council of Psychologists (ICP)

This part of the book includes some summaries of presentations at the ICP meetings in Yokohama in 2016 and New York City in 2017, and four brief essays by former ICP presidents.

The theme of Yokohama convention in 2016 was “**Human Rights and Well-Being**”.

Anna Laura Comunian, Ph.D., professor emerita and senior researcher of University of Padua (Italy), presented the results of validation of two self-report scales: Padua Moral Judgement Scale (PMJS) and Kindness Maturity Scale (KMS) and the findings of cross-cultural investigation of stages of *kindness* model and *moral development* model across four countries: Italy, Greece, Chile and Australia. Mostly, invariant factor structures were obtained across cultures for both scales, also, some cultural peculiarities were revealed.

Chock C. Hiew, Ph.D., a health psychology professor, researcher and practitioner in Fredericton, in Atlantic Canada, reported on the testing the effectiveness of *Qigong training*, based on the ancient *self-regulation technique*, in restoring *resilience and health*. This data shows that a brief practice of daily 45 minutes of Qigong exercise over four weeks can override clinical depression and anxiety, as well as chronic fatigue, insomnia and pain. Long term practice, according to the report, can strengthen the immune system, overcome post-trauma symptoms, reverse cardiovascular disease and promote healthy aging. Professor Choc C. Hiew also performed the duties of chairman of the *symposium in honor of Dr Seisoh Sukemune*, professor emeritus of Hiroshima University in Japan. At this symposium Prof. **Choc C. Hiew** told about his productive collaboration with Dr Seisoh Sukemune in researching the nature of human *resilience*. Their resilience researches support the relationship between emotional equilibrium and resilience measures to overcome the adversities in life.

Florence Denmark, Ph.D., professor of Pace University (USA) presented in brief the long and illustrious *history of ICP* for the symposium participants.

Monty Satiadarma, Ph.D., professor and former rector of Tarumanagara University in Indonesia, spoke about Dr Seisoh Sukemune contribution to educational research. Prof. Satiadarma focused on discussing the reasons of parents who without awareness implement discipline on their children in forms of *abusive acts*. Among these reasons beyond the implementation of discipline were considered ego strengthening, resistance toward stress and life challenges.

Rukhsana Kausar, Ph.D., director of Institute of Applied Psychology and Center for Clinical Psychology in University of Punjab (Pakistan), presented the results of *resilience* research in Pakistan, which assessed the relationship of resilience with a wide range of constructs, including social skills, satisfaction with life, occupational stress, attachment styles, social support, etc.

Michael Knowles, Ph.D., former president of the International Association of Applied Psychology, devoted his report to the *development of psychology*. He described the divergent evolution of scientific, applied and professional branches and the implication of this for the unity of the entire discipline. The reporter states that establishment of distinct associations, one providing the interest of academics and the other — the needs of professionals, institutionalize differences within the discipline, weaken the sense of a common identity of psychologists, and confuse the understanding of psychology by the general public. The large international congresses that offer richly diverse scientific programs and convivial social events serve as the principal means for fostering the maintenance and sustenance of the unity of psychological discipline. However, much more needs to be done it at the national and local levels.

Ann Marie O’Roark, Ph.D., editor, educator, management and leadership consultant in St. Augustine, FL, justified the *leadership model* for global well-being, based on the French expression “*goût de terroir*”, that means “flavor imparted by the environment in which it is produced”. The author states that different countries and nations may follow one type of influencer more than another and suppose that future trends in leadership study are: holistic perspectives, interdisciplinary integration and inclusion of a wider spectrum of scientific methods.

Tara Pir, Ph.D., the founder, president and CEO of the Institute for Multicultural Counseling and Education Services (IMCES) in Los Angeles, CA, reported that the Institute was designed to provide *culturally and linguistically appropriate services* to underserved ethnically diverse communities and to conduct research with the aim of identifying and promoting best practices. The main direction of research. Cross-cultural study of depression aims to identify specific definition of clinical depression within the context of certain cultures as well as indigenous best practices, replicable in a global level. Stigma investigation is focused on cultural specifics of stigma manifestations as a barrier to identifying mental illness, as well as accessing services. The project on including legal aid as a part of treatment plan for ethnically diverse underserved clients with mental health challenges aims at preventing recidivism.

Roswith Roth, Ph.D., clinical and health psychology professor and researcher at the University of Graz in Austria, devoted her speech to the problem of *women’s human rights violation*. She also mentions that violence against women is often complicated by further discrimination on the ground of race, ethnicity, sexual identity, caste, religion, class or age. Main issues commonly associated with notions of women’s rights, such as bodily integrity and autonomy, female genital mutilation, sexual violence, reproductive rights, legal contracts, equal rights and responsibilities in marriage, women’s and girls’ education, women’s right to vote are discussed.

The theme of New York City Convention in 2017 was “*Psychology’s Contribution to People, the Planet and the World*”.

Janel Gauthier’s, Ph.D., president of the International Association of Applied Psychology, keynote address was aimed to examine issues and difficulties in integrating *references to human rights in code of ethics for psychologists*. The different approaches to the interpretation of human rights in ethics codes and the justifications for referring to human rights in codes are analyzed. Also, the ways ethics and human rights differ and complement each other are discussed. The entire address appears in the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* (Gauthier, 2018a; Gauthier, 2018b).

Forum “Global and Diverse Leadership Network” was intended to promote mutual exchange and collaboration on research, training and education on issues of *global and diverse leadership*. It is stated that modern leaders should be culturally competent, able to embrace diversity, be inclusive of cultural differences and world views, to promote social justice.

Forum “Endangered People and Children, Human Rights World Summit 2017” was focused on *different family disfunctions, amplified by social inequality and on methods of psychological help to such families*. How can families who live with exclusion, triangulation and cut-offs live with less pain and more love?

Sandra E.S. Neil, Ph.D., registered clinical and individual, group, marital and family psychologist, proposed some solutions for improvement of family functioning. Treatment options to enable open systems, gender equality in parenting, de-triangulation and promoting the “Psychology of Compassion” in the family was discussed. Newest clinical techniques for the new forms of the family were presented in the case studies.

Machiko Fukuhara, Ph.D., professor emeritus of Tokiwa University (Japan), spoke about *endangered children/youth and the elderly in Japan*, whose roles in society are rapidly changing due to many changes in economy, social structure, culture and the environment. She reports that the extended family concept, which has not been familiar in Japan, is becoming popular now. Collaborative systems in communities is likely to offer chances to both age groups to know themselves and to know how to care/respect the others, different from themselves. The main findings of the study are: being endangered affect on people’s self — actualization; causes and effects of endangered are different among individuals; we should see ‘endangered’ multi-culturally from the stand point of Wellness of Human Being.

Jason Wynter, Ph.D., chairperson of the Department of Behavioral and Social Sciences at Northern Caribbean University (Jamaica), discussed the issue of *substance abuse among adolescent students in Jamaica*. The relationship between peer association and perception of harms and benefits associated with marijuana use among adolescents. It was proved that males are more likely to have friends who use marijuana than their female counterpart.

Roswith Roth, Ph.D., clinical and health psychology professor and researcher at the University of Graz (Austria), studied *ethical decisions among health executives* at palliative care units in Austria. Based on the study results the training program for health care provider who accompany humans during their last days of their lives was developed.

Ann Marie O’Roark, Ph.D., editor, educator, management and leadership consultant in St. Augustine, FL, in her report suggests that although modern society has developed solutions to reduce psychological risks, other *special populations of risk takers* are endangered or at risk, that demands new methodological solutions for their survival and well being. Among these populations are refugees, people with life threatening illnesses willing to take newly developed treatments, people in careers such as emergency services, firefighting, militaries are mentioned as an examples.

Sofia Sousa, M.B.A., a client experience specialist at DXC Technologies, presented her private experience of *learning how to communicate with a partner who has suffered a stroke*.

Justina E. Aire, Ph.D., professor of psychology in the Department of Humanities and Social Science, School of Arts and Science at St. George’s University (Grenada), discussed the issue of oppositional defiant disorder diagnostics. She supposes that this disorder persists into adulthood, and it is under-diagnosed in adults, especially in several developing countries. She suggests that continuous assessment be carried out up to adulthood to enable awareness of the disorder, which, in turn, will encourage and sustain amicable relationship.

Andrew F. Simon, Ph.D., associate professor of psychology at Seton Hall University in New Jersey (USA), made an overview of the social factors shaping the lives of the children in Uganda. As the number of orphans and vulnerable children in Uganda grew

in the ensuing years, it became apparent that their needs would not be met without providing support to their primary caretakers — the women of Uganda.

Chris M. Mulchay, Ph.D., licensed psychologist at Asheville, focused his talk on the limited assessment the children in USA receive before they are diagnosed and medicated. The main institutional factors are considered to be the school system and insurance reimbursement for medication.

The New York City Convention program included not only presentations, but also Pre-conference workshops.

K. Mark Sossin, Ph.D., and **Alla Sheynkin**, Ph.D., at their workshop on body movement behavior introduced the Kestenberg Movement Profile, a quantitative empirical research tool that can be viewed as an ethogrammatic coding system, which stands as a psychologically — informed framework and method for capturing qualities of movement processes that bear meaning. It is applicable from earliest infancy throughout the lifespan. The influence of cultural differences was also considered.

Ani Kalayjian presented the 7-Step Healing Model, aims at expanding the healing process into a sustainable holistic mind-body-eco-spirit approach. It is focused on transforming individual, national and international trauma and violence. According to the model, various aspects of trauma, dispute, conflict, disagreements and disaster are assessed, identified, explored, processed, worked through, and released. This process transforms trauma and suffering by offering new meaning or a new lesson learned.

Barbara Mowder, Reana Nerwen, Renee Krochek and Florence Rubinson explored parenting from different psychological perspectives. Their workshop was aimed at conceptualizing parenting in terms of personal experience, background and culture. It is considered how parent behavior importance levels at different stages in children's development, how parenting shifts and changes over the course of a child's developmental lifespan. The tool for measurement of parenting was introduced — the Parent Behavior Importance Questionnaire (PBIQ-3).

Stacy Ogbeide, Psy.D., M.S. states that, according to many studies, integrating behavioral health services into primary care settings can reduce medical costs, improve treatment adherence, improve clinical outcomes and improve patient and provider satisfaction. The presenter made an overview of integrated primary care models, specific approaches for integrated care service implementation, tracking program and process outcomes, and pitfalls that can occur with the implementation.

The **Part I** also includes abstracts of papers, symposium presentations and posters, presented at New York City Convention, 2017. The presentations covered a wide range of issues: cognitive processes, neuropsychology, cognitive, emotional and social development, mental disorders diagnostics and psychotherapy, psychological needs of persons with severe chronic and life threatening diseases and problems of interaction with such persons and caring for them, stress, trauma and PTSD, gender issues, inclusion, social rejection, human rights and women rights, social identity, resilience, well-being and quality of life, environmental psychology, interpersonal and inter-group relations, love, couple and family relationships, industrial and organizational psychology, cultural diversity, methods of cross-cultural study, new methods of psychological care and support. The speakers represented a lot of countries from around the world, in particular, USA,

Canada, India, Qatar, Brazil, Japan, Russia, United Arab Emirates, Malaysia, Philippines, Korea, Israel, Philippines, Nigeria, Mexico, New Zealand, Hong Kong, Spain, Portugal, Italy.

The end of this part of the book contains four brief essays of the ICP presidents of different years.

Ann M. O’Roark, Ph.D.: *A History of 75 Years of ICP: Footprints and Visions*. The essay summarizes the long history of creation and development of the Council. Its origins began during the World War Two, in August 1941, at first as the “National Council of Women Psychologists”, uniting the committed women who wanted to contribute actively to the war effort. Today ICP is looking for new ways to participate in advancing the application of the findings of scientific psychology to the needs and challenges in the world of current lifetimes. ICP is an independent professional association dedicated to professional activism in the interest of under-represented, at risk or endangered populations.

The first section of the essay addresses chronological organization developments, the second — discusses the Council unique organizational configuration, the final one focuses on governance documents, policies and values that operationalize and delimit the Council.

Jean Lau Chin, Ed.D., ICP president in 2018: *International Leadership Network: Global and Diverse Leadership Strategies and Networks for Scholarship and Education Exchange*. Leadership theories have largely remained silent on issues of equity, diversity and social justice. Most leadership studies have been Eurocentric and male dominant. Prof. Lau Chin developed International Leadership Network as a part of her presidential initiative for the Division of International Psychology (52) of American Psychological Association with the purpose of creating an international network for mutual exchange and collaboration on diverse and global leadership. The intention was to build a critical mass of international scholars to collaborate on research and training in leadership. During 2016 a number of significant events were conducted. The project now has its LinkedIn page ([https://www/linkedin.com/groups/2820671](https://www.linkedin.com/groups/2820671)) through the Division 52 webpage to promote communication among network members. A series of Conversational Hours for leaders and on leadership through web conferencing has been started (<https://div52.org/iln>). Furthermore it is planned to build a Research Exchange Network on Global and Diverse Leadership to collaborate on research of leadership and how social identities, lived experiences, authenticity and cultural and social contexts influence such leadership.

Roswith Roth, Ph.D., ICP president in 2000—2001: *ICP at the United Nations in Vienna*. In 1981 the ICP registered as one of the very first psychology non-governmental organizations (NGO) to work with the United Nations. The UN maintains active NGO centers in three cities: Geneva, Vienna, and New York City. This essay overviews ICP activity in Vienna. UN NGOs in Vienna is very active and remains in close touch with the UN in Geneva and in New York. It disseminates ideas and values of ICP and the UN not only in Austria and Europe, but also world-wide (Takooshian, Shahinian, 2008, etc.).

Sandra E. Neil, Ph.D. ICP president in 1998—1999: *ICP and Human Rights*. From its start in 1941, one of the most recurrent themes of ICP has been human rights. ICP began formally running World Human Rights Summits as part of Scientific Program of each ICP Convention since 1984. At its 2001 Convention “ICP Millennium World Peace Statement” was presented, which emphasized the importance of peace, security and

disarmament; eradication of poverty, human rights, sustainable development and the environment; facing the challenge of globalization: achieving equity, justice and diversity; enabling health rights for all people. One of the essay parts consists of important quotes about human rights. The final part of the essay outlines the present and future ICP effort in human rights defense (Zimbardo, 2007). The author states: “So the world has changed in its details, but in terms of the underlying human issues we continue to struggle to be more fully human”.

Part II. Resources for International Psychology

This part contains seven original essays on how psychologist and students can get more involved in international psychology i.e. in cross-national organizations, research, teaching, practice, technology, online learning and study abroad. The authors are not only famous scientists, but also leaders and representatives of various international psychology organizations.

Merry Bullock, Ph.D., officer in the International Union of Psychological Science, sr. director of International Affairs of APA, president-elect of the APA Division of International Psychology, secretary-general of ICP, & **Teresa Ober**, doctoral student and administration assistant to the main representative of the APA to the UN, explain in detail how individual psychologist and students become more involved in **international psychology organizations**. The essay contains an overview on: (a) three kinds of international psychology organizations (umbrella, regional, specialty) and their diverse activities; (b) international networks; (c) international organizational consortia; and (d) how individuals can become involved. Readers are provided with useful information and many links for detailed acquaintance with different psychology organizations and networks. In conclusion, the authors describe the steps to involved: “be present, be active and trusted, be persistent, and enjoy the process”.

Andrew S. Simon, Ph.D., member of the Board of the ICP, in his essay suggests a guide for those who seeking to undertake their own **international research**. Presented information allows to highlight key components in cross-national research: (a) getting starting; (b) study designs; (c) obtaining permission; (d) sampling; (e) translations and instrumentation; and to direct readers to resources that provide in-depth discussions.

Grant J. Rich, Ph.D., senior editor of *Pathfinders of International Psychology* (2015), past-editor (2010—2014) of APA Division 52’s International Psychology Bulletin, & **Uwe P. Gielen**, Ph.D., past President of ICP, APA’s International Psychology Division (52), and the Society of Cross-Cultural Psychology, answer the question: How can we best **internationalize our psychological courses**? The authors believe that an appropriate starting point is perusal of the volumes on this topics. For example, the series of books co-edited by Sherry McCarthy, entitled *Teaching Psychology Around the World* (McCarthy et al., 2007, 2009, 2012) or *Internationalizing the Teaching of Psychology* by Rich, Gielen, and Takooshian (2017) and so on. Other step is utilized MOOCs in internationalizing psychology teaching (Plous, 2017). Also there exist a number of methods to internationalize psychology at faculty level, e.g. utilize more international research and materials, integrate co-curricular activity into program (for instance, Psi Chi, the International Honor Society

in Psychology, can help connect students around the globe), etc. The authors conclude that “organizations as ICP continue to play a significant role in international psychology, and it is notable that the organization offers frequent opportunities for students involvement, such as a conference presentations, student awards, and publications”.

Linda C. Lubranski, MEd, Coordinator of Global Studies and Director of Academic Engagement at St. Joseph’s College (Pathchgue, NY), advises students how to find a suitable program for *study abroad*. She tries to help students to identify good experiences, recommends many helpful resources for study abroad students and their faculty advisors, and shows some common errors with ways to avoid its.

George Hu, Psy.D., director of Psychology and Mental Health at Jiahui Health, assistant director of the Center for Cognitive Behavioral Therapy (Beijing United Family Hospital), & **Randy Walton**, Ph.D., a licensed clinical psychologist, member of APA Division 52: International Psychology, offer their answer to the question: How can individual psychologist and students become more involved in mental health practice internationally? This guide provides overview of: (a) common types of international mental health practice (consultations, assessment, psychotherapy/treatment, teaching); (b) some ways to get started; (c) cross-cultural and ethic/legal considerations; (d) examples of evidence-based practice used around the world; (e) opportunities for the psychologist educate themselves regarding the *International Classification of Disorders 10th Edition* (ICD-10).

Kristen Treglia, BA, a senior instructional technologist at Fordham University and the author of *The EdTech Bible* (2017), & **Olivia Bradley-Willemann**, MS, academic technology and information administrator for the Department of Psychology at Fordham University, describe the possibilities and benefits of emerging *educational technologies for international psychology*: teaching, research and other activities. They offer a brief primer of such technologies in six part: (1) platforms (LMS, blogs, micro-blog, MOOCs); (2) tools (social bookmarking, Google drive, editing); (3) digital pedagogy (flipped classrooms, Wikipedia, TED, Mediasite); (4) resources (images, videos, digital identity); (5) productivity (video conferencing, doodle polls, Qualtrics, Survey Monkey); (6) a list of useful webpages.

Patrick A. Berzinski (1964–2017), the founder and CEO of Tranquility49 PR, & **Goran Trajkovski**, the CEO at Algoco eLearning, outline the future of MOOGs and other online teaching platforms for *Global online learning*. The authors offer a list of the top five tech trends that will shape and impact the delivery of online education in the coming five or so years: (1) personalized instructions, (2) “non standart” Learning Management System (LMS), (3) blurring the line between learning object and learning resources, (4) academic analytics, (5) gamification/simulations.

Part 3. Visions of International Psychology

Final part of the volume includes vision statements from 31 leaders of international psychology, to answer this timely question: “*In your view, what is the optimal role of international psychology organizations to address the emerging challenges of the 21st Century?*” Below are listed only the names and main positions of these psychologists and titles of their answers, which briefly reflect their opinions:

— Ambassador **T. Hamid Al Bayati**, Ph.D., author, behavioral scientist, and Permanent Representative of Iraq to the UN (2006—2013): *Using Behavioral Research to Combat Global Terrorism*;

— **David B. Baker**, Ph.D., the Margaret Clark Morgan executive director of the Cummings Center for the History of Psychology, professor of Psychology at the University of Akron: *What the Past Can Tell Us about the Future of International Psychology Organizations*;

— **Maria Consuelo Barreda-Hanson**, Ph.D., past-president (2010) and a long-standing ICP board member: *A Vision for the Future of ICP*;

— **Michael Harris Bond**, Ph.D., past-president of the International Association for Cross-Cultural Psychology, chair professor of Psychology in the Business Faculty of the Hong Kong University: *Will International Psychology Organizations Sound the Tocsin for Our Imperiled Planet?*

— **Yosef Brody**, Ph.D., past-president of Psychologist for Social Responsibility, and a member of the Coalition for an Ethical Psychology: *Psychology's Role in Preventing Human Rights Violations*;

— **Merry Bullock**, Ph.D., officer in the International Union of Psychological Science, sr. director of International Affairs of APA, president-elect of the APA Division of International Psychology, secretary-general of ICP: *Vision of the Future of International Psychology*;

— **Jean Lau Chin**, EdD, ABPP, past-president of APA Division 52: International Psychology, and 2018 president of ICP: *Vision Ahead for ICP*;

— **Saths Cooper**, Ph.D., president of the International Union of Psychological Science and Pan-African Psychological Union, and vice-president of International Social Science Council: *Psychology Must Serve All of Humanity*;

— **Nicholas A. Cummings**, Ph.D., ScD, past-president of APA (1979), co-founder of the California Schools of Professional Psychology: *The Turbulent History and the Future of the Practice of Psychology*;

— **Jessica Henderson Daniel**, Ph.D., ABPP, the president of APA in 2019: *A Vision for Global Psychology*;

— **Florence L. Denmark**, Ph.D., past-president of APA, ICP and Psi Chi, and **Josephine Tan**, Ph.D., past-president of Canadian Council of Professional Psychology Programs, the current ICP Awards coordinator and director at large: *Our Vision for International Organizations*;

— **Kurt F. Geisinger**, Ph.D., director of the Buros Center on Testing at the University of Nebraska, president-elect and treasurer of the International Test Commission, and president-elect of the Assessment and Evaluation Division of the International Association of Applied Psychology: *The Impact of International Issues and Organizations in Psychological Testing*;

— **Uwe P. Gielen**, Ph.D., past-president of ICP, APA's International Psychology Division 52, and the Society of Cross-Cultural Psychology: *Three Suggestions for International Psychology Associations to Consider*;

— **Milton D. Hakel**, Ph.D., founding president of the Alliance of Organizational Psychology, professor emeritus at Bowling Green State University: *These Are Tough Times for us Optimists*;

— **Diane F. Halpern**, Ph.D., past-president of APA, dean of Social Sciences, emerita, Minerva School at KGL: *International Unions: What They Should Be Doing to Advance Psychology and Improve the World*;

— **David Y.F. Ho**, past-president of ICP: *Psychology: An Abysmal Science?*

— **Ani Kalayjian**, EdD, BC-RN, BCETS, DDL, board certified expert in traumatic Stress: *International Organizations Can Transform Trauma into Resilience*;

— **Kenneth D. Keith**, Ph.D., past-president of Society for the Teaching of Psychology (2017), professor emeritus of psychological sciences at the University of San Diego: *Can We Become a Psychology for All People?*

— **Michael Knowles**, Ph.D., past-president of the International Association of Applied Psychology (2006–2010), long-term member of the Joint Cooperation Committee of IAAP and International Union of Psychological Science: *What is the Role of International Psychology Organizations in Addressing the Emerging Challenges of the 21 Century?*

— **Ann Marie O’Roark**, Ph.D., ABPP, fellow of the APA, Divisions 1, 13, 32, 49, 52 and the Society of Personality Assessment: *An Optimal Role for International Psychology Organizations*;

— **J. Bruce Overmier**, Ph.D., president of the International Union of Psychological Science and president of three Divisions of the APA: *Psychology’s Prospekts for Being a Global Discipline*;

— **Kurt Pawlik**, Ph.D., professor emeritus at the University of Hamburg, Germany, past-president of the German Society of Psychology, of the International Union of Psychological Science, and of the international Social Science Council: *International Psychology: Opportunity and Challenge*;

— **José M. Peiró**, Ph.D., past-president of the International Association of Applied Psychology, director of the University Research Institute of Human Resources Psychology INDOCAL, University of Valencia, Spain: *Challenges and Opportunities for Psychology in a “Glocal” World: What Can International Psychology Organizations Contribute?*

— **Antonio E. Puente**, Ph.D., past-president of APA (2017), professor of Psychology at the University of North Carolina Wilmington: *Tree Proposal for a New Psychology*;

— **Martin E. P. Seligman**, Ph.D., past-president of the APA (1998), University of Pennsylvania: *International Positive Psychology and Positive Education*;

— **Robert J. Sternberg**, Ph.D., past-president of the APA and Federation of Associations in Behavioral and Brain Sciences: *What Can Psychological Science Contribute in the 21st Century?*

— **Chris E. Stout**, PsyD, MSW, founding director of the Center for Global Initiatives, VP of Research and Data Analytics at ATI Holdings, LLC, and at the University of Illinois at Chicago: *International Psychology’s Critical Roles in Global Change and Benefit*;

— **Harold Takooshian**, Ph.D., past officer and president of Psi Chi (1993–2000), and past-president of the International Division of the APA (2003): *How Can Psychological Scientist Best Partner with Policy-Makers?*

— **Fons J.R. van de Vijver**, Ph.D., past-president of the International Association for Cross-Cultural Psychology, professor of Cross-Cultural Psychology at the Tilburg University (the Netherlands), the North-West University (South Africa) and the University of Queensland (Australia): *On the Role of International Associations in Cross-Cultural Communications*;

— **Randall P. White**, Ph.D., head of leadership at HEC Paris, president of APA Division 13: *Good Social Science Facilitates Good Social Policy*.

The editors and authors of the book hope that it contains useful information for anyone interested in the possibilities of global psychological science, practice, consulting, advocacy.

References

- Congress, E.P. (2018). Calling All International Psychologists! *The International Psychologists*, 58(3), section B, 15—17.
- Gauthier, J. (2018a). References to Human Rights in Codes of Ethics for Psychologists: Critical Issues and Recommendations. Part 1. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(1), 7—21. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-7-21
- Gauthier, J. (2018). References to Human Rights in Codes of Ethics for Psychologists: Critical Issues and Recommendations. Part II. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(2), 131—146. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-2-131-146
- McCarthy, S., Cranney, J., Dickson, K.L., Trapp, A., & Karandashev, V. (Eds.). (2012). *Teaching Psychology Around the World: Vol. 3*. Newcastle upon Tune, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- McCarthy, S., Karandashev, V., Stevens, M., Tratcher, A., Jaafar, J., Moore, K., Trapp, A., & Brewer, C. (Eds.). (2019). *Teaching Psychology Around the World: Vol. 2*. Newcastle upon Tune, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- McCarthy, S., Newstead, S., Karandashev, V., Prandini, C., Hutz, C., & Gomes, W. (Eds.). (2017). *Teaching Psychology Around the World: Vol. 1*. Newcastle upon Tune, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- Plous, S. (2017). Internationalizing Psychology through massive open online courses. In Rich, G., Gielen, U., & Takooshian, H. (Eds.). *Internationalizing the Teaching of Psychology* (pp. 91—102). Charlotte, NC: IAP — Information Age Publishing.
- Rich, G.J., & Gielen, U. (Eds.). (2015). *Pathfinders of International Psychology*. Charlotte, NC: IAP — Information Age Publishing.
- Rich, G., Gielen, U., & Takooshian, H. (Eds.). (2017). *Internationalizing the Teaching of Psychology*. Charlotte, NC: IAP — Information Age Publishing.
- Takooshian, H., & Shahinian, S. (2008). Psychology at the United Nations: A brief history. *Psychology International*, 19, 10—11. Retrieved from: www.apa.org/international/pi/2008/10/un.aspx
- Treglia, K. (2017). *The EdTech Bible: Everything you need to know about teaching and technology*. Retrieved from: <http://www.theedtechbible.com/>
- Zimbardo, P. (2007). *The Lucifer effect*. New York, NY: Random House.

© Novikova I.A., Chebotareva E.Y., Novikov A.L., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

For citation:

Novikova, I.A., Chebotareva, E.Yu., Novikov, A.L. (2018). Book Review: Visions and Resources for International Psychology: 75 Years of the International Council of Psychologists. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 512—523. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-512-523

Bio Notes:

Irina A. Novikova — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: novikova_ia@pfur.ru

Elena Yu. Chebotareva — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Child and Family Psychotherapy of Moscow State University of Psychology and Education and the Department of Psychology of National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia). E-mail: chebotarevy@yandex.ru

Alexey L. Novikov — Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: novikov_al@pfur.ru

Рецензия на книгу:

Visions and Resources for International Psychology:
75 Years of the International Council of Psychologists /
ed. by H. Takooshian, U.P. Gielen, F.L. Denmark, A.M. O'Roark.
N.Y.: Global Scholarly Publications. 332 p.

И.А. Новикова¹, Е.Ю. Чеботарева^{2,3}, А.Л. Новиков¹

¹ Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

² Московский государственный психолого-педагогический университет

Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, 29

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

Для цитирования:

Novikova I.A., Chebotareva E.Yu., Novikov A.L. Book Review: Visions and Resources for International Psychology: 75 Years of the International Council of Psychologists // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 512–523. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-512-523

Сведения об авторах:

Новикова Ирина Александровна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: novikova_ia@pfur.ru

Чеботарева Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры детской и семейной психотерапии Московского государственного психолого-педагогического университета и департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: chebotarevy@yandex.ru

Новиков Алексей Львович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: novikov_al@pfur.ru

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в научном журнале
«Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: Психология и педагогика»**

Прием и подготовка рукописей к печати

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.university

2. После поступления статьи в редколлегию главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80 %, статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п. 2), направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2—3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи, наглядность иллюстративного материала (при наличии); 6) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению, дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 7) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации, рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков, не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья, и указывает планируемые сроки публикации.

Требования к оформлению рукописей

Компьютерный набор: формат MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

– в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта: <http://teacode.com/online/udc/>);

– название (форматирование по центру);

– инициалы и фамилия автора/авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);

– место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);

– рабочий адрес автора (последовательность: страна, почтовый индекс, название населенного пункта, название улицы, номер дома, курсив);

– аннотация содержания статьи (150—250 слов);

– список ключевых слов (5—10);

– текст статьи (рекомендуемый объем 15 000—25 000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: *Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы*); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;

– таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;

– при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «**Примечания**». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т.д.;

– раздел «**Библиографический список**», в котором **по алфавиту** указываются выходные данные источников (обязательно указание **doi**, для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем — на иностранных языках). В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см.: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе/авторах: **ФИО** (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза/организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

– перевод на английский язык названия статьи;

– транслитерация фамилии, имени, отчества автора/авторов;

– официальный перевод наименования организации;

– транслитерация адреса организации;

– перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;

– раздел “**References**”, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от библиографического списка, т.к. он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см.: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);

– перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (References) помещается название; фамилия, имя, отчество автора/авторов; наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе “References” они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psyj@rudn.university

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36432

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Психология
и педагогика»

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36432

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Психология и педагогика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)